

ISSN 2072-8522
ISSN (online) 2310-7278

Вестник

МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия *Русская филология*

Тема номера:
К ЮБИЛЕЮ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

2021 / № 3

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2072-8522 (print)

2021 / № 3

ISSN 2310-7278 (online)

серия

РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Рецензируемый научный журнал. Основан в 1998 г.

«Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология» включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по следующим научным специальностям: 10.01.01 – Русская литература; 10.01.03 – Литература народов стран зарубежья; 10.02.01 – Русский язык.

The peer-reviewed journal was founded in 1998

«Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian philology» is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation into “the List of reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a PhD Candidate or Doctorate Degree” (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation) in Philological Sciences: 10.01.01 – Russian literature; 10.01.03 – Literature of the peoples of foreign countries; 10.02.01 – Russian language.

ISSN 2072-8522 (print)

2021 / № 3

ISSN 2310-7278 (online)

series

RUSSIAN PHILOLOGY

BULLETIN
OF THE MOSCOW REGION
STATE UNIVERSITY

Учредитель журнала «Вестник Московского государственного областного университета.

Серия: Русская филология»:

Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области

Московский государственный областной университет

Выходит 5 раз в год

Редакционная коллегия

Главный редактор:

Шаповалова Т. Е. — д-р филол. наук, проф., МГОУ

Заместитель главного редактора серии:

Герасименко Н. А. — д-р филол. наук, проф., МГОУ

Ответственный секретарь серии:

Леденёва В. В. — д-р филол. наук, проф., МГОУ

Члены редакционной коллегии:

Аврамова В. Н. — доктор филологии, проф., Шуменский университет имени Епископа Константина Преславского (Республика Болгария);

Алексеева Л. Ф. — д-р филол. наук, проф., МГОУ;

Аношкина В. Н. — д-р филол. наук, проф., заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Воропаев В. А. — д-р филол. наук, проф., МГУ имени М. В. Ломоносова;

Гусман Т. Р. — д-р филол. наук, проф., Гранадаский университет (Испания);

Киселёва И. А. — д-р филол. наук, проф., МГОУ;

Колларова Э. — доктор философии, проф., Католический университет в Ружомберке (Словакия);

Копосов Л. Ф. — д-р филол. наук, проф., МГОУ;

Моторин А. В. — д-р филол. наук, проф., Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого;

Нагорный И. А. — д-р филол. наук, проф., Цзилиньский университет (Китайская Народная Республика);

Норман Б. Ю. — д-р филол. наук, проф., Белорусский государственный университет (Республика Беларусь);

Петров А. В. — д-р филол. наук, проф., Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова (г. Архангельск);

Рацибурская Л. В. — д-р филол. наук, проф., Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского;

Супрун В. И. — д-р филол. наук, проф., Волгоградский государственный социально-педагогический университет;

Титаренко Е. Я. — д-р филол. наук, доц., Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского;

Шаталова О. В. — д-р филол. наук, проф., МГОУ;

Шеншина В. А. — д-р филол. наук, науч. сотр., Хельсинкский университет (Финляндия);

Щедрина Н. М. — д-р филол. наук, проф., МГОУ

ISSN 2072-8522 (print)

ISSN 2310-7278 (online)

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология» — печатное издание, публикующее статьи по языкознанию (лексико-грамматический строй русского языка, язык художественной литературы); литературоведению (исследование творчества русских и зарубежных писателей, сопоставительный анализ их произведений).

Журнал адресован учёным, преподавателям, докторантам, аспирантам и всем, кто интересуется достижениями филологической науки.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС 77 - 73348.

Индекс серии «Русская филология»

по Объединённому каталогу «Пресса России» 40718

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), имеет полнотекстовую сетевую версию в интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), с августа 2017 г. на платформе Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (<https://cyberleninka.ru>), а также на сайте Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru).

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника Московского государственного областного университета» обязательна. Публикация материалов осуществляется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии серии. Рукописи не возвращаются.

Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. — 2021. — № 3. — 116 с.

© МГОУ, 2021.

Адрес Отдела по изданию научного журнала «Вестник Московского государственного областного университета»

г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98

тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru; сайт: www.vestnik-mgou.ru

**Founder of journal «Bulletin of the Moscow Region State University.
Series: Russian Philology»
Moscow Region State University**

————— Issued 5 times a year —————

Editorial board

Editor-in-chief:

T. Ye. Shapovalova – Dr. Sci. (Philology), Professor, MRSU

Deputy editor-in-chief:

N. A. Gerasimenko – Dr. Sci. (Philology), Professor, MRSU

Executive secretary of the series:

V. V. Ledeneva – Dr. Sci. (Philology), Associate Professor, MRSU

Members of Editorial Board:

V. N. Avramova – Dr. Sci. (Philology), Professor, University of Shumen Bishop Konstantin of Preslav (Bulgaria);

L. F. Alekseyeva – Dr. Sci. (Philology), Professor, MRSU;

V. N. Anoshkina – Dr. Sci. (Philology), Professor, honored science worker of the Russian Federation;

V. A. Voropayev – Dr. Sci. (Philology), Professor, Lomonosov Moscow State University;

R. T. Guzmán – Doctor of Philological sciences, Professor, University of Granada (Spain);

I. A. Kiseleva – Dr. Sci. (Philology), Associate Professor, MRSU;

E. Kollarova – Doctor of Philosophy, Professor, Catholic University in Ruzomberok (Slovakia);

L. F. Koposov – Dr. Sci. (Philology), Professor, MRSU;

A. V. Motorin – Dr. Sci. (Philology), Professor, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University;

I. A. Nagorny – Dr. Sci. (Philology), Professor, Jilin University (China);

B. Yu. Norman – Dr. Sci. (Philology), Professor, Belorussian State University (Belarus);

A. V. Petrov – Dr. Sci. (Philology), Professor, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (Arkhangelsk);

L. V. Ratsiburskaya – Dr. Sci. (Philology), Professor, N.I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod;

V. I. Suprun – Dr. Sci. (Philology), Professor, Volgograd State Socio-Pedagogical University;

E. Y. Titarenko – Dr. Sci. (Philology), Associate Professor, Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky;

O. V. Shatalova – Dr. Sci. (Philology), Professor, MRSU;

V. A. Shenshina – Dr. Sci. (Philology), Helsinki University (Finland);

N. M. Shchedrina – Dr. Sci. (Philology), Professor, MRSU

ISSN 2072-8522 (print)

ISSN 2310-7278 (online)

The reviewed scientific journal "Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology" is a printed edition that publishes articles on linguistics (lexicogrammar system of the Russian language, the language of literature); literature study (study of the works of Russian and foreign writers, a comparative analysis of their works).

The journal is addressed to scientists, teachers, doctoral students, PhD students and all those interested in the achievements of philological science.

The series «Russian Philology» of the Bulletin of the Moscow Region State University is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate ПИ № 0С 77 - 73348.

Index series «Russian Philology» according to the union catalog «Press of Russia» 40718

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), and from August 2017 on the platform of the Scientific Electronic Library "CyberLeninka" (<https://cyberleninka.ru>), as well as at the site of the Moscow Region State University (www.vestnik-mgou.ru)

At citing the reference to a particular series of «Bulletin of the Moscow Region State University» is obligatory. Scientific publication of materials is carried out in accordance with the license of Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the author. Manuscripts are not returned.

Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology. – 2021. – № 3. – 116 p.

© MRSU, 2021.

The Editorial Board address:

Moscow Region State University

10A Radio st., office 98, Moscow, Russia

Phone: (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru; site: www.vestnik-mgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии 6

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

- Волкова Е. П., Хамшиовски С. А.** Лексические средства выражения модального значения необдуманности действия в произведениях Ф. М. Достоевского... 7
- Иосифова В. Е.** Особенности семантики императивных высказываний в прозе Ф. М. Достоевского..... 13
- Колесникова С. М.** Контекстные и семиотические способы репрезентации «русской души» в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»..... 19
- Нагорный И. А.** Структурно-позициональные и коммуникативные функции модально-сомнительных частиц в текстах произведений Ф. М. Достоевского 30
- Николина Н. А.** Экспрессивные словообразовательные средства в произведениях Ф. М. Достоевского 41
- Ружицкий И. В., Ма Цзинян.** Семантическое поле 'страх' в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» 48
- Шапалова Т. Е.** После острога: пропозитивные модели в тексте повести Ф. М. Достоевского «Записки из Мёртвого дома» 59

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- Алтатова Т. А.** Повествовательные принципы Н. М. Карамзина в художественной структуре романа Ф. М. Достоевского «Бедные люди» 65
- Догнал Й.** Несколько заметок по поводу образа мыши в «Записках из подполья» Ф. М. Достоевского 73
- Моторин А. В.** Достоевский о русском самодержавии 81
- Сохряков Ю. И.** Роман Дж. Стейнбека «Зима тревоги нашей» в аспекте идейно-художественного восприятия «Преступления и наказания» Ф. М. Достоевского.. 89
- Степченкова В. Н.** Концепция евангельской любви в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» 96
- Сытина Ю. Н.** «Легион имя мне»: ещё раз к вопросу о «муравейниках» Достоевского... 105

CONTENTS

<i>From Editorial Board</i>	6
-----------------------------------	---

LINGUISTIC STUDIES

E. P. Volkova, S. A. Khamshovzski. Lexical Means of Expression of the Modal Meaning of Thoughtlessness of Action in the Works of F. Dostoevsky	7
V. E. Iosifova. Features of the Semantics of Imperative Statements in the Prose of F. Dostoevsky	13
S. M. Kolesnikova. Contextual and Semiotic Ways of Representing the "Russian Soul" in F. Dostoevsky's Novel "The Brothers Karamazov"	19
I. A. Nagorny. Structural-positional and Communicative Functions of Modal-doubt Particles in the Texts of Works by F. Dostoevsky.	30
N. A. Nikolina. Expressive Word-formation Means in the Works of F. Dostoevsky	41
I. V. Ruzhitsky, Ma Jinyan. Semantic Field "Fear" in the Novel "Crime and Punishment" by Fyodor Dostoevsky	48
T. E. Shapovalova. <i>After Ostrog</i> : Pro-positive Models in the Text of F. Dostoevsky's Story "The House of the Dead"	59

LITERARY STUDIES

T. A. Alpatova. Narrative Principles of N. Karasmzin in the Artistic Structure of the F. Dostoevsky's "Poor Folk"	65
J. Dognal. Several Notes on the Image of a Mouse in "Notes from the Underground" by F. Dostoevsky	73
A. V. Motorin. Dostoevsky on Russian Autocracy	81
Yu. I. Sokhryakov. John Steinbeck's Novel "The Winter of Our Discontent" in the Aspect of Ideological and Artistic Perception of "Crime and Punishment" by F. Dostoevsky	89
V. N. Stepchenkova. The Concept of Gospel Love in the Novel by F. Dostoevsky	96
Yu. N. Sytina. "Legion is My Name": Once Again to the Question of Dostoevsky's "Anthills" ...	105

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Третий номер нашего журнала тематический. Он посвящён юбилею этого года – Фёдору Михайловичу Достоевскому, известнейшему русскому мыслителю, писателю, публицисту, журналисту, редактору. 11 ноября 2021 г. исполняется 200 лет со дня его рождения. По указу Президента Российской Федерации разработан и утверждён план основных мероприятий, приуроченных к подготовке и проведению празднования этого юбилея, что свидетельствует о большой значимости события не только для любителей творчества Достоевского, но и для жителей всей страны, всего читающего и размышляющего о добре мира народа.

Весом вклад классика в отечественную и мировую культуру. Как отмечают исследователи ЮНЕСКО, Достоевский и сегодня продолжает оставаться одним из самых переводимых русских авторов в мире. И самых цитируемых. Литературоведы и лингвисты анализируют его художественное наследие, школьники и студенты вчитываются в произведения писателя,

стараясь понять его взгляд на человека. Пополняется фильмотека экранизаций великих романов «Братья Карамазовы», «Преступление и наказание», «Идиот», «Бесы», включённых во «Всемирную библиотеку», и других творений Фёдора Михайловича. По произведениям писателя ставят драматические и балетные спектакли, оперы, мюзиклы, затронутые им темы вдохновляют современных художников, хотя те и высказывают противоречивые суждения.

В этом номере журнала учёные нашего университета и исследователи творчества Достоевского из других вузов России и зарубежья уточняют онтологический статус важнейших концептов, сформировавших художественную и языковую картину мира писателя: *долг, добро, зло, любовь, послушание, жалость, страдание, страсть*. Авторы публикуемых статей доказывают, что Достоевский остаётся самым актуальным русским писателем, помогают познавать его тексты, полные глубоких размышлений, рассматривают идею нравственной ответственности человека перед обществом, характеризуют мировидение, многоплановость мысли Достоевского, место и значение его творчества в мировом историко-культурном процессе.

*Шаповалова Татьяна Егоровна,
доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой современного русского
языка имени профессора П. А. Лебанта Московского государственного областного
университета, академик Международной академии наук педагогического образования,
главный редактор научного журнала «Вестник Московского государственного
областного университета. Серия: Русская филология»*

УДК 81.114

DOI: 10.18384/2310-7278-2021-3-7-12

ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ МОДАЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ НЕОБДУМАННОСТИ ДЕЙСТВИЯ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

Волкова Е. П.¹, Хамшовски С. А.²

¹Московский государственный технологический университет «СТАНКИН»

127055, г. Москва, Вадковский пер., д. 3А, Российская Федерация

²Будапештский экономический университет прикладных наук

HU-1065, г. Будапешт, ул. Диоши Лайоша, д. 22/24, Венгрия

Аннотация

Цель. Исследовать лексические средства выражения модального значения необдуманности действия в произведениях Ф. М. Достоевского.

Процедура и методы. Проведён структурно-семантический анализ конструкций, извлечённых методом сплошной выборки из произведений Ф. М. Достоевского, а также использован метод обобщения.

Результаты. По итогам исследования выделены модальные глаголы, семантические типы, выявлены особенности структуры предложений с семантикой необдуманности и средства усиления данного значения в языке Достоевского.

Теоретическая и/или практическая значимость. Теоретическая значимость исследования определяется вкладом в методику лингвистического анализа текста. Материалы статьи могут быть использованы в практике преподавания современного русского языка.

Ключевые слова: контекст, модальные глаголы, необдуманность действия, отрицательная оценка, субъект и объект, субъектный инфинитив

LEXICAL MEANS OF EXPRESSION OF THE MODAL MEANING OF THOUGHTLESSNESS OF ACTION IN THE WORKS OF F. DOSTOEVSKY

E. Volkova¹, S. Hamsovszki²

¹Moscow State University of Technology "STANKIN"

3A Vadkovskij per., Moscow 127055, Russian Federation

²Budapest Economic University of Applied Sciences

HU-1065 22-24, Diósy Lajos ul. Budapest, Hungary

Abstract

Aim of the article is to investigate the lexical means of expressing the modal meaning of thoughtlessness of action in the works of F. Dostoevsky.

Methodology. The structural-semantic analysis of the structures extracted by the method of continuous sampling from the works of F. M. Dostoevsky is carried out along with the method of generalization.

Results. The result of the investigation was the identification of modal verbs, semantic types, the identification of features of the structure of sentences with the semantics of thoughtlessness and the means of strengthening this meaning in the language of Dostoevsky.

Research implications. The theoretical significance of the article is determined by the contribution to the methodology of linguistic analysis of the text. The materials of the article can be used in the practice of teaching modern Russian.

Keywords: thoughtlessness of action, modal verbs, subject and object, subject infinitive, context, negative evaluation

Введение

Модальность всегда привлекает внимание учёных. Она относится «к числу основных, центральных языковых категорий, в разных формах обнаруживающихся в языках разных систем» [1, с. 57], является объектом исследования в трудах многих лингвистов. Однако в описании модальной семантики нельзя поставить точку.

Семантика необдуманности репрезентирует отношение к неуместному действию, которое приводит к нежелательному результату [2]. Модальные глаголы с примыкающим к ним инфинитивом, который не может выполнять функцию предиката самостоятельно [14], представляют «модальность предиката» [6, с. 105].

Проанализировав языковой материал, мы выделили модальные глаголы и типы значения необдуманности, выявили средства усиления указанного значения.

В рамках темы данной статьи проводится структурно-семантический анализ конструкций, извлечённых методом сплошной выборки из произведений Ф. М. Достоевского.

Необдуманность и невольность действия

Невольное действие – действие, «совершаемое или проявляющееся само по себе, независимо от воли, без сознательного намерения»¹.

Приведём пример:

дательный субъекта действия + модальный глагол + субъектный инфинитив + винительный прямого объекта

Вдруг мне вздумалось пригласить его [Горянчикова] на минутку к себе ... ужас выразился на лице его; он совсем потерялся, начал бормотать какие-то бессвязные слова и вдруг, злобно взглянув на меня, бро-

*сился бежать ... С тех пор ... он смотрел на меня ... с испугом*².

В данном контексте выражено отрицательное отношение к необдуманному действию, выполненному субъектом 'неожиданно для самого себя'³ и для объекта действия. На неожиданность и внезапность указывает лексема *вдруг*⁴.

Субъектом является рассказчик. Дативная конструкция передаёт пассивность деятеля, указывает на невольность действия и освобождает лицо, которое его совершило, «от какой бы то ни было ответственности за конечный результат» [5, с. 12]. **На быстротечность действия** субъекта указывает словоформа *на минутку*. Это синтаксема «с абсолютным временным значением» [12], которая выражает «количество существования события в реальной действительности» [12, с. 32].

Безличный модальный глагол *вздуматься* имеет значение: 'неожиданно захотеться, прийти на ум'⁵. Форма данного глагола добавляет **«признак произвольности, стихийности, немотивированности действия»** [7, с. 4].

Субъектный инфинитив *пригласить* не содержит негативной коннотации в своей семантической структуре, поэтому нужны дополнительные маркёры семантики необдуманности. Они представлены в широком контексте.

Объектом является лицо. Состояние, в котором оно пребывает [3, с. 128] описано лексемами *ужас, испуг*, выражающими «оценку состояния с эмоциональной стороны»

² Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 4. Л.: Наука, 1972. С. 7.

³ Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / гл. ред. Ю. Д. Апресян. М.; Вена: Языки славянской культуры: Венский славистический альманах, 2004. С. 628.

⁴ Лопатин В. В., Лопатина Л. Е. Иллюстрированный толковый словарь современного русского языка. М.: Эксмо, 2007. С. 57.

⁵ Лопатин В. В., Лопатина Л. Е. Иллюстрированный толковый словарь современного русского языка. М.: Эксмо, 2007. С. 65.

¹ Словарь синонимов русского языка: в 2-х т. Т. 1 / под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Астрель, АСТ, 2001. С. 628, 629.

[8, с. 364] и представляющими «активное эмоциональное состояние» [4, с. 41]. Слово *ужас* передаёт 'крайнее изумление, негодование, расстройство, вызванное чем-нибудь неприятным'¹, лексема *испуг* – 'внезапное ощущение страха, близкой опасности'².

Растерянность объекта передана при помощи глагола *потеряться*, который выражает значение 'лишаться самообладания, уверенности'³. Его неосознанное действие представлено словом *бормотать*, которое означает 'говорить тихо и невнятно'⁴ и усилено лексемой *бессвязный*, в которой при помощи префикса *бес-* происходит движение по оценочной шкале и изменение знака с положительного на отрицательный. 'Чувство недоброжелательства, враждебности'⁵ по отношению к объекту передано наречием *злобно*. Подробное описание отрицательно-оценочной лексики представлено в работе одного из авторов статьи [13].

Необдуманность действия с этической точки зрения

Этика – совокупность норм поведения, мораль⁶. Необдуманное действие, как правило, подразумевает отступление от этических норм и противоречие им.

Рассмотрим структурные особенности.

Модальный глагол + субъект поведения + субъектный инфинитив + дательный объект поведения

– *Вот и вздумал он [Фома Фомищ Опискин] ко мне придирааться... Зачем, скажите ему, я такой толстый? ... Ну, видно ли тут остроумие?*⁷

В данном контексте субъектом является лицо, которое ведёт себя неэтично и необдуманно по отношению к объекту.

Модальный глагол *вздумать* имеет значение: 'неожиданно осуществить намерение'⁸. Субъектный инфинитив *придираться* содержит негативную коннотацию в своей структуре и 'указывает, что упреки, обвинения необоснованны, несправедливы или вызваны излишней строгостью, требовательностью по отношению к кому-, чему-либо'⁹.

Фразеосинтаксическое сочетание *вот и + модальный глагол вздумать* 'выражает удивление, негативную оценку чего-либо в сочетании с неодобрением, насмешкой, возмущением'¹⁰. Автор высказывания, являющийся субъектом в данном примере, возмущён поведением субъекта и выражает свою отрицательную оценку. Неодобрение поведения субъекта, насмешка над ним представлены в риторических вопросах.

ИмPLICITно-эксплицитный субъект поведения + модальный глагол + субъектный инфинитив

– *Что? что ты сказал? «Ори ещё больше»?.. грубиянить вздумал! – закричал толстяк, весь побагровев*¹¹.

В данном примере мы определяем субъект по широкому контексту, им является лицо, которое нарушает нормы этики и непозволительно ведёт себя по отношению к другим людям.

Глагол *грубиянить* в роли субъектного инфинитива выражает отрицательную оценку и имеет значение: 'говорить грубо, вести себя грубо сознательно или по недостатку такта, воспитанности и т.п.'¹².

¹ Русский семантический словарь / под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. Т. III. М.: Азбуковник, 1998. С. 249.

² Русский семантический словарь / под общей ред. Н. Ю. Шведовой. Т. III. М.: Азбуковник, 1998. С. 248.

³ Лопатин В. В., Лопатина Л. Е. Иллюстрированный толковый словарь современного русского языка. М.: Эксмо, 2007. С. 797.

⁴ Лопатин В. В., Лопатина Л. Е. Иллюстрированный толковый словарь современного русского языка. М.: Эксмо, 2007. С. 46.

⁵ Лопатин В. В., Лопатина Л. Е. Иллюстрированный толковый словарь современного русского языка. М.: Эксмо, 2007. С. 213.

⁶ Русский семантический словарь / под общей ред. Н. Ю. Шведовой. Т. III. М.: Азбуковник, 1998. С. 235.

⁷ Достоевский Ф. М. Собрание сочинений: в 15 т. Т. 3.

Л.: Наука, 2008. С. 519.

⁸ Ширшов И. А. Толковый словообразовательный словарь русского языка. М.: АСТ: Астрель: Русские словари: Ермак, 2004. С. 297.

⁹ Словарь синонимов русского языка: в 2 т. Т. 2 / под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Астрель, АСТ, 2001. С. 253.

¹⁰ Меликян В. Ю. Словарь экспрессивных устойчивых фраз русского языка. Фразеосхемы и устойчивые модели. М.: Флинта: Наука, 2017. С. 31.

¹¹ Достоевский Ф. М. Собрание сочинений: в 15 т. Т. 3. Л.: Наука, 2008. С. 5.

¹² Словарь синонимов русского языка: в 2 т. Т. 1 / под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Астрель, АСТ, 2001. С. 257.

Реакция собеседника на неэтичное поведение деятеля передана лексемой *орать* с негативно оценочным значением: 'громко кричать, слишком громко разговаривать'¹. Внешнее состояние автора высказывания передано словом *побагровев*, оно является проявлением внутреннего состояния злости, негодования.

Второе вопросительное предложение контекста содержит «временную неопределённость» [9] «в отношении к отмеченному прошедшему синтаксическому времени» [11, с. 45] и выражает удивление и возмущение поступком деятеля.

Необдуманность действия в данной ситуации

Действие или поведение может быть необдуманным в определённой ситуации.

Приведём пример:

Имплицитно-эксплицитный субъект действия + модальный глагол + субъектный инфинитив

– *А что, братцы, – проговорил он [молодой арестант], – ведь Газин-то сегодня догуляется до греха! ... когда гулять вздумал*².

Субъект определяется по широкому контексту. Это лицо, которое совершает, по мнению одного из участников ситуации, несвоевременное действие. На это указывает «невопросительное» слово *когда* = *невовремя*.

Предположение о том, что действие субъекта будет иметь печальные последствия представлено в слове *догуляться*, в котором приставка *до-* и постфикс *-ся* образуют глаголы со значением 'довести действие, названное мотивирующим словом, до отрицательного или абсурдного состояния'³. Синтаксема *до греха* усиливает это состояние.

Предположение о выполнении необдуманного действия

Предположение – допускаемая возможность⁴ осуществления действия при определённых условиях и его последствий.

Рассмотрим пример:

дательный субъекта речи + модальный глагол в форме сослагательного наклонения + субъектный инфинитив + винительный объекта речи

... *Степан Алексеич, кажется, задушил бы меня, если б мне вздумалось сказать при нём что-нибудь непочтительно про Фому Фомича*⁵.

В представленном нами предложении субъект, который является автором высказывания, предполагает, что было бы с ним в случае совершения им необдуманного действия по отношению к объекту. Употребление модального глагола в форме сослагательного наклонения передаёт «отношение предикативного признака к действительности как гипотетическое» [10, с. 76], союз *если* в сложноподчинённом предложении с условным значением указывает на ирреальное условие. Недостойное возможное действие субъекта выражает лексема *непочтительно*, в которой префикс *не-* придаёт слову с положительной оценкой негативную окраску.

Заключение

Таким образом, конструкции с модальным значением необдуманности действия, при помощи которых передаётся действие иногда невольное, но всегда неуместное, активно используются в произведениях Ф. М. Достоевского.

Модальные глаголы *вздумать*, *вздуматься* в сочетании с субъектным инфинитивом являются основным лексическим средством выражения данного значения. Указанные глаголы, не содержащие негативной коннотации, оформляют указанное значение только в контексте.

¹ Лопатин В. В., Лопатина Л. Е. Иллюстрированный толковый словарь современного русского языка. М.: Эксмо, 2007. С. 444.

² Достоевский Ф. М. Записки из Мёртвого дома. М.: АСТ, 2019. С. II.

³ Ефремова Т. Ф. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка. М.: АСТ: Астрель, 2005. С. 115.

⁴ Шишов И. А. Толковый словообразовательный словарь русского языка. М.: АСТ: Астрель: Русские словари: Ермак, 2004. С. 443.

⁵ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 3. Л.: Наука, 1972. С. 158.

Субъект присутствует в подобных конструкциях, хотя не всегда назван. Он может быть как активным деятелем, так и проявлять пассивность, полагаясь на 'волю' обстоятельств. Объектом является лицо, на которое направлено необдуманное действие субъекта, иногда объект не представлен в таких конструкциях.

Слова и словосочетания, выражающие отрицательную оценку, всегда употребляются в контекстах и усиливают указанное значение.

Статья поступила в редакцию 13.04.2021.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов В. В. О категориях модальности и модальных словах в русском языке // Виноградов В. В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М.: Наука, 1975. С. 53–87.
2. Волкова Е. П. Лексические средства выражения модального значения необдуманности действия в конструкциях с инфинитивом: дис. ... канд. филол. наук. М., 2010. 169 с.
3. Герасименко Н. А. Активные процессы в неглагольных предложениях современного русского языка // Педагогическое образование и наука. 2017. № 5. С. 125–129.
4. Герасименко Н. А. Связочно-субстантивное сказуемое как отражение динамических процессов в русской языковой картине мира // Русский язык за рубежом. 2018. № 3. С. 37–42.
5. Григорьян Е. Л. Безличные предложения и «русский менталитет» // Вопросы филологии. 2008. № 2. С. 11–19.
6. Лекант П. А. К вопросу о модальных разновидностях предложения // Очерки по грамматике русского языка. М.: МГОУ, 2002. С. 102–113.
7. Лекант П. А. Предикативные аналитические формы инфинитива в современном русском языке // Рациональное и эмоциональное в языке и речи: субъективность, экспрессивность, эмоциональность. М.: МГОУ, 2009. С. 3–7.
8. Русский язык: простое и сложное: учебное пособие для образовательных учреждений с углублённым изучением русского языка и литературы / Н. А. Герасименко, В. В. Леденёва, Т. Е. Шаповалова / под ред. Н. А. Герасименко. М.: Диона, 2014. 564 с.
9. Шаповалова Т. Е. Категория синтаксического времени в русском языке: дис. ... докт. филол. наук. М., 2000. 424 с.
10. Шаповалова Т. Е. Временная неопределённость в строе простого предложения // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2006. № 1. С. 76–79.
11. Шаповалова Т. Е. Темпоральная семантика местоимённых собственно вопросительных предложений // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2017. № 1. С. 43–48.
12. Шаповалова Т. Е. Темпоральная семантика поэтического высказывания: монография. М.: МГОУ, 2020. 166 с.
13. Хамшовски С. А. Особенности работы с отрицательно-оценочной лексикой газеты в иностранной аудитории: дис. ... канд. пед. наук. СПб., 1992. 178 с.
14. Gerasimenko N. A. Challenges of typifying nominal infinitive sentences in modern Russian // Innovative Technologies in Science and Education (ITSE-2020) E3S Web of Conferences 210, 21003 (2020). URL: <https://www.e3s-conferences.org>.

REFERENCES

1. Vinogradov V. V. [On the category of modality and modal words in the Russian language]. In: Vinogradov V. V. *Izbrannyye trudy. Issledovaniya po russkoi grammatike* [Selected works. Studies on Russian grammar]. Moscow, Nauka Publ., 1975, pp. 53–87.
2. Volkova E. P. *Leksicheskie sredstva vyrazheniya modal'nogo znacheniya neobdumannosti deistviya v konstruktsiyakh s infinitivom: diss. ... kand. filol. nauk* [Lexical means of expression of modal meaning of thoughtlessness of actions in constructions with the infinitive: PhD thesis in Philological Sciences]. Moscow, 2010. 169 p.
3. Gerasimenko N. A. [Active processes in non-verbal sentences of modern Russian language]. In: *Pedagogicheskoe obrazovanie i nauka* [Pedagogical education and science], 2017, no. 5, pp. 125–129.
4. Gerasimenko N. A. [Copula-substantive predicate as a reflection of dynamic processes in the Russian

- linguistic worldview]. In: *Russkij yazyk za rubezhom* [Russian language abroad], 2018, no. 3, pp. 37–42.
5. Grigor'yan E. L. [Impersonal sentences and the "Russian mentality"]. In: *Voprosy filologii* [Problems of philology], 2008, no. 2, pp. 11–19.
 6. Lekant P. A. [About the category of modality and modal words in Russian]. In: *Ocherki po grammatike russkogo yazyka* [Essays on the grammar of the Russian language]. Moscow, MRSU Ed. off. Publ., 2002, pp. 102–113.
 7. Lekant P. A. [Predicative analytical forms of the infinitive in the modern Russian language]. In: *Ratsional'noe i emotsional'noe v yazyke i rechi: sub'ektivnost', ekspressivnost', emotsional'nost'* [The rational and emotional in language and speech: subjectivity, expressiveness, emotionality]. Moscow, MRSU Ed. off. Publ., 2009, pp. 3–7.
 8. Gerasimenko N. A., Ledenyova V. V., Shapovalova T. E. *Russkij yazyk: prostoe i slozhnoe* [Russian: simple and complex]. Moscow, Diona Publ., 2014. 564 p.
 9. Shapovalova T. E. *Kategoriya sintaksicheskogo vremeni v russkom yazyke dis. ... doct. filol. nauk* [The category of syntactic tense in Russian: PhD thesis in Philological Sciences]. Moscow, 2000. 424 p.
 10. Shapovalova T. E. [Time uncertainty in the structure of a simple sentence]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology], 2006, no. 1, pp. 76–79.
 11. Shapovalova T. E. [Temporal semantics of pronominal proper interrogative sentences] In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology], 2017, no. 1, pp. 43–48.
 12. Shapovalova T. E. *Temporal'naya semantika poeticheskogo vyskazyvaniya* [Temporal semantics of a poetic utterance]. Moscow, MRSU Ed. off. Publ., 2020. 166 p.
 13. Hamsovszki S. A. *Osobennosti raboty s otricateľ'no-ocenочноj leksikoj gazety v inostrannoј auditorii: diss. ... kand. ped. nauk* [Peculiarities of working with negative-evaluative vocabulary of a newspaper in a foreign audience: PhD thesis in Pedagogical Sciences]. St. Petersburg, 1992. 178 p.
 14. Gerasimenko N. A. Challenges of typifying nominal infinitive sentences in modern Russian. In: *Innovative Technologies in Science and Education (ITSE-2020) E3S Web of Conferences 210, 21003 (2020)*. Available at: <https://www.e3s-conferences.org>.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Волкова Елена Петровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Московского государственного технологического университета «СТАНКИН», член-корреспондент Международной академии наук педагогического образования;
e-mail: helen8357@mail.ru

Хамшовски Светлана Алексеевна – кандидат педагогических наук, профессор Будапештского экономического университета прикладных наук, Венгрия;
e-mail: hamsovszki.szvetlana@uni-bge.hu

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Elena P. Volkova – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of Foreign Languages, Moscow State Technological University «STANKIN», corresponding member, International Academy of Sciences of pedagogical education;
e-mail: helen8357@mail.ru

Svetlana A. Hamsovszki – Cand. Sci. (Education), Prof., Budapest Economic University of Applied Sciences, Hungary;
e-mail: hamsovszki.szvetlana@uni-bge.hu

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Волкова Е. П., Хамшовски С. А. Лексические средства выражения модального значения необдуманности действия в произведениях Ф. М. Достоевского // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2021. № 3. С. 7–12.
DOI: [10.18384/2310-7278-2021-3-7-12](https://doi.org/10.18384/2310-7278-2021-3-7-12)

FOR CITATION

Volkova E. P., Khamshovski S. A. Lexical Means of Expressing the Modal Meaning of Thoughtlessness of Action in the Works of F. Dostoevsky. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2021, no. 3, pp. 7–12.

DOI: [10.18384/2310-7278-2021-3-7-12](https://doi.org/10.18384/2310-7278-2021-3-7-12)

УДК 81'37:821.161.1.09

DOI: 10.18384/2310-7278-2021-3-13-18

ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИКИ ИМПЕРАТИВНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ В ПРОЗЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

Иосифова В. Е.*Калужский государственный университет имени К. Э. Циолковского**248023, г. Калуга, ул. Степана Разина, д. 26, Российская Федерация**Шаньдунский профессионально-технический университет иностранных языков**PRC. 276826, пров. Шаньдун, г. Жичжао, ул. Шанхай Роад, д. 99, Китайская Народная Республика*

Аннотация

Цель. Проанализировать и выделить особенности семантики императивных высказываний в прозе Ф. М. Достоевского.

Процедура и методы. Проанализирован корпус текстов. В работе описываются предложения с глагольными формами, которые входят в русскую императивную парадигму. В центре внимания автора оказываются конструкции с категориальной императивностью, формирующие модальность как единую семантическую категорию. В ходе исследования применялись метод сплошной выборки и структурно-семантическое описание языкового материала с использованием функционального подхода.

Результаты. Исследование семантики императивных высказываний в прозе Ф. М. Достоевского позволяет увидеть особенности творческой манеры автора, оценить масштаб новаторства в творчестве писателя.

Теоретическая и / или практическая значимость. Обобщён новый материал по исследуемой теме. Результаты исследования уточняют некоторые положения грамматики в области функционирования синтаксических единиц в тексте, дополняют сведения об идиостиле Ф. М. Достоевского.

Ключевые слова: императивные высказывания, модальность, семантика, семантическая категория, побуждение

PECULIARITIES OF THE SEMANTICS OF IMPERATIVE UTTERANCES IN THE PROSE OF F. DOSTOEVSKY

V. Iosifova*Kaluga State University named after K. E. Tsiolkovsky**26 Stepana Razina ul., Kaluga 248023, Russian Federation**Shandong Professional Institute of Foreign Languages (China)**99 Shanhai Road, Rizhao City, Shandong Prov., PRC. 276826*

Abstract

Aim. To analyze and highlight the peculiarities of the semantics of imperative utterances in the prose of F. Dostoevsky.

Methodology. The paper describes sentences with verb forms that are included in the Russian imperative paradigm. The author focuses on structures with categorical imperative that form modality as a unified semantic category. In the course of the study the method of continuous sampling and the structural-semantic description of the language material using the functional approach were used.

Results. The study of the semantics of imperative utterances in the prose of F. Dostoevsky allows us to see the peculiarities of the author's creative manner, to assess the scale of innovation in the writer's work. **Research implications.** The results of the study clarify some provisions of grammar in the field of the functioning of syntactic units in the text, supplement the information about the idiosyncrasy of F. Dostoevsky.

Keywords: semantics, semantic category, imperative utterances, modality, motivation

Введение

В последнее время для лингвистических исследований характерна отчётливая прагматизация. Побудительность в них исследуется в русле теории речевых актов.

Несмотря на то, что изучению императива посвящено большое количество работ, его грамматический статус до сих пор остаётся предметом дискуссий.

Интерес к императиву связан с его универсальностью – практически в каждом языке мира существуют предложения, состоящие из императивных форм, цель которых в речи побудить адресата выполнить то или иное действие. Поэтому в языкознании не найдётся ни одного языка, исследователи которого не обращались бы к этой категории.

Императивные побудительные предложения с глагольным сказуемым в форме повелительного наклонения – основная форма выражения побуждения в русском языке. И это объяснимо: повелительное наклонение глагола выражает волю говорящего, «побуждающую собеседника стать производителем, субъектом какого-нибудь действия» [2, с. 590].

В центре внимания автора статьи – особенности семантики императивных высказываний, которые представлены в произведениях Ф. М. Достоевского яркими средствами выражения субъективной модальности.

Мир Достоевского полон контрастов и противоречий. Он отчётливо отражается в языке произведений писателя. Фёдора Михайловича по праву можно считать новатором русской прозы. Он заставляет читателя думать и делать свои выводы.

Объект нашего исследования в статье – художественная система писателя XIX в. Ф. М. Достоевского. Нами рассмотрены конструкции с категориальной императивностью, представляющие модальность как единую семантическую

категорию. Источником фактического материала послужили такие произведения Достоевского, как «Преступление и наказание», «Бесы», «Братья Карамазовы», «Униженные и оскорблённые», «Дядюшкин сон», «Идиот», «Подросток».

В ходе исследования были использованы метод сплошной выборки и структурно-семантическое описание языкового материала с использованием функционального подхода.

Особое назначение побудительного предложения

«Побудительное предложение представляет собой такой тип предложения, который отличается от других особой целью, особым назначением заключённого в нём высказывания. Оно не констатирует факты действительности, как они представляются говорящему, а выражает стремление говорящего повлиять на собеседника, побудить его к действию» [5, с. 7].

По словам В. С. Храковского и А. П. Володиной, «в императивную парадигму входят формы второго лица единственного и множественного числа повелительного наклонения; формы совместного действия единственного и множественного числа; формы третьего лица единственного числа; формы первого лица единственного числа» [6, с. 109].

А. В. Бондарко определяет императивную ситуацию как «типовую содержательную структуру, основными элементами которой являются субъект волеизъявления, субъект-исполнитель, предикат, раскрывающий содержание волеизъявления, исходящего от субъекта волеизъявления и обращённого к субъекту-исполнителю» [1, с. 4].

Выделяя два вида императивности, категориальную прямую и некатегориальную косвенную, А. И. Изотов разграничивает

их в соответствии «со способом представления смыслового содержания» [4, с. 165].

Тяготение к драме в романах Ф. М. Достоевского достигается особым построением произведений, которое заключается в том, что предпочтение отдано не повествованию и описанию, а монологической и диалогической речи персонажей. Это придаёт особую достоверность и глубину психологическому анализу.

Побудительное предложение отличается от других особой целью, особым назначением заключённого в нём высказывания. Оно не констатирует факты действительности, как они представляются говорящему, а выражает стремление говорящего повлиять на собеседника, побудить его к действию.

Это особое назначение побудительного предложения отвечает определённым потребностям речевого общения, определённым потребностям общественной жизни.

Для побудительного предложения в соответствии с его назначением в речи оказывает необходимым направлять в адрес собеседника побуждение к необходимости действия.

Особенности семантики императивных высказываний

Побудительные предложения выражают многообразные оттенки волеизъявления, с разной степенью отчётливости, отличающиеся друг от друга.

Формы глаголов второго лица единственного и множественного числа являются «центром функционально-семантического поля императивности». Побуждение в таких высказываниях адресуется слушателю, что обуславливает ситуацию прямого общения. В таких предложениях могут употребляться «синтаксемы с относительно временным значением» [7, с. 13].

Такие речевые акты мы часто встречаем в произведениях Ф. М. Достоевского.

(1) – *Кланяйся и благодари, да скажи ты своему барину от меня, Агафья, что он самый умный человек во всем городе*¹.

¹ Достоевский Ф. М. Бесы [Электронный ресурс]. URL: http://imwerden.de/cat/modules.php?name=books&pa=last_update&cid=22 (дата обращения: 15.04.2021).

(2) – *Приподнимите иляпу, снимите совсем на минутку, протяните голову, станьте на цыпочки, я вас сейчас поцелую в лоб, как в последний раз поцеловала, когда мы прощались*².

(3) – А ты *ступай* за мной, строка, – сказал Рогожин Лебедеву, и все вышли из вагона³.

(4) – *Подождите* в приёмной, а узелок здесь *оставьте*, – проговорил он, неторопливо и важно усаживаясь в своё кресло и с строгим удивлением поглядывая на князя, расположившегося тут же рядом подле него на стуле, с своим узелком в руках⁴.

(5) – Настасья, *уйди*, ради бога; вот твои три копейки, только, ради бога, скорей *уйди*!⁵.

(6) – *Послушайте*, эй! – закричал он вслед усачу⁶.

(7) – *Завтра же я устрою всё, а теперь – уйдите* куда-нибудь, хоть к этому купцу... пожалуй, *приходите вечером*; но я бы вам не советовала!⁷

Говорящий во всех приведённых выше примерах заинтересован, чтобы его интенция была правильно понята. Во всех диалогах императивные предложения эмоционально насыщены. Возмущённость героя в пятом предложении подчёркивается повтором глагола *уйди*, который выражает прямую повелительность.

– Ах, друг мой, *не придавай* такого смысла... *впрочем*, ведь как тебе угодно; я имел в виду *обласкать* его и *ввести* к нам, потому что это почти доброе дело⁸.

² Там же.

³ Достоевский Ф. М. Идиот [Электронный ресурс]. URL: http://imwerden.de/cat/modules.php?name=books&pa=last_update&cid=22 (дата обращения 15.04.2021).

⁴ Там же.

⁵ Достоевский Ф. М. Преступление и наказание [Электронный ресурс]. URL: http://imwerden.de/cat/modules.php?name=books&pa=last_update&cid=22 (дата обращения 15.04.2021).

⁶ Там же.

⁷ Достоевский Ф. М. Дядюшкин сон [Электронный ресурс]. URL: http://imwerden.de/cat/modules.php?name=books&pa=last_update&cid=22 (дата обращения 15.04.2021).

⁸ Достоевский Ф. М. Идиот [Электронный ресурс]. URL: http://imwerden.de/cat/modules.php?name=books&pa=last_update&cid=22 (дата обращения 15.04.2021).

– **Стой, подожди ещё.** Он баба – но ведь тебе же лучше!¹

– **Внимайте,** князь Лев Николаевич! – внушительно и торжественно подхватил Лебедев. – Ой, **не упускайте!** Ой, **не упускайте!**..²

– **Не торопитесь,** татап, – вскричала Аглая, – князь говорит, что он во всех своих признаниях особую мысль имел и неспроста говорил³.

Как мы видим из приведённых выше примеров, употребляя побудительное высказывание, говорящий не всегда ставит цель немедленно получить результат в виде определённого действия со стороны адресата. В некоторых случаях мы наблюдаем другие цели и поведенческие тактики: *подбодрить, утешить, высказать сочувствие, сострадание или просто отшутиться*. С такой же семантикой могут употребляться прохибитивные предложения, которые выражают адресованное слушающему волеизъявление говорящего относительно неисполнения действия.

Для выражения побуждения к совершению действия, «субъект которого вместе с собеседником или группой лиц должен быть и сам говорящий, в русском языке выработались особые конструкции. В этом случае употребляется особая форма повелительного наклонения, совпадающая с 1-ым лицом множественного числа изъявительного наклонения, но при обязательном отсутствии подлежащего и при способности сочетаться со специфической интонацией» [5, с. 219]. Характер побудительного предложения определяется участием в будущем действии говорящего. Такие высказывания обычно выражают *призыв, приглашение или предложение* к совместному действию. Важным средством дифференциации оттенков значений является интонация и контекст.

¹ Достоевский Ф. М. Бесы [Электронный ресурс]. URL: http://imwerden.de/cat/modules.php?name=books&pa=last_update&cid=22 (дата обращения 15.04.2021).

² Достоевский Ф. М. Идиот [Электронный ресурс]. URL: http://imwerden.de/cat/modules.php?name=books&pa=last_update&cid=22 (дата обращения 15.04.2021).

³ Там же.

Ф. М. Достоевский часто использует в своих произведениях конструкции, выражающие побуждение к совместному действию. Например,

– **Пойдёмте** все в нашу сборную, – сказала она, – и кофе туда принесут⁴.

– **Перейдёмте,** Степан Трофимович, прошу вас! Кстати, вы носите красные галстуки, давно ли?⁵

– **Пойдёмте,** сударь, – сказал вдруг Мармеладов, поднимая голову и обращаясь к Раскольникову⁶.

– **Пойдём, пойдём!** – говорит отец, – пьяные, шалят, дураки: **пойдём,** не смотри! – и хочет увести его, но он вырывается из его рук и, не помня себя, бежит к лошадке⁷.

– И самоварчик **поставим,** – прибавила жена⁸.

Императив совместного действия выражает значения побуждения, которые указывают, что в «действии активным лицом является не только адресат, но и говорящий» [5, с. 275]. «Говорящее лицо не только изъясняет свою волю собеседнику, но и само «включается» в действие» [2, с. 467].

В произведениях Ф. М. Достоевского часто употребляется императив 3-го лица, который «служит для побуждения к действию того, кто не участвует прямым образом в разговоре» [5, с. 318]. В таких высказываниях говорящий имеет в виду, что его собеседник передаст третьему лицу, чтобы тот выполнил действие. Обычно побуждение в таких предложениях выражается сочетанием частицы *пусть* с формой 3-го лица индикатива. Например:

Пусть и он потешится – ничего, **пусть!**..⁹

И пусть, пусть здесь совсем забудут его¹⁰.

⁴ Там же.

⁵ Достоевский Ф. М. Бесы [Электронный ресурс]. URL: http://imwerden.de/cat/modules.php?name=books&pa=last_update&cid=22 (дата обращения 15.04.2021).

⁶ Достоевский Ф. М. Преступление и наказание [Электронный ресурс]. URL: http://imwerden.de/cat/modules.php?name=books&pa=last_update&cid=22 (дата обращения 15.04.2021).

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Достоевский Ф. М. Идиот. URL: http://imwerden.de/cat/modules.php?name=books&pa=last_update&cid=22 (дата обращения 15.04.2021).

Пусть Пётр Степанович обращается с нами, как угодно, но с ним!¹

Такие высказывания представляют собой косвенное побуждение, которое реализуется через собеседника.

В побудительных предложениях с глаголами в форме сослагательного наклонения адресат побуждения получает возможность не подчиниться.

Не ходил бы ты взад и вперёд².

Сделал бы ты признание³.

Принес бы мне извинение в форме письма⁴.

В данных предложениях выбор формы сослагательного наклонения может интерпретироваться как сигнал деликатного и уважительного обращения к адресату и сообщение о возможных «предстоящих действиях» [8, с. 20].

Для выражения императивного высказывания в произведениях Достоевского употребляются безглагольные конструкции. Функцию волеизъявления здесь часто выполняют наречия или существительные, выступающие в роли наречия. Например:

– **Дмитрий! Вон отсюда!** – властно вскрикнул Алёша⁵.

В Сибирь, в Сибирь! Тотчас в Сибирь!⁶

Заключение

Конструкции с формами глаголов, входящих в русскую императивную парадигму, играют важную роль в организации субъективно-модальной перспективы текста. Исследование семантики императивных высказываний в прозе Ф. М. Достоевского позволяет увидеть особенности творческой манеры автора, оценить масштаб новаторства в творчестве писателя. Стилль Ф. М. Достоевского – это стремление к законченности, стимулирующей мысль читателя. В своих произведениях писатель всегда стремился привлечь внимание общества к судьбам обиженных, униженных и оскорблённых, благодаря верному употреблению конструкций, часто передающих «движение, динамику» [3, с. 31].

Фёдор Михайлович Достоевский донёс до читателя все свои чувства, идеи и замыслы, которые волновали его. Писатель показал силу русского языка на примере своих произведений.

Статья поступила в редакцию 12.04.2021.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бондарко А. В. Функциональная грамматика Л.: Наука, 1984. 288 с.
2. Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.: Высшая школа, 1972. 616 с.
3. Герасименко Н. А. Грамматика на службе развития речи и речевой культуры // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2019. № 2. С. 28–34.
4. Изотов А. И. Функционально-семантическая категория императивности в современном чешском языке как прагматический феномен: дис. ... докт. филол. наук. М., 2007. 407 с.
5. Иосифова В. Е. Русский императив в грамматической системе и в разговорной речи. М.: ИИУ МГОУ, 2011. 317 с.
6. Храковский В. С., Володин А. П. Семантика и типология императива: Русский императив. М.: Наука, 1986. 270 с.
7. Шаповалова Т. Е. Категория синтаксического времени в русском языке: монография. М.: Московский педагогический университет, 2000. 151 с.
8. Шаповалова Т. Е. От временной обобщённости к вневременности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2013. № 4. С. 18–21.

¹ Достоевский Ф. М. Бесы [Электронный ресурс]. URL: http://imwerden.de/cat/modules.php?name=books&pa=last_update&cid=22 (дата обращения 15.04.2021).

² Достоевский Ф. М. Униженные и оскорблённые [Электронный ресурс]. URL: http://imwerden.de/cat/modules.php?name=books&pa=last_update&cid=22 (дата обращения 15.04.2021).

³ Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы [Электронный ресурс]. URL: http://imwerden.de/cat/modules.php?name=books&pa=last_update&cid=22 (дата обращения 15.04.2021).

⁴ Достоевский Ф. М. Подросток [Электронный ресурс]. URL: http://imwerden.de/cat/modules.php?name=books&pa=last_update&cid=22 (дата обращения 15.04.2021).

⁵ Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы [Электронный ресурс]. URL: http://imwerden.de/cat/modules.php?name=books&pa=last_update&cid=22 (дата обращения 15.04.2021).

⁶ Достоевский Ф. М. Идиот [Электронный ресурс]. URL: http://imwerden.de/cat/modules.php?name=books&pa=last_update&cid=22 (дата обращения 15.04.2021).

REFERENCES

1. Bondarko A. V. *Funkcional'naya grammatika* [Functional grammar]. Leningrad, Nauka Publ., 1984. 284 p.
2. Vinogradov V. V. *Russkij yazyk. Grammaticheskoe uchenie o slove*. [Russian language. Grammatical study of words]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1972. 616 p.
3. Gerasimenko N. A. [Grammar in the service of speech development and speech culture]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology], 2019, no. 2, pp. 28–34.
4. Izotov A. I. *Funkcional'no-semanticheskaya kategoriya imperativnosti v sovremennom cheshskom yazyke kak pragmaticheskij fenomen: dis. ... dokt. folol. nauk* [The functional-semantic category of imperativeness in the modern Czech language as a pragmatic phenomenon: PhD Thesis in Philological sciences]. Moscow, 2007. 407 p.
5. Iosifova V. E. *Russkij imperativ v grammaticheskoy sisteme i v razgovornoj rechi* [Russian Imperative in Russian Oral Speech System]. Moscow, MRSU Ed. off. Publ., 2011. 319 p.
6. Khrakovsky V. S., Volodin A. P. *Semantika i tipologiya imperativa: Russkij imperativ* [Semantics and typology of the imperative: Russian imperative]. Leningrad, Nauka Publ., 1986. 270 p.
7. Shapovalova T. E. *Kategoriya sintaksicheskogo vremeni v russkom yazyke* [Category of syntactic tense in the Russian language]. Moscow, Moscow Pedagogical University Publ., 2000. 151 p.
8. Shapovalova T. E. [From temporary generalization to timelessness]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology], 2013, no. 4, pp. 18–21.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Иосифова Вера Евгеньевна – доктор филологических наук, доцент, профессор Калужского государственного университета имени К. Э. Циолковского, профессор Шаньдунского профессионально-технического университета иностранных языков (Китай);
e-mail: iosifova.vera@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

V. Iosifova – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Prof., Kaluga State University named after K. E. Tsiolkovsky, Prof., Shandong Professional Institute of Foreign Languages (China);
e-mail: iosifova.vera@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Иосифова В. Е. Особенности семантики императивных высказываний в прозе Ф. М. Достоевского // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2021. № 3. С. 13–18.
DOI: 10.18384/2310-7278-2021-3-13-18

FOR CITATION

Iosifova V. E. Features of the Semantics of Imperative Statements in the Prose of F. Dostoevsky. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2021, no. 3. pp. 13–18.
DOI: 10.18384/2310-7278-2021-3-13-18

УДК 811.161.1

DOI: 10.18384/2310-7278-2021-3-19-29

КОНТЕКСТНЫЕ И СЕМИОТИЧЕСКИЕ СПОСОБЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ «РУССКОЙ ДУШИ» В РОМАНЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ»

Колесникова С. М.*Московский педагогический государственный университет**119991, г. Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1/1, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Установить особенности языковой личности писателя посредством выявления смыслового выражения «души» и способов репрезентации «русской души» (лингвистических средств и разных семиотических систем) в художественном пространстве романа «Братья Карамазовы», что обуславливает и новизну исследования.

Процедура и методы. Проанализирован корпус текстов. Комплексный метод анализа текста выступает в качестве ведущей методологии исследования универсальных понятий в поликодовой репрезентации.

Результаты. Проведённый анализ показал, что контекстный анализ *смыслов* и *слов* передаёт основную идею художественного произведения, позволяет определить, как избранные семиотические системы отражают все оттенки трагедии семьи Карамазовых.

Теоретическая и/или практическая значимость. Материалы исследования могут быть использованы в лексикографии, в процессе создания ментальных карт русской языковой личности; в практике преподавания вузовских курсов «Лингвистика текста», «Семиотика», «Филологический анализ текста», «Стилистика текста», «Лексикология», «Когнитивная лингвистика».

Ключевые слова: семиотические системы, смысл и слово, способ репрезентации, язык Ф. М. Достоевского, языковая личность

CONTEXTUAL AND SEMIOTIC WAYS OF REPRESENTING THE "RUSSIAN SOUL" IN F. DOSTOEVSKY'S NOVEL "THE BROTHERS KARAMAZOV"

S. Kolesnikova*Moscow State Pedagogical University**1/11 Malaya Pirogovskaya ul., Moscow 119991, Russian Federation*

Abstract

Aim. To establish the peculiarities of the writer's linguistic personality by identifying the semantic expression of the "soul" and the ways of representing the "Russian soul" (linguistic means and various semiotic systems) in the artistic space of the novel "The Brothers Karamazov", which also determines the novelty of the study.

Methodology. The corpus of texts is analyzed. The complex method of text analysis acts as the leading methodology for the study of universal concepts in polycode representation.

Results. The analysis showed that the contextual analysis of meanings and words conveys the main idea of a work of art, allows us to determine how the selected semiotic systems reflect all the shades of the tragedy of the Karamazov family.

Research implications. Research materials can be used in lexicography; in the process of creating mental maps of the Russian linguistic personality; in the practice of teaching high school courses "Linguistics of the text", "Semiotics", "Philological analysis of the text", "Stylistics of the text", "Lexicology", "Cognitive linguistics".

Keywords: semiotic systems, meaning and word, way of representation, language of F. Dostoevsky, linguistic personality

Введение

В год 200-летия Ф. М. Достоевского многие учёные-лингвисты обращаются к описанию особенностей языковой личности мастера слова и выявлению специфики его художественных текстов. Настоящая статья посвящена выявлению семантических доминант романа «Братья Карамазовы» [5; 6] посредством концептуального рассмотрения понятия «**душа**»¹ [15; 14], рассмотрению способов репрезентации «**русской души**».

В ходе исследования нами решаются следующие задачи: выявить способы репрезентации понятия «**русская душа**»; охарактеризовать языковые средства выражения категориальных значений и смыслообразующих начал рассматриваемого понятия; описать способы репрезентации данных значений в различных семиотических системах русского лингвокультурного пространства.

Обзор литературы

В отечественной лингвистике внимание многих учёных направлено на выявление особенностей идиостиля и постижение смыслов художественного текста [4; 17; 20 и т. д.]. Особенности языка Ф. М. Достоевского описаны с разных сторон: рассмотрены ключевые слова в текстах [1; 9; 10; 11; 12; 8; 3; 25; 24 и мн. др.] и идиоглоссы [термин Ю. Н. Караулова; 22; 14; 15 и др.].

Материалы и методы

Семантическая интерпретация *смыслов* языковых единиц проводится посредством концептуального описания; ведущими методами выступают описательно-аналитический и контекстологический, системного анализа семантических отношений, интегративный метод теории смысла; исследо-

вания компонентов, входящих в семантическую структуру слова; устанавливаются понятия различных семиотических систем (вербальной, кинематографической, пластической, музыкальной и др.) русской и мировой культуры, определяется уровень адекватности заложенных *смыслов* восприятию реципиентов.

Результаты анализа

Характеристика «**русской души**» (ср.: *душа* – в 3 значениях *сопределением* – ‘человек с теми или иными свойствами характера’) в художественном пространстве Ф. М. Достоевского занимает одно из центральных мест. Впервые сущность понятия «**русская душа**» раскрывается в монологе князя Мышкина через рассказ о крестьянине, солдате и русской бабе (матери с младенцем, см. роман «Идиот») и в сцене у копии картины «Мёртвый Христос» (Ганса Гольбейна Младшего): *Русская душа* тяготеет к крайностям, *русская душа* верит, что *Бог* всемилостивый и всепрощающий. *Русская душа* определяется через монолог князя Льва Мышкина, человека не из народа, не однозначно: 1) как *страстная*, как *жажда горячая*, *жажда духовная*, как *тоска по высшему делу*; 2) как незнание *русского Света*. С *русской душой* соотносятся вопросы *веры*.

Вопросы «**русской души**» поднимаются в легенде о великом инквизиторе, представителе католической церкви, рассказанной Иваном в романе «Братья Карамазовы». Ср.: (В поэме Ивана): *кто раздробил стадо и рассыпал его по путям неведомым? Но стадо вновь соберётся и вновь покорится, и уже раз навсегда*.

Данный роман – последнее произведение мастера, в котором Ф. М. Достоевский подводит итог своей жизни через осмысление пройденного жизненного пути, представленное в тексте языковыми единицами (словами и словосочетаниями), передающими *духовно-нравственные* и *морально-этические* стороны жизни человека. Художественный текст представляет собой воспоминания детства, а образы

¹ Образы Достоевского. Иллюстрации к произведениям [Электронный ресурс]. URL: http://obtaz.com/dostoevsky_in_art.htm (дата обращения: 25.05.2019). Илья Глазунов. Иллюстрации к творчеству Ф. М. Достоевского [Электронный ресурс]. URL: <http://www.liveinternet.ru/users/steampunk3d/post326877154> (дата обращения: 25.05.2019).

братьев (Дмитрия, Ивана и Алексея) символично передают три этапа **духовного** развития повествователя, отражая в тексте особенности языковой личности, его психолингвистическую специфику [ср.: 18], двойственность в отношении определения «**души**». Текст романа структурно сложен и многогранен, что передаётся галереей образов и сюжетной линией [см.: **образность** как «свойство литературного языка» (1), как «категория языка художественной литературы» (2)] и как «элемент композиции текста» (3) [23, с. 223]: с одной стороны, короткий период времени, – описаны события двух недель, с другой стороны, это короткое время вмещает в себя такое количество жизненных событий и идейных конфликтов, которых хватило бы на долгую полноценную жизнь (разбирательства старца Зосимы и криминальный суд над Дмитрием Карамазовым). Описывая эти события, Ф. М. Достоевский символично показал разрушение **души** главных героев, их нравственное падение, моральное отступление, пренебрежение духовными, морально-нравственными ценностями, приводящими к преступлению.

Художественный текст структурно организован мастером слова так, что образы братьев и старца Зосимы появляются лишь в середине текста (в пятой и шестой книгах). Проверая важные жизненные **ценности** главных героев, повествователь подвергает братьев испытаниям (в седьмой книге – Алексея, восьмой и девятой – Дмитрия, одиннадцатой – Ивана; в двенадцатой, заключительной, книге даётся общественная оценка нравственных установок главных героев). Символика чисел используется мастером слова: *семь* – ‘высокой святости’ и ‘законченной серии’ (в седьмой книге романа повествуется об Алёше); *восемь* – ‘смерть’ и ‘вечность’; *тринадцать* – количество лет, прошедших со дня убийства Карамазова-отца в минуту рассказа о нём в романе – 14, 7; *пять* – ‘брак’ и ‘свадьба’, *двенадцать* – ‘совершенство’ и ‘народ Божий’ – двенадцать «мальчиков» Алёши напоминают апостолов (последняя глава романа).

Используя разные выразительные средства (эпитеты, метафоры, сравнения и проч.), которые демонстрируются исповедальными монологами героев, их идейными спорами, представленными в форме скандалов и оскорблений, повествователь постепенно проникает во **внутренний мир** своих героев, обнажая их **душу**, раскрывая **мотивацию** их противоречивых действий и поступков, нравственных мытарств, сомнений и заблуждений [см., 19; 21 и др.].

Ф. М. Достоевский, создавая реалистичный текст и **духовный** облик главных героев, подробно передавал все детали быта и их **духовной** жизни: **семейство** Карамазовых (ср.: от *gara* – «смотреть», *gara-taz* – «не смотрящий» + *ов*. «*taz*» – тюркский аффикс причастия настоящего и будущего времени в отрицательной форме [2, с. 122]) – ‘среда, пространство обитания, в которой растёт человек’, формируется как психологическая, языковая и социальная личность: *...растут они всё-таки в чужой семье и на чужих милостях...; ...особенно полюбил младшего из них, Алексея, так что тот долгое время даже и рос в его семействе*; Достоевский описывает бытовую жизнь (*В нижнем этаже проживали два женатые сына Самсонова со своими семействами...*).

Характерная для Дмитрия, Ивана, Смердякова и Фёдора Павловича социально-нравственная деградация получила название «карамазовщина»:

– *Есть такая сила, что всё выдержит! – с холодною уже усмешкою проговорил Иван. – Какая сила? – Карамазовская... сила низости карамазовской.*

– *Это потонуть в разврате, задавить душу в растлении, да, да?*

Ср., значение фамилии Смердяков раскрывается в тексте: *По-моему, старик действительно прозорлив; уголовнику пронюхал. Смердит у вас* (см: от им. существительного *смерд* – ‘человек из черни, подлый’; фамилия лакея унаследовала от прозвища Лизаветы Смердящей связь с запахом: от *смердеть* – ‘издавать сильный неприятный запах’ // показ негативного

отношения к крестьянину со стороны вер-хушки общества) [7].

Осуждение этого явления, исцеление от него и есть, по мнению Ф. М. Достоевского, путь к нравственному возрождению русского народа. «Карамазовщина» – ключевое обобщение нравственного **духовного распада**, духовного нигилизма, отрицательного качества русского национально-го характера (*титуляшка*), которое ярко проявляется в отце Фёдоре Павловиче (Фёдор Карамазов – *титулярный советник*, думаю, это важно, то есть не *потомственный дворянин*, *титуляшка*). Этот образ передаёт «порчу **духа**», «проникновение **безбожия**» в жизнь человека.

В атмосфере вседозволенности, жестокости и эгоизма преступление неизбежно. И в этом виновны **все члены семьи** Карамазовых:

– *Верующий* Дмитрий, старший брат, отставной офицер, человек, избивающий отца и грозивший убить его (*Дмитрий Карамазов подлец, но не вор*). Дмитрий не совершает этого преступления, но **помышляет** его в своём сознании, чего и не прощает себе. Он принимает несправедливый приговор суда и стремится **очистить** свою **душу** через *раскаяние* и *страдание*: *Митя вдруг встал с места: – Признаю себя виновным в пьянстве и разврате, – воскликнул он каким-то опять-таки неожиданным, почти исступлённым голосом, – в лени и в дебоширстве. Хотел стать навеки честным человеком именно в ту секунду, когда подсекла судьба!*

– *Разрушительный* образ Ивана (ср.: ...у Ивана правое плечо кажется ниже левого // присутствует не только идея разъединения ((‘европеизованная душа’)), но и идея *соборности* (‘русская душа’)), среднего брата, интеллигента, атеиста и философа (– *О мировых вопросах, – говорит Иван, – не иначе: есть ли Бог, есть ли бессмертие?*); **проповедует безбожие**, говорит о неистребимости зла в человеке и вседозволенности, распространяет разрушительные идеи в малограмотные и духовно неразвитые умы; размышляя о несовершенстве социального мира, Иван заявляет: «Да и

слишком дорого оценили гармонию, не по карману нашему вовсе столько платить за вход. А потому свой билет на вход спешу возвратить обратно. И если только я честный человек, то обязан возвратить его как можно заранее. Это и делаю. Не Бога я не принимаю, Алёша, я только билет ему почтительнейше возвращаю». Это образ-предостережение для русской интеллигенции.

– *Новый образ религиозного правдоискателя* Алёши, младшего брата, не противопоставляет себя миру: он, напутствуемый духовным наставником старцем Зосимой, идёт к людям, стремится понять и простить каждого (хитрого развратного отца, вспыльчивого Дмитрия, богоборца Ивана). Ср.: момент божественного откровения стал решающим в судьбе Алёши: «Пал он на землю слабым юношей, а встал **твёрдым** на всю жизнь бойцом и **сознал** и *почувствовал это вдруг...*» (глава «Кана Галилейская»). После того как во сне ему пригрезился умерший возлюбленный старец, сидящий рядом с Христом, Алёша испытывает сильное мистическое переживание; в минуту пробуждения он почувствовал соприкосновение **души** с *миром иным*, и «как будто нити от всех этих миров Божиих сошлись разом в **душе** его, и она вся трепетала, соприкасаясь с *миром иным*». К христианской мягкости и **смирению** Алексея добавилось нечто «**твёрдое** и *незыблемое*», сходявшее в **душу** его и *необходимое* в деле **духовного исцеления** людей.

Алексей чувствует, что его **любовь** и поддержка нужна всем членам семьи Карамазовых, которая обречена на гибель. **Души** его близких людей обречены на вечное странствие во тьме заблуждений. Всей **душой** и **сердцем** Алексей верит, что во всех людях есть много хорошего, что будущее человечества непосредственно связано с **духовным** совершенствованием личности: *Чтобы переделать мир по-новому, надо, чтобы люди сами... психически повернулись на другую сторону. Раньше, чем не сделаешься в самом деле всякому братом, не наступит братства. Эта идея близка*

и старцу Зосиме – ...мир говорит: «Имеешь потребности, а потому насыщай их, ибо имеешь права такие же, как у знатнейших и богатейших людей...»; ... Понимая свободу как приумножение и скорое утоление потребностей, искажают природу свою, ибо зарождают в себе много бессмысленных и глупых желаний, привычек и нелепейших выдумок. Живут лишь для зависти друг к другу, для плотоугодия и чванства.

В отношениях с братьями Алексей не только доверительный слушатель, но и **духовный лекарь**, советный судья, наставник. Алексей воспринимает себя прежде всего **‘исполнителем Божьим’**: *Меня Бог послал сказать тебе это... Это Бог положил мне на душу тебе это сказать* (ср. фразу: *Как Бог на душу положит* – ‘как получится, как удастся’).

Алексей тоже косвенно виновен в смерти отца, так как знал о намерениях Дмитрия, о настроениях Ивана, но ничего не сделал для того, чтобы предотвратить трагедию, остановить эту страшную беду.

И каждый получает свою расплату: убит Фёдор Павлович; Смердяков покончил жизнь самоубийством; сходит с ума Иван; идёт на каторгу Дмитрий; Алексею предстоит жить со всем этим.

В тексте романа представлены три поколения: отцы, дети и «мальчики» (однокурсники Илюши): **Чистые в душе и сердце мальчики, почти ещё дети, очень часто любят говорить в классах между собою и даже вслух про такие вещи, картины и образы, о которых не всегда заговарят даже и солдаты, мало того, солдаты-то много не знают и не понимают из того, что уже знакомо в этом роде столь юным ещё детям нашего интеллигентного и высшего общества.** Это новая, зарождающаяся Россия. Роман заканчивается сценой собравшихся вокруг Алёши двенадцати мальчиков, дающих клятву служить **добру**.

Слову *семья* Ф. М. Достоевский в романе «Братья Карамазовы» предпочитает слово *семейство* (в том числе в метонимическом значении ‘среда, пространство, место существования и развития человека’); проблематика и прагматические задачи

книги первой «История одной семейки» обусловили использование иронического разговорного слова *семейка* для формирования позиции реципиента текста в отношении образа *Карамазовых*, прежде всего – *отца семейства*: этот «фразеологизм замечен в своей характеризующей нагрузке с пейоративной оценкой персонажа: *Посмотрите на этого несчастного, этого разнузданного и развратного старика, этого «отца семейства», столь печально покончившего своё существование»* [17]. Повествователь передал трагические следствия **духовного распада** через **распад души** героев, через семейный распад; слово *семейка* Ф. М. Достоевским используется для характеристики деградировавшей семьи Карамазовых.

На синтаксическом уровне **«русская душа»** в тексте репрезентируется через передачу следующих смыслов: ‘внутренний, психический мир человека, его чувства, переживания, настроения’ (**душа** – *человеческая, детская, своя, чужая, его, её*); ‘совокупность характерных свойств, черт, присущих личности: **характер человека**’ (**душа** – *добрая, чуткая, открытая, правдивая, честная, благородная, самоотверженная, русская*); ‘вдохновитель чего-либо, главное лицо чего-либо’ (**душа** – *настоящая, истинная...*) [15, с. 128].

Обсуждение

В настоящее время лингвистическая наука отражает разные интерпретации текста в определённых семиотических системах. Для получения объективных данных исследование оригинального текста романа, в основу которого положены посредством анализа его переводов, вторичных произведений, воплощающих художественный текст в других семиотических кодах (изобразительное искусство, балет, опера, кинематограф). Так, в 1950-60-х гг. появились иллюстрации к изданию «Братьев Карамазовых» Н. Симоновской и А. Гончарова, В. Линицкого; в 2011 г. в Литературно-мемориальном музее Ф. М. Достоевского (Санкт-Петербург) были выставлены работы художников XX–XXI вв.,

созданные по темам произведений писателя (см. работы А. Зыкиной (2003, 2006) по роману «Братья Карамазовы»¹; ср. известные работы И. Глазунова: *Иван Карамазов* (1977), *Портрет монаха* (1977), *Григорий Васильевич Кутузов – слуга Карамазовых* (1983); *Оптина пустынь* (1983); *Скит* (1983), *Грушенька* (1983), *Алёша* (1983), *Лиза уходит* (1983)² [20].

Балет Б. Эйфмана (1995; новая постановка 2010) развивает традиции балетного искусства с необыкновенной «пластикой мысли» и передаёт истоки нравственной катастрофы Карамазовых³.

Опера чешского композитора Отакара Еремиаша «Братья Карамазовы» (1932); инсценировка в театре «Современник» «Карамазовы и ад» (1996), композиция и режиссура Валерия Фокина, пьеса Николая Климонтовича; японский мюзикл (2008) режиссёра Saitou Yoshimasa (композитор Terashima Tamiya); опера А. Холминова (1981) и опера-мистерия А. Смелкова (2008, 2013), с современными титрами на английском языке, поставленные в лучших традициях оперной классики, о воскрешении человека через страдание, искупление греха своего и всеобщего; обращение к реакции реципиентов, декодирующих первичные и вторичные версии романа⁴ [26]. Премьера оперы состоялась 23–24.07.2008 г. (режиссер. В. Бархатов, сценограф З. Марголин, дирижёр В. Гергиев). Ей предшествовало премьерное исполнение семи фрагментов 30.04.2008 в Череповце (ДК «Северсталь») под названием «Великий инквизитор»). В блестя-

щем исполнении солистов Мариинского театра опера имела большой зрительский успех, прозвучала в Амстердаме, Лондоне и Москве в рамках фестиваля «Золотая маска» (в феврале 2009). Признётся высокий уровень сценического оформления, исполнительских трактовок вокалистов, звучания оркестра под руководством В. Гергиева. Композитор говорил о влиянии творчества Достоевского на музыку современных сочинителей (ср. разные семиотические интерпретации произведений Достоевского).

Роман «Братья Карамазовы» должен был стать первой частью масштабного цикла, но оказался последней книгой Достоевского, его «завещанием». История семьи Карамазовых давно привлекала кинематографистов своей необычайной образностью и сюжетностью. Начиная со времён Великого немого кино, режиссёры приступали к постановке этого произведения (12 экранизаций, 7 стран). Ср., экранизацию романа в 1915 г. Виктором Турянским, немецкий фильм Карла Фрелиха и Дмитрия Буховецкого (1921), итальянскую экранизацию Джакомо Джентильомо (1947), американскую постановку 1958 г. Ричарда Брукса, одноимённый трёхсерийный фильм Ивана Пырьева 1968 г., фильм режиссёра Ренита Григорьева «Мальчики» по мотивам десятой главы романа, снятый в 1990 г., и две современные экранные версии «Братьев Карамазовых» 2008 г., снятые параллельно в Чехии режиссёром Петром Зеленкой и в России Юрием Морозом.

Постановка Р. Брукса (США, 1958)⁵, одноимённый фильм И. Пырьева (1968), фильм Ю. Мороза (2008–2009) поднимают вопросы истоков добра и зла, повествуют о сосуществовании этих начал в **душе** человека и мире, в котором он живёт, говорят о сложных отношениях в **семье**, где самые родные и близкие люди совсем не похожи друг на друга и не терпимы к своему ближнему⁶. Японская экранизация

¹ Образы Достоевского. Иллюстрации к произведениям [Электронный ресурс]. URL: http://obtaz.com/dostoevsky_in_art.htm (дата обращения: 25.05.2019). Илья Глазунов. Иллюстрации к творчеству Ф. М. Достоевского [Электронный ресурс]. URL: <http://www.liveinternet.ru/users/steampunk3d/post326877154> (дата обращения: 25.05.2019).

² Интерпретация романов Достоевского в искусстве [Электронный ресурс]. URL: <http://diplomba.ru/work/94303> (дата обращения: 25.05.2019).

³ Санкт-Петербургский Государственный Академический Театр Балета Бориса Эйфмана [Электронный ресурс]. URL: <http://test.eifmanballet.com/repertoire/karamazovs> (дата обращения: 25.05.2019).

⁴ Лайв-журнал [Электронный ресурс]. URL: <http://andeadd.livejournal.com/1506968.html> (дата обращения: 25.05.2019).

⁵ Лайв-журнал [Электронный ресурс]. URL: <http://philologist.livejournal.com/3893549.html> (дата обращения: 25.05.2019).

⁶ Мариинский театр [Электронный ресурс]. URL: http://www.mariinsky.ru/playbill/playbill/2013/7/6/1_1900 (дата обращения: 25.05.2019).

(Сато Мисато, 2013) максимально при- близила события к реалиям современ- ной Японии¹. Фильм «Мальчики» (1990) Рениты и Юрия Григорьевых – экраниза- ция одноимённой главы романа «Братья Карамазовы» Ф. М. Достоевского – по- лучил приз «Золотой Витязь» и приз за лучшую операторскую работу Олега Мартынова на кинофестивале славян- ских фильмов «Золотой Витязь» (1992). В конце фильма в толпе молящихся можно увидеть схиигумена Илия (старец, тогда – насельник Оптиной Пустыни), православ- ного писателя Владимира Крупина и пра- правнука Ф. М. Достоевского – Дмитрия Достоевского.

Спектакль «Брат Алёша» (Новый москов- ский драматический театр) по пьесе драма- турга В. Розова «Брат Алёша», написанной по мотивам романа «Братья Карамазовы», пред- ставляет историю лишь одного героя – млад- шего из братьев, пытающегося найти выход из тупика, в который зашли отношения между людьми. Современные драматиче- ские постановки: спектакль по 11-ой книге романа Сергея Женовача и радикальная вер- сия Константина Богомолова на тему романа Ф. М. Достоевского.

Репрезентация *русской души* в тексте романа «Братья Карамазовы» реализу- ется через трагические события *семей- ства* Карамазовых, помыслы и поступ- ки главных героев романа. Основная идея содержания текста произведения Ф. М. Достоевского передаётся и другими семиотическими системами. Их доносит и рок-опера «Карамазовы», которая по мо- тивам самого романа представляет исто- рию спасения *души* и становления на путь к жизни вечной через любовь, которая всегда есть жертва (ср.: эпиграф к произ- ведению: *Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, павши на землю, не умрёт, то останется одно; а если умрёт, то принесёт много плода* (из Евангелия от Иоанна, упоминает пшеницу и землю) //

сила порождения жизни и обретения гар- монии). Данная постановка отражает аб- солютно новый взгляд на великое произ- ведение. Это синтез современного театра, основанного на минимализме, и концеп- туального концерта, где главное внимание должно быть приковано к артисту, кото- рый существует в стихии музыки.

Заключение

Таким образом, повествователь изо- бразил в «Братьях Карамазовых» обоб- щённую двойственную формулу «зага- дочной» *русской души* («стремление к забвению всякой мерки во всем»), кото- рая является одновременно разрушитель- ной и созидательной, отрицающей веру и нуждающейся в ней, характеризующейся эгоцентризмом и самопожертвованием, находящейся в поиске истины и блуждаю- щей в ложных ценностях. Конфликты ин- тересов и мнений, подлинный водоворот разнообразных страстей, представленные в художественном тексте, держат читате- ля не просто в постоянном напряжении, а определяют стиль Ф. М. Достоевского, который «недоговаривает» и позволяет читателю в ходе размышлений сделать свой вывод. Именно таким представля- ется писателю русский человек и *русская душа*. Основными средствами репрезен- тации *русской души* в художественном тексте Ф. М. Достоевского выступают кон- текст, включающий языковые единицы, передающие смыслообразующие начала веры и любви, истины и ценности жизни, смятения и сомнения, самовыражения и самопожертвования: «В поцелуе Христом Великого Инквизитора есть *правда* и есть *ложь*. В нём – Достоевский и в нём – Иван Карамазов. В чём смысл этого поцелуя Христа? В этом поцелуе есть *правда*, ибо в нём – сам Достоевский, но и *неправда*, ибо в нём – также Иван Карамазов. *Правда* этого поцелуя в том, что *Христос любит любого человека*, в том числе и того, кто не любит Его и не хочет любить. *Христос грешников пришёл спасти*. И человечество *нуждается* для своего *спасения* именно в

¹ Санкт-Петербургский Государственный Академический Театр Балета Бориса Эйфмана. URL: <http://test.eifmanballet.com/repertoire/karamazovs> (дата обращения 25.05.2019).

такой **высшей любви**, как самый большой ребёнок нуждается в **самой большой материнской любви**. Поцелуй Христа и есть такой *призыв к высочайшей любви, последний призыв грешников к покаянию!*» [21; выделения в тексте наши – С. К.].

Сочетание талантливейших композиций и прекрасных голосов современных постановок и разных интерпретаций стремительно погружают зрителя в бездну земных страстей, а затем и возносят к новым пределам бесконечной любви, на которую способно человеческое сердце.

Любовь, побеждающая все пороки **души** и способная изменить человека, даёт надежду на *спасение*. Смысл понятия *любовь* градуирован: от имплицитного присутствия в детях и семье до разъединяющего семью¹ [18, с. 17–27], искажающего жизнь её отсутствия, рассредоточен в средствах репрезентации понятия «**душа**», а потому становится интересным для раскрытия концептуального понятия средствами искусства и др.

Статья поступила в редакцию 12.04.2021.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. Истина и судьба // Понятие судьбы в контексте разных культур. Научный совет по истории мировой культуры. М.: Наука, 1994. С. 302–316.
2. Баскаков Н. А. К вопросу о классификации тюркских языков // Отделение литературы и языка. Т. XI. Вып. 2. М., 1952. С. 121–134.
3. Варзин А. В. Идеологический знак в полифоническом контексте: Достоевский о свободе вечной и преходящей // Русская словесность в мировом культурном контексте: IV международный симпозиум. Избранные доклады и тезисы. М.: Фонд Достоевского, 2014. С. 350–356.
4. Виноградов В. В. О языке художественной литературы. М.: Гослитиздат, 1959. 656 с.
5. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 14: Братья Карамазовы. Кн. I–X. Л.: Наука, 1976. 511 с.
6. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 15: Братья Карамазовы. Кн. XI–XII. Л.: Наука, 1976. 623 с.
7. Иванов В. В. О композиционной роли фамилий героев у Ф. М. Достоевского // Избранные труды по семиотике и истории культуры. Т. 2: Статьи о русской литературе. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 105–109.
8. Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М.: Языки славянской культуры, 2005. 544 с.
9. Кожевникова Н. А. Система точек зрения в романах Достоевского «Преступление и наказание» и «Братья Карамазовы» // Русский язык в СССР. 1991. № 11. С. 31–37.
10. Кожевникова Н. А. «Давеча» в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» // Достоевский и современность: материалы XV Международных Старорусских чтений. Старая Русса, 2001. С. 96–101.
11. Кожевникова Н. А. Сквозные слова в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» // Слово Достоевского: сб. ст. М., 2001. С. 146–171.
12. Кожевникова Н. А. Сравнения и метафоры Ф. М. Достоевского // Достоевский и современность: материалы XVI Международных Старорусских чтений 2001 г. Старая Русса, 2002. С. 123–124.
13. Колесникова С. М. Смыслообразующие начала концепта «*Душа*» в русском языке // Когнитивные исследования языка / гл. ред. Н. Н. Болдырев. М.: Институт языкознания РАН; Тамбов: Издательский Дом ТГУ имени Г. Р. Державина. Вып. XXX: Когнитивная лингвистика в антропоцентрической парадигме исследований: материалы Международного конгресса по когнитивной лингвистике, Белгород, 20–22 сентября, 2017. С. 125–129.
14. Колесникова С. М. Идиоглоссы «Дети», «Семья», «Жизнь» в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» // Русский язык: исторические судьбы и современность: VI Международный конгресс исследователей русского языка, Москва, 20–23 марта 2019 / под ред. М. Л. Ремнёвой и О. В. Кукушкиной. М.: Изд-во Московского университета, 2019. С. 239–240.
15. Колесникова С. М., Бурская Е. А., Леденёва В. В., Шаталова О. В. Средства репрезентации идиоглоссы «Дети», «Семья», «Жизнь» в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» [Электронный ресурс] // Вестник ВолГУ. Серия 2. Языкознание. 2021. Т. 20. № 1. URL: https://l.dostoevsky_ill.htm (дата обращения: 25.05.2019).

¹ Иллюстрации к произведениям Ф. М. Достоевского [Электронный ресурс]. URL: http://www.nizrp.ru/dostoevsky_ill.htm (дата обращения: 25.05.2019).

- jvolsu.com/index.php/ru/archive-ru/669-science-journal-of-volsu-linguistics-2021-vol-20-no-1/polnyj-tekst-nomera/2168-polnyj-tekst-nomera (дата обращения: 13.04.2021).
16. Колесникова С. М. Концепт «любовь» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2006. № 1. С. 17–27.
 17. Леденёва В. В. Слово Лескова: монография. М.: ИИУ МГОУ, 2015. 260 с.
 18. Леонтьев А. А. Смысл как психологическое понятие // Психологические и психолингвистические проблемы владения и овладения языком. М.: Изд-во МГУ, 1969. С. 56–61.
 19. Майер П. А. Специфика функционирования метафор и мотивация их использования в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» // Проблемы современной науки. 2016. № 25 (67). С. 51–54.
 20. Русская авторская лексикография XIX–XX веков: антология / отв. ред. Ю. Н. Караулов. М.: Азбуковник, 2003. 512 с.
 21. Сараева И. В. Сравнение как средство создания образа Алёши // Язык и культура в условиях глобализации: сборник материалов I Международной научно-практической конференции, 2017. Новосибирск, 2017. С. 121–126.
 22. Словарь языка Достоевского. Идиоглоссарий. А–В / под ред. Ю. Н. Караулова. М.: Азбуковник, 2008; Г–З, 2010.
 23. Функциональная грамматика русского языка: учебник и практикум / под ред. С. М. Колесниковой. М.: Юрайт, 2020. С. 223–224.
 24. Харина О. В. Правда, истина в романах Ф. М. Достоевского: автореф. дис. ...канд. филол. наук. М., 2007. 28 с.
 25. Шепелева С. Н. Лексема «Душа» в творчестве Достоевского: особенности словоупотребления // Слово Достоевского: сборник статей / отв. ред. Ю. Н. Караулов. М.: Азбуковник, 2001. С. 488–540.
 26. Kolesnikova S., Burskaya E. The gradual phonosemotical range of derivatives of the word «soul» in modern russian language // American Journal of Philology. 2017. Vol. 138. № 4 (2). P. 954–959.
 27. Kolesnikova S. M., Markova E. M., Burskaya E. A., Chibisova A. V. The concept “family” in the russian and chinese linguoculture: cognitive, phonosemantic and educational aspects // Asia Life Sciences. 2020. Vol. 22. Iss. 2. P. 229–242.

REFERENCES

1. Arutyunova N. D. *Istina i sud'ba* [Truth and destiny]. *Ponyatie sud'by v kontekste raznykh kul'tur. Nauchnyi sovet po istorii mirovoi kul'tury* [The concept of fate in the context of different cultures. Scientific Council on the History of World Culture]. Moscow, Science, 1994, pp. 302–316.
2. Baskakov N. A. [On the issue of the classification of the Turkic languages]. In: *Otdelenie literatury i yazyka. T. 11. Vyp. 2* [Department of Literature and Language. Vol. 11, Iss. 2], 1952, pp. 121–134.
3. Varzin A. V. [Ideological sign in a polyphonic context: Dostoevsky on eternal and transitory freedom]. In: *Russkaya slovesnost' v mirovom kul'turnom kontekste: IV Mezhdunarodnyi simpozium* [Russian Literature in the World Cultural Context: IV International Symposium], Moscow, Fond Dostoevskogo Publ., 2014, pp. 350–356.
4. Vinogradov V. V. *O yazyke khudozhestvennoi literatury* [The language of literature]. Moscow, Goslitizdat Publ., 1959. 656 p.
5. Dostoevskii F. M. *Poln. sobr. soch. T. 14: Brat'ya Karamazovy. Kn. I–X* [Full collection cit. Vol. 14: The Brothers Karamazov. Book I–X]. Leningrad, Nauka Publ., 1976. 511 p.
6. Dostoevskii F. M. *Poln. sobr. soch. T. 15: Brat'ya Karamazovy. Kn. XI–XII* [Full collection cit. Vol. 15: The Brothers Karamazov. Book XI–XII]. Leningrad, Nauka Publ., 1976. 623 p.
7. Ivanov V. V. [On the compositional role of the names of the heroes in F. M. Dostoevsky] In: *Izbrannye trudy po semiotike i istorii kul'tury. T. 2: Stat'i o russkoi literature* [Selected works on semiotics and cultural history. Vol. 2: Articles on Russian Literature]. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury Publ., 2000, pp. 105–109.
8. Zaliznyak A. A., Levontina I. B., Shmelev A. D. *Klyuchevye idei russkoi yazykovoi kartiny mira* [Key ideas of the Russian language picture of the world]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2005. 544 p.
9. Kozhevnikova N. A. [The system of points of view in Dostoevsky]. In: *Russkii yazyk v SSSR* [Russian language in the USSR], 1991, no. 11, pp. 31–37.
10. Kozhevnikova N. A. [“Just now” in the novel by F. M. Dostoevsky “Crime and Punishment”]. In: *Dostoevskii i sovremennost': materialy XV Mezhdunarodnykh Starorusskikh chtenii* [Dostoevsky and the Present: Materials of the XV International. Old Russian readings 2000], Staraya Russa, 2001. pp. 96–101.
11. Kozhevnikova N. A. [Cross-cutting words in the novel by F. M. Dostoevsky “Crime and Punishment”].

- In: *Slovo Dostoevskogo* [Dostoevsky's word], Moscow, 2001, pp. 146–171.
12. Kozhevnikova N. A. [Comparisons and metaphors by F. M. Dostoevsky]. In: *Dostoevskii i sovremennost': materialy XVI Mezhdunarodnykh Starorusskikh chtenii* [Dostoevsky and the Present: Materials of the XVI International. Old Russian readings], Staraya Russa, 2002, pp. 123–124.
 13. Kolesnikova S. M. [Meaning of the concept “Soul” in Russian Language]. In: Boldyrev N. N., ed. *Kognitivnye issledovaniya yazyka. Vyp. 30: Kognitivnaya lingvistika v antropocentricheskoy paradigme issledovaniy: materialy Mezhdunarodnogo kongressa po kognitivnoy lingvistike* [Cognitive Research of Language. Vol. 30: Cognitive Linguistics in Anthropocentric Paradigm of Research], Moscow, Institut yazykoznaniiya RAS Publ., Tambov, Izdatel'skij Dom TGU imeni G. R. Derzhavina Publ., pp. 125–129.
 14. Kolesnikova S. M. [Idioglossies “Children”, “Family”, “Life” in the novel by F. M. Dostoevsky “The Brothers Karamazov”]. In: *Russkii yazyk: istoricheskie sud'by i sovremennost'. VI Mezhdunarodnyi kongress issledovatelei russkogo yazyka, Moskva, 20–23 marta 2019* [Russian language: historical destinies and modernity. VI International Congress of Researchers of the Russian Language, Moscow, March 20–23, 2019 / Proceedings and materials]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta Publ., 2019. pp. 239–240.
 15. Kolesnikova S. M., Burskaya E. A., Ledeneva V. V., Shatalova O. V. [Means of representation of idio-gloss “Children”, “Family”, “Life” in the novel “The Brothers Karamazov” by F. Dostoevsky]. In: *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazykoznanie* [Bulletin of Volgograd State University. Series 2. Linguistics], 2021, vol. 20, no. 1. Available at: <https://l.jvolsu.com/index.php/ru/archive-ru/669-science-journal-of-volsu-linguistics-2021-vol-20-no-1/polnyj-tekst-nomera/2168-polnyj-tekst-nomera> (accessed: 04.13.2021).
 16. Kolesnikova S. M. [The concept of «love»]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology], 2006, no. 1, pp. 17–27.
 17. Ledeneva V. V. *Slovo Leskova* [Leskov's word]. Moscow, IIU MGOU Publ., 2015, 260 p.
 18. Leont'ev A. A. *Smysl kak psikhologicheskoe ponyatie. Psikhologicheskie i psikholingvisticheskie problemy vladeniya i ovladeniya yazykom* [Sense as a psychological concept Psychological and psycholinguistic problems of language proficiency and mastery]. Moscow, Izdatel'stvo MGU Publ., 1969, pp. 56–61.
 19. Maier P. A. [The specifics of the functioning of metaphors and the motivation for their use in the novel by F. M. Dostoevsky “The Brothers Karamazov”]. In: *Problemy sovremennoi nauki* [Problems of modern science], 2016, no. 25 (67), pp. 51–54.
 20. *Russkaya avtorskaya leksikografiya XIX–XX vekov* [Russian author's lexicography of the SIR – 20th centuries]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2003. 512 p.
 21. Saraeva I. V. *Sravnenie kak sredstvo sozdaniya obraza Aleshi* [Comparison as a means of creating the image of Alyosha]. In: *Yazuk i kultura v usloviyah globalizatsii: sbornik materialov I Mezhdunarodnoy nauchno-practicheskoi konferencii* [Language and Culture in Case of Globalization. Collection of articles I International Scientific-Practical Conference.], 2017, pp. 121–126.
 22. *Slovar' yazyka Dostoevskogo. Idioglossarii. T 1: A–V* [Dictionary of the Dostoevsky language. Idioglossary. A–B]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2008, 2010.
 23. *Funktsional'naya grammatika russkogo yazyka* [Functional grammar of the Russian language] Moscow, Yurait Publ., 2020. pp. 223–224.
 24. Kharina O. V. *Pravda, istina v romanakh F. Dostoevskogo: avtoref. diss. ... kand. filol. n* [True, the truth in the novels of F. Dostoevsky: Abstract of PhD Thesis in Philological sciences], Moscow, 2007. 28 p.
 25. Shepeleva S. N. [Lexeme “Soul” in the works of Dostoevsky: features of word consumption]. In: Karaulov Yu. N., ed. *Slovo Dostoevskogo* [Dostoevsky's word]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2001, pp. 488–540.
 26. Kolesnikova S., Burskaya E. The gradual phonosemotical range of derivatives of the word «soul» in modern russian language. In: *American Journal of Philology*, 2017, vol. 138, no. 4 (2), pp. 954–959.
 27. Kolesnikova S. M., Markova E. M., Burskaya E. A., Chibisova A. V. The concept “family” in the russian and chinese linguoculture: cognitive, phonosemantic and educational aspects. In: *Asia Life Sciences*, 2020, vol. 22, iss. 2, pp. 229–242.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Колесникова Светлана Михайловна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Института филологии Московского педагогического государственного университета;

e-mail: asya28@list.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Svetlana M. Kolesnikova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Departmental Head, Department of the Russian Language, Institute of Philology, Moscow Pedagogical State University;

e-mail: asya28@list.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Колесникова С. М. Контекстные и семиотические способы репрезентации «русской души» в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2021. № 3. С. 19–29.

DOI: 10.18384/2310-7278-2021-3-19-29

FOR CITATION

Kolesnikova S. M. Contextual and Semiotic Ways of Representing the "Russian Soul" in F. Dostoevsky's Novel "The Brothers Karamazov". In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2021, no. 3, pp. 19–29.

DOI: 10.18384/2310-7278-2021-3-19-29

УДК 811.161.1

DOI: 10.18384/2310-7278-2021-3-30-40

СТРУКТУРНО-ПОЗИЦИОНАЛЬНЫЕ И КОММУНИКАТИВНЫЕ ФУНКЦИИ МОДАЛЬНО-СОМНИТЕЛЬНЫХ ЧАСТИЦ В ТЕКСТАХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

Нагорный И. А.*Цзилиньский университет**130012, г. Чанчунь, ул. Цянцзинь, д. 10, Китайская Народная Республика*

Аннотация

Цель. Произвести системный анализ принципов соотношения структурно-позициональных и коммуникативных функциональных характеристик модально-сомнительных частиц в произведениях Ф. М. Достоевского в плане расширения и углубления данными частицами смысловой перспективы авторского текста.

Процедура и методы. Проанализирован корпус текстов. Теоретический и иллюстративный материал исследовался с применением описательного и функционального методов. Это позволило произвести запланированный многоаспектный позиционный анализ степеней функциональной насыщенности модально-сомнительных частиц в авторском художественном тексте. Систематизация функционально-текстовых характеристик модально-сомнительных частиц опиралась также на применение структурного и систематизационного методов, а также общедедуктивного метода.

Результаты. В статье рассмотрена проблема расширения и углубления модально-сомнительными частицами функциональной перспективы авторского текста. Проведено системное исследование структурно-позициональных и коммуникативных функциональных характеристик модально-сомнительных частиц в авторском тексте. Определены и описаны наиболее продуктивные способы воздействия модально-сомнительных частиц на семантическое поле предложения в художественном тексте. Проанализированы структурные и коммуникативно-текстовые функции частиц модально-сомнительной группы в произведениях Ф. М. Достоевского, а также систематизированы параметры выражения частицами позиции говорящего.

Теоретическая и/или практическая значимость. Обобщён новый материал по исследуемой теме. Теоретическая и/или практическая значимость заключается в интеграции теоретических данных по разрабатываемой теме. Структурно-позициональные функции модально-сомнительных частиц описаны на уровне их текстовой реализации применительно к произведениям конкретного автора художественного слова. Обоснован путь анализа иллюстративного материала: от выявления структурно-позициональных характеристик частиц к установлению их коммуникативно-прагматических свойств на уровне авторского художественного текста.

Ключевые слова: адресат, говорящий, диктум, квалификация, модус, модально-сомнительные частицы, позиционный фактор, предположение, сомнение, структурно-позициональные характеристики, текст, точка зрения, функции

STRUCTURAL-POSITIONAL AND COMMUNICATIVE FUNCTIONS OF MODAL-DOUBT PARTICLES IN THE TEXTS OF F. DOSTOEVSKY'S WORKS

I. Nagornyy*Jilin University**10 Qianjin Road, Changchun, 130012 People's Republic of China*

Abstract

Aim. System analysis of the principles of correlation of structural-positional and communicative functional characteristics of modal-dubious particles in the works of F. Dostoevsky in terms of expanding and deepening the semantic perspective of the author's text by these particles.

Methodology. The theoretical and illustrative material was studied using descriptive and functional methods. This made it possible to perform the planned multidimensional positional analysis of the degrees of functional saturation of modal-dubious particles in the author's literary text. The systematization of functional-textual characteristics of modal-doubtful particles was also based on the use of structural and systematization methods, as well as the general deductive method.

Results. The article deals of the problems expanding and deepening a semantic perspective of the author's text by modal-dubious particles. A systematic study of the structural-positional and communicative functional characteristics of modal-dubious particles in the author's text is carried out. The most productive ways of influencing modal-dubious particles on the semantic field of a sentence in a literary text are identified and described. The structural and communicative-textual functions of a particle of the modal-doubtful group in the works of F. Dostoevsky are analyzed. Dostoevsky, and also systematized the parameters of the expression of the speaker's position by particles.

Research implications. It consists in the integration of theoretical data on the topic being developed. The structural-positional functions of modal-dubious particles are described at the level of their textual implementation in relation to the works of a particular author of a literary word. The way of the analysis of the illustrative material is justified: from the identification of the structural and positional characteristics of the particles to the establishment of their communicative and pragmatic properties at the level of the author's literary text.

Keywords: modal-doubtful particles, positional factor, structural-positional characteristics, functions, doubt, assumption, point of view, speaker, addressee, qualification, modus, dictum, text

Введение

Произведения Ф. М. Достоевского отличаются яркими текстовыми стилистическими особенностями, усиленной смысловой и прагматической насыщенностью, разнообразием языковых средств, сложностью синтаксических построений, глубиной функциональностью репрезентативов авторских смыслов, наличием сложных синтаксических построений, отражающих многоплановость мысли великого русского писателя.

В числе средств репрезентации субъективных смыслов активно проявляют себя и модальные частицы, выполняющие в текстах произведений Ф. М. Достоевского достаточно объёмный комплекс функций, позволяющих автору художественного текста прагматизировать [19] коммуникативное воздействие на адресата.

В некоторых случаях выполнение частицами коммуникативных текстовых функций, их усиление или ослабление обусловлено фактором позициональности частиц

в предложении, способами активизации влияния частиц на семантическое поле предложения.

Известно, что модально-сомнительные частицы относятся к классу служебных слов русского языка, выполняют в грамматическом аспекте обслуживающие функции в предложении и функционируют в его составе как вспомогательные компоненты [6; 13; 16]. В формальном плане рассматриваемые частицы – не моделирующие и не структурообразующие средства языка. Тем не менее, всё это не является препятствием для речевой ёмкости частиц [5] как коммуникативно важных текстовых знаков, призванных вводить и развивать в смысловом поле художественного текста прагматически важные смыслы [1; 10; 21], в первую очередь сфокусированные на выражении квалификативной точки зрения говорящего относительно сомнительной достоверности сообщаемого.

Русские модально-смысловые частицы по своим семантическим и грамматиче-

ским характеристикам – принадлежность, в основном, живой разговорной речи [14; 15]. Они продуктивно проявляют себя в диалогической сфере, где нередко выполняют ответную функцию [3; 11], функционируют в составе неполного предложения, актуализируют зону предиката. Указанные языковые средства в большинстве своём типичны для простого предложения, где наиболее активно развивают своё смысловое корректирующее влияние на предикативные компоненты.

Одной из примечательных особенностей произведений Ф. М. Достоевского является то, что модально-сомнительные частицы *едва ли*, *вряд ли*, *навряд ли* функционируют здесь, как правило, в составе сложных предложений, нередко не в диалогической, а в монологической речи, иногда занимают в предложении достаточно нестандартные позиции, что в целом оказывает существенное влияние как на усиление коммуникативных характеристик самих частиц, так и на способы и степень воздействия данных частиц на общее смысловое поле коммуникативной единицы в тексте.

В художественных текстах Ф. М. Достоевского модально-сомнительные частицы *едва ли*, *вряд ли*, являясь в грамматическом плане элементами обслуживающего уровня языка, выступают как яркие, продуктивные и семантически насыщенные компоненты, которые писатель использует не только для репрезентации различных квалификативных мнений персонажей, но и собственно-авторской оценочной точки зрения: «Да, сознаюсь, что отчасти торжество и бесталанности и средины, но **вряд ли** бессилия» (Подросток); «...Если завтра Марфа Игнатьевна своё это намерение исполнит-с, так **вряд ли** им что услышать-с» (Братья Карамазовы).

В немалой степени актуализация частицами квалификативных модусных смыслов связана, а порой и обусловлена позиционными параметрами, проявляемыми частицами на формально-конструктивном уровне предложения.

Обозначенные аспекты текстового функционирования частиц видятся важными, так как связаны областями коммуникативной прагматики и контекстологии [19], модальным усложнением смысловой структуры художественного текста [17; 18], субъективной квалификацией событийной текстовой составляющей.

Квалификация сообщаемого в художественных текстах Ф. М. Достоевского осуществляется, в основном, или с позиции персонажа как речевого субъекта, или с позиции автора текста, вводящего в дискурсивное пространство последнего собственные мнения и оценки, в том числе и с различной долей уверенности – вплоть до глубокого мотивированного сомнения в сообщаемом. Всё это находит воплощение в особенностях выражения квалификативно-оценочных модусных категорий – модальности, эмотивности, оценочности, авторизации, экспрессивности [7; 9]. Немаловажную роль при этом играют, как уже говорилось, собственно грамматический и формально-структурный факторы.

Структурно-позиционные функции модально-сомнительных частиц в произведениях Ф. М. Достоевского обусловлены показательной субъективностью высказываний с данными частицами, их яркой и глубокой выразительностью, актуализацией позиции оценивающего событие субъекта, намеренным утверждением говорящим своей квалификативно-оценочной позиции и явным намерением донести данную позицию до адресата. Анализ текстов произведений писателя и конкретно предложений с частицами в данных текстах убеждает, что модально-сомнительные частицы у Ф. М. Достоевского, не являясь формально значимыми элементами предложенческой структуры, не выполняя структурные функции членов предложения, в то же время весьма активно участвуют в усложнении семантического поля предложения, расширяют семантическую структуру коммуникативной единицы языка на уровне модуса, что в итоге приводит к достаточно сильной трансформации всего смыслового пространства событий-

ного фрагмента художественного текста субъективно-авторскими модально-смысловыми наслоениями, в результате чего модально-сомнительная частица и приобретает ранг коммуникативно значимого элемента художественного произведения: «...Разлюбить его совсем и полюбить другого. Но **вряд ли** это будет средством» (Униженные и оскорблённые); «Он ... признался ... тогда, что затем только и приехал. Но **вряд ли** этим исчерпывалась вся причина его приезда» (Братья Карамазовы).

В произведениях Ф. М. Достоевского модально-сомнительные частицы часто не просто грамматически обслуживающие структуру предложения слова. Это слова коммуникативно значимые, являющиеся прекрасным инструментом авторской прагматизации художественного текста, его коммуникативного усложнения, сближения объективного и субъективного, оптимальным языковым средством выражения оценочно-квалификационного взгляда на событие, которое модализируется писателем в различных сомнительно-предположительных аспектах как личностная, авторская точка зрения, доносящаяся до адресата: «Да **вряд ли** и лицо умное?» (Братья Карамазовы); «Вот только оне сами... **вряд ли** это могут припомнить» (Братья Карамазовы).

Функционируя как коммуникативно-ценные знаки смыслового поля, модально-сомнительные частицы вносят в произведения Ф. М. Достоевского значимые субъективные смыслы, актуализируют данные смыслы в дискурсивном пространстве художественного текста. Модально-сомнительные частицы уточняют, а часто и полностью трансформируют общее смысловое поле предложения. Кроме того, частицы обязательно соотносят генерируемые ими модусные смыслы с коммуникативными факторами говорящего и адресата. Таким образом, активизируемые модально-сомнительными частицами смыслы оказываются коммуникативно и прагматически насыщенными, поскольку отражают в художественном тексте осуществлённую и важную для говоря-

щего мыслительную операцию сомнения в чём-либо: «Он думает, что этим утешит Илюшу, только **вряд ли**?» (Братья Карамазовы); «Да и Нине Александровне **вряд ли** он сообщил какое-нибудь своё наблюдение» (Идиот).

Продуктивным для текстов Ф. М. Достоевского является ряд формально-структурных позиций модально-сомнительных частиц в текстовом предложении, позволяющих соотнести структурно-моделирующий фактор с фактором репрезентативно-смысловым. Это, в свою очередь, делает возможным разговор о некоей обусловленности коммуникативно-прагматического аспекта аспектом позиционно-структурным, что выявляется при анализе текстовых характеристик частиц, в частности частиц модально-сомнительных.

Детализируя сказанное, проанализируем параметры соотношения структурно-позиционных характеристик модально-сомнительных частиц с их коммуникативно-семантическими функциональными характеристиками применительно к текстам произведений Ф. М. Достоевского.

Текстовое функционирование модально-сомнительных частиц в сложном предложении

Наиболее активно указанные частицы функционируют в произведениях Ф. М. Достоевского в составе **сложных предложений**. Это объяснимо, поскольку произведения писателя изобилуют сложными синтаксическими построениями, отражающими многоплановую мысль автора текста.

А. Одна из наиболее продуктивных позиций модально-сомнительных частиц – в структуре **сложносочинённого предложения** непосредственно после **противительного союза**: «Потом, когда всё кончилось, обвиняли Юлию Михайловну, её круг и влияние; но **вряд ли** всё произошло от одной только Юлии Михайловны» (Бесы); «Другой, до сих пор я только любил тебя, те-

перь уважаю», но вряд ли в самом деле произнесено было такое древнеримское изречение» (Бесы); «Мальчик знал про свою мать, что она его очень любит, но вряд ли очень любил её сам» (Бесы).

В подобных предложениях модально-сомнительная частица занимает стандартную позицию в начале предикативной части непосредственно после сочинительного союза. В данном случае автор, располагая частицу в указанной позиции, таким образом усиливает вводимый в сложное предложение смысл 'сомнение', делает его более категоричным и обоснованным, чему семантически помогает и противительный союз. Общее значение усиленной уверенности говорящего в собственном мнении, дополнительно подтверждённом противопоставлением сказанному ранее, отражено в корректирующем воздействии частицы на общее смысловое поле предложения.

Б. Одной из наиболее продуктивных и коммуникативно показательных позиций модально-сомнительных частиц в текстах произведений Ф. М. Достоевского является контактная постпозиция последней по отношению к **присоединительному союзу в сложной конструкции с сочинительной связью**, обуславливающая тесное смысловое единство частицы и данного союза: «Теперь известно, что у него не было никаких поручений, да и вряд ли сам он понимал своё положение» (Бесы); «Этот «пёгdestал» ведь всё тот же «идеал», и вряд ли лучше...» (Подросток).

Присоединительный союз и модальная частица представляют здесь единый семантико-смысловой комплекс. В результате корректировки частицей общесмыслового поля коммуникативной единицы присоединительная часть сложного предложения начинает выражать уже не просто добавочное, сопутствующее значение, типичное для такого рода присоединительных конструкций, но, напротив, репрезентирует усиление значимости события, относительно которого выражается достаточно категоричное авторское сомнение:

«Но он не успел ответить, да и вряд ли бы что ответил» (Подросток).

В. В целом малопродуктивной для текстов Ф. М. Достоевского оказывается позиция модально-сомнительной частицы в структуре **сложной конструкции с подчинительной связью**. В основном, это предложения с союзом *если...то*, где зафиксирована непосредственная постпозиция частицы после компонента *то*: «Если бы даже и можно было... сказать Настасье Филипповне: «Не выходите за этого человека...», то вряд ли это вышло бы правильно во всех отношениях» (Идиот).

Ф. М. Достоевский употребляет сомнительную частицу в такого рода структурных построениях лишь в единичных случаях. На наш взгляд, подобная непродуктивность объясняется тем, что модальная частица функционирует в предложении, которому автором текста уже задано условно-следственное либо сопоставительное значение как основное. Частица же, занимая отведённое ей место в той части предложения, где репрезентировано следствие или фрагмент сопоставительной мыслительной операции, лишь смещает данные семантические пласты в сторону обоснованного авторского сомнения по поводу сказанного. Структурный же комплекс «союз (часть союза)+частица+предикативная основа» выполняет здесь стандартную коммуникативную функцию репрезентатора авторского сомнения и донесения указанного смысла до адресата.

Текстовое функционирование модально-сомнительных частиц в простом предложении

А. Функционирование модально-сомнительной частицы в структуре **простого предложения**, начинающегося с сочинительного противительного союза *но*

По сравнению с весьма продуктивным функционированием модально-сомнительной частицы в составе сложного предложения менее частотным является реализация Ф. М. Достоевским рассматри-

ваемых частиц в структуре простого предложения. Причём указанное функционирование зафиксировано, в основном, в предложениях с конструктивной препозицией союза *но*. Вероятно, в ряде случаев можно даже говорить о намеренном разбиении художником слова сложного предложения на ряд простых с перспективной целью усилить категоричность сообщаемого, чему в немалой степени способствует модально-сомнительная частица: «... *Пожалуй бы и заключил, что он наружно-стью переменялся гораздо к лучшему. Но вряд ли это было так*» (Идиот).

Таким образом, если в художественном тексте происходит подобное парцеллирование и союз *но* занимает позицию начала простого предложения, общее значение противопоставления ранее сказанному усиливается, становится более категоричным. Комплекс *но + вряд ли* семантически углубляет авторское мнение относительно события как реального и в перспективе с неизбежностью свершившегося с точки зрения говорящего. Предложение с данным структурно-смысловым комплексом фиксируется максимально близко к полюсу отрицания на модальной шкале степеней достоверности [2].

Однако если комплекс *но + вряд ли* фиксируется непосредственно перед модальным компонентом составного глагольного сказуемого, это несколько смягчает авторское сомнение, актуализируемое в тексте модальной частицей. В этом случае в речевое высказывание автором вводится модусный смысл [12] размышления с весьма большой долей уверенности в сказанном: «*Но вряд ли могли вы узнать практически, что такое значит административный восторг и какая именно это штука?*» (Бесы); «*Но вряд ли возможно будет облегчить судьбу Эркеля. Этот с самого ареста своего всё молчит или по возможности извращает правду*» (Бесы).

Б. Функционирование модально-сомнительной частицы в **простом предложении**, в начале которого фиксируется сочинительный присоединительный союз *да* и: «*Но когда доходило до настоящего дела,*

то m-lle Blanche орудовала одна. Да и вряд ли та что-нибудь знала про дела своей названной дочки» (Игрок).

Для таких предложений характерно усиление авторской сомнительной точки зрения относительно описываемого фрагмента события. Модальная частица в комплексе *да и + вряд ли* в данном случае – регулятор силы авторского воздействия на адресата. Отметим также то, что при помощи частицы собственно присоединительный смысл в общем смысловом поле предложения, по сути, изначально лишь уточняющий, дополнительный, в результате «работы» комплекса *да и + вряд ли* становится по своим смысловым характеристикам, близким к констатационному.

Структурно-коммуникативные характеристики модально- сомнительных частиц при смысловом воздействии частицы на различные структурные компоненты в предложении

А. Взаимодействие модально-сомнительной частицы с **предикативной основой** предложения

С компонентами предикативной основы в текстах произведений Ф. М. Достоевского сомнительная частица взаимодействует стандартным образом – вносит в семантику данных компонентов (в основном, предиката) авторское сомнение или предположение. Причём от позиционных характеристик частицы в структуре предложения это слабо зависит. Отметим лишь, что при прямом порядке следования предикативных компонентов частица оказывает аккумулированное воздействие на весь предикативный комплекс в целом: «*С ним всё время неотлучно был священник... и всё говорил, – вряд ли тот слышал*» (Идиот); «*Скажу лишь одно: вряд ли я могу сказать про себя тогдашнего, что был в здравом рассудке*» (Подросток).

При обратном же порядке воздействие частицы корректируется в сторону предикативного субъекта, что обусловлено его инверсированием: «*На четырёх мужчин*

вряд ли приходилась одна дама, да и какие дамы!» (Бесы); *«Вряд ли было какое воровство, но не удивительно, что при таком беспорядке некоторые таки уехали без тёплой одежды»* (Бесы); *«...Вряд ли найдётся такой, чтоб прокричал: «Я царь, я и бог»* (Записки из мёртвого дома).

В целом же, на наш взгляд, на какую-то значимую трансформацию ведущего модусного смысла 'сомнение' позициональные факторы взаимодействия частицы с предикативной основой особого влияния не оказывают. Сомнительная частица в контактной препозиции к компонентам предикативной основы ожидаемо распространяет своё влияние на них, в первую очередь на предикат, а при инверсии – через предикат на предикативный субъект.

Естественным оказывается и то, что в интерпозиции по отношению к предикативным компонентам при их прямом порядке следования частица распространяет своё влияние исключительно на смысловое поле предиката: *«Свежий воздух вряд ли будет сейчас полезен на больные нервы»* (Бесы); *«–Вы надеетесь дойти до такой минуты? – Да. – Это вряд ли в наше время возможно»* (Бесы); *«Я оставил её в тревоге, которую она вряд ли перенесёт»* (Преступление и наказание).

Б. Отдельно стоит рассмотреть принципы взаимодействия модально-сомнительных частиц с зоной предиката в неполном предложении.

Употребляясь в структурно неполном простом предложении или в аналогичной по строению предикативной части сложного предложения, модально-сомнительные частицы оказывают усиленное воздействие на смысловое поле коммуникативной единицы. В первую очередь это связано со способностью модальной частицы фиксировать в тексте свёрнутые суждения [8], в которых частица берёт на себя роль смыслового и структурного компонента, восполняющего и актуализирующего смысловые характеристики предиката. Могут быть выделены два способа воздействия сомнительной частицы на зону предиката.

Непосредственное

влияние.

Проявляется при конструктивной неполноте предложения – отсутствии подлежащего. В данном случае стандартное смысловое воздействие модальной частицы на предикат (или его часть) сохраняется, что обусловлено контактной препозицией частицы. Семантика предиката трансформируется наслоением модусного смысла 'сомнение', личностное мнение субъекта в тексте актуализируется и насыщается высокой степенью уверенности в сообщаемом: *«Настасья Егоровна бредит почему-то, что «вряд ли и воротится»* (Подросток); *«Он ничего не говорил, ...вряд ли понимал что-нибудь, но тихо улыбался»* (Идиот); *«Да, он был практичнее меня, но вряд ли реальнее»* (Подросток).

Особенно показательными в этом случае являются модально-ответные предложения, в которых при отсутствии предиката усиленное воздействие частицы на его смысловую зону стабильно фиксируется:

«–Умней тебя, – неожиданно и по-прежнему важно ответил мужик. – Вряд ли, – опешил несколько Коля» (Братья Карамазовы).

Опосредованное

влияние.

Проявляется в тексте через распространитель – при конструктивном отсутствии предиката и одновременном наличии в структуре неполного предложения компонента, зависимого от предиката и конкретизирующего его значение: *«Полторы кубических сажени...воздуху, может быть, в этих комнатках и было, но вряд ли больше»* (Подросток); *«Что говорил я тогда, я совсем не помню, и вряд ли складно хоть сколько-нибудь»* (Подросток).

В этом случае в авторский текст при помощи сомнительной частицы вносится не просто глубокое сомнение субъекта в сказанном, но и предположение с оттенком избыточности. Данный сложный по степени наслоения смысловой комплекс базируется, как правило, на высокой степени уверенности автора сообщения. Частица в такого рода предложениях фактически актуализатор зоны логического предиката. Это тот смысловой и структурный элемент

художественного текста, при помощи которого событийная ситуация «притягивается» Ф. М. Достоевским к координатам «я – здесь – сейчас» [4]. Важное коммуникативное свойство модально-сомнительных частиц – выражать свёрнутое суждение в языково-речевой сфере – может квалифицироваться в произведениях Ф. М. Достоевского как очень важная текстовая функция. В этом плане рассматриваемые модальные компоненты, несомненно, приобретают не только статус семантически и прагматически значимых элементов предложения как коммуникативной единицы, но и статус так называемых текстовых структурообразующих средств.

В. Взаимодействие модально-сомнительных частиц с зоной **предикативного субъекта** в предложении

В произведениях Ф. М. Достоевского модально-сомнительные частицы распространяют своё смысловое влияние на субъект-подлежащее достаточно редко. На наш взгляд, это объясняется тем, что смысловое поле указанного компонента в предложении и тексте в силу своей констатационной природы с большим трудом может быть подвергнуто авторскому сомнению, предположению и подобным ментальным квалификативным операциям. Мотивация для этого должна быть серьёзной.

Если же корректировка семантического поля предикативного субъекта всё же происходит, то в таком случае оказывается налицо усиление категоричности авторской модальной квалификации с позиции глубокого сомнения в правомерности выдвинутого ранее предположения:

«Теперь **вряд ли кто** бы дал за него (имение. – И. Н.) и пять» (Бесы).

Другой случай представляет собой контактное воздействие модальной частицы на собственно характеризующий компонент, препозитивно примыкающий к предикативному субъекту: «Эй, послушайте старика, серьёзно говорю, Родион Романович. Говоря это, **едва ли тридцатипятилетний Порфирий Петрович** действительно как будто вдруг весь составился» (Преступление и наказание).

В этом случае сомнительный смысл частицей не актуализируется. Напротив, смысловая сфера частицы *едва ли* условно сближается со смысловой сферой частицы *не*, а также со смысловой сферой наречия *почти*. Высказывание при этом к смысловому полюсу отрицания не притягивается, оставаясь в зоне констатационной определённости.

Г. Взаимодействие модально-сомнительных частиц с зоной **распространителя** в предложении

В данном случае модально-сомнительная частица вносит в предложение (а через него и в текст) локально-корректирующий авторский смысл уверенного сомнения, который фокусируется в зоне семантического поля самого распространителя предикативной основы. Таким образом в аспекте сомнения / предположения локализуется: а) смысловое объектное поле конструктивного **дополнения** (актанта) («Чем... виноват человек в фантазиях сумасшедшей женщины, с которой, ...он **вряд ли две фразы** во всё время говорил» (Бесы); «Очевидно, никогда себя не готовила в учительницы, да **вряд ли чему и в состоянии учить**» (Подросток)); б) смысловое атрибутивное поле конструктивного **определения**, осложнённое, как правило, обстоятельственными характеристиками («Но **вряд ли в эту минуту что-нибудь религиозное сознавал**» (Идиот)); в) смысловое релятивное поле **обстоятельства** («Умиравший **вряд ли хорошо понимал что-нибудь**» (Преступление и наказание); «И Потапыча **вряд ли в самый воксал пустят**» (Игрок); «Да ты и генерала-то **вряд ли когда видал**» (Записки из мёртвого дома)).

Использование автором художественного текста структурно-смыслового комплекса *частица + распространитель* оказывается для Ф. М. Достоевского показательным текстовым инструментом уточнения авторской позиции и её точечной фокусировки при помощи модально-сомнительной частицы, выполняющей здесь локализационную функцию – актуализации модусного смысла сомнения / предположения и одновременного сужения авторского взгляда на объектном, атри-

бутивном или релятивном фрагменте события, на который накладывается мнение субъекта как модусная квалификативная операция.

Заключение

Одной из отличительных черт произведений Ф. М. Достоевского является то, что модально-сомнительные частицы здесь наиболее показательно проявляют себя в структуре сложных предложений, причём одинаково продуктивно и в диалогической речи, и в монологе. Данные частицы фиксируются в структуре коммуникативной единицы в различных позициях, что оказывает влияние как на активизацию коммуникативных параметров самих сомнительных частиц, так и на усиление степени их воздействия на общее смысловое поле коммуникативной единицы в авторском художественном тексте.

В художественных текстах Ф. М. Достоевского модально-сомнитель-

ные частицы, проявляя свои структурно-позиционные свойства, выступают как прагматически насыщенные и семантически объёмные компоненты, используемые автором художественного слова для усиления модально-кваликативных характеристик в речи персонажей, выражения оценочной точки зрения автора текста. Модально-сомнительные частицы в текстах произведений Ф. М. Достоевского – это знаки важных модусных смыслов, коммуникативно насыщенных и прагматически ориентированных.

Намеченные в статье вопросы являются, на наш взгляд, перспективными для исследования в плане разработки проблем дискурсивного функционирования частиц других семантических групп, в первую очередь частиц эмоциональных и усиительных.

Статья поступила в редакцию 05.04.2021.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы. М.: Либроком, 2019. 384 с.
2. Бабайцева В. В. Зона синкретизма в системе частей речи современного русского языка // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1983. № 5. С. 35–42.
3. Баранов А. Н., Кобозева И. М. Модальные частицы в ответах на вопрос // Прагматика и проблемы интенциональности. М.: ИНИОН, 1988. С. 45–69.
4. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. 446 с.
5. Буглак С. И. Модальные слова и частицы как средство выражения подтверждения или опровержения достоверности сообщаемого // Русский язык в школе. 1990. № 2. С. 82–87.
6. Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.: Высшая школа, 1972. 614 с.
7. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М.: Наука, 1985. 228 с.
8. Галкина-Федорук Е. М. Суждение и предложение. М.: Издательство МГУ, 1956. 73 с.
9. Маркелова Т. В. Частицы в высказываниях с оценочным значением в русском языке // Русский язык в школе. 1995. № 2. С. 87–95.
10. Нагорный И. А. Грамматико-коммуникативные функции частиц в речевой сфере // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Гуманитарные науки. 2019. Т. 38. № 3. С. 369–378.
11. Нагорный И. А. Ответная функция русских частиц в речевом нечленимом высказывании // Филологический аспект. 2016. № 2. С. 21–26.
12. Орехова Е. Н. Субъективная модальность радиодискурса // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2014. № 6. С. 19–25.
13. Русская грамматика. Т. 1. М.: Наука, 1980. 784 с.
14. Земская Е. А., Китайгородская М. В., Ширяев Е. Н. Русская разговорная речь. Кн. 1. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М.: Наука, 1981. 286 с.
15. Стародумова Е. А. Русские частицы. Владивосток: Издательство ДГУ, 1997. 68 с.
16. Шведова Н. Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М.: АН СССР, 1960. 378 с.
17. Danes Fr. Cognition and Emotion in the Discourse Interaction: A Preliminary Survey of the Field //

Preprints of the Plenary Session Papers: XIV International Congress of Linguists Organized under Auspices of CIPL. Berlin, 1987, pp. 272–291.

18. Durovic L. Modalnost'. Leksikalno-syntakticke vyjadrovanie modalnych a hodnotiacych vzt'iahov v slovincine a rustine. Bratislava, 1956. 220 p.
19. Givon T. Mind, Code and Context: Essays in Pragmatics. Hillsdale, New Jersey, London, 1989. 456 p.
20. Lakoff G. Pragmatics in natural logic // Formal semantics of natural language. Los Angeles, 1975, pp. 253–286.
21. Syntax and semantics. Vol. 9. Pragmatics. XII. London, New York, 1978. 340 p.

REFERENCES

1. Arutyunova N. D. *Predlozhenie i ego smysl. Logiko-semanticheskie problemy* [The sentence and its meaning. Logical-semantic problems]. Moscow, Librokom Publ., 2019. 384 p.
2. Babaitseva V. V. [The zone of syncretism in the system of parts of speech of the modern Russian language]. In: *Nauchnye doklady vysshei shkoly. Filologicheskie nauki* [High school scientific reports. Philological sciences], 1983, no. 5, pp. 35–42.
3. Baranov A. N., Kobozeva I. M. [Modal particles in answers to the question]. In: *Pragmatika i problemy intensional'nosti* [Pragmatics and problems of intensionality], Moscow, INION Publ., 1988, pp. 45–69.
4. Benvenist E. *Obshchaya lingvistika* [General linguistics]. Moscow, Progress Publ., 1974. 446 p.
5. Buglak S. I. [Modal words and particles as a means of expressing confirmation or refutation of the reliability of the reported]. In: *Russkii yazyk v shkole* [Russian language at school], 1990, no. 2, pp. 82–87.
6. Vinogradov V. V. *Russkii yazyk. Grammaticheskoe uchenie o slove* [Russian language. Grammatical teaching about the word]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1972. 614 p.
7. Vol'f E. M. *Funktsional'naya semantika otsenki* [Functional semantics of evaluation]. Moscow, Nauka Publ., 1985. 228 p.
8. Galkina-Fedoruk E. M. *Suzhdenie i predlozhenie* [Judgment and Suggestion]. Moscow, Publishing house MSU, 1956. 73 p.
9. Markelova T. V. [Particles in sentences with an estimated value in Russian]. In: *Russkii yazyk v shkole* [Russian language at school], 1995, no. 2, pp. 87–95.
10. Nagornyi I. A. [Of grammatical and communicative functions of particles in the field of speech]. In: *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Scientific bulletin of Belgorod State University. Humanitarian sciences], 2019, vol. 38., no. 3, pp. 369–378.
11. Nagornyi I. A. [The response function of Russian particles in a speech imprecise utterance]. In: *Filologicheskii aspekt* [Philological aspect], 2016, no. 2, pp. 21–26.
12. Orekhova E. N. [Subjective modality of radiodiscussion]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Russian Philology], 2014, no. 6, pp. 19–25.
13. *Russkaya grammatika. T. 1* [Russian grammar. Vol. 1]. Moscow, Nauka Publ., 1980. 784 p.
14. Zemskaya E. A., Kitaigorodskaya M. V., Shiryayev E. N. *Russkaya razgovornaya rech'. Kn. 1. Obshchie voprosy. Slovoobrazovanie. Sintaksis* [Russian colloquial speech. Book. 1. General questions. Word formation. Syntax]. Moscow, Nauka Publ., 1981. 286 p.
15. Starodumova E. A. *Russkie chastitsy* [Russian particles]. Vladivostok, DGU Publ., 1997. 68 p.
16. Shvedova N. Yu. *Ocherki po sintaksisu russkoi razgovornoj rechi* [Essays on the syntax of the Russian language]. Moscow, AN SSSR Publ., 1960. 378 p.
17. Danes Fr. Cognition and Emotion in the Discourse Interaction: A Preliminary Survey of the Field. In: *Preprints of the Plenary Session Papers. XIV International Congress of Linguists Organized under Auspices of CIPL. Berlin, 1987. Pp. 272–291.*
18. Durovic L. Modalnost'. Leksikalno-syntakticke vyjadrovanie modalnych a hodnotiacych vzt'iahov v slovincine a rustine. Bratislava, 1956. 220 p.
19. Givon T. Mind, Code and Context: Essays in Pragmatics. Hillsdale, New Jersey, London, 1989. 456 p.
20. Lakoff G. Pragmatics in natural logic. In: *Formal semantics of natural language*. Los Angeles, 1975, pp. 253–286.
21. Syntax and semantics. Vol. 9. Pragmatics. XII. London, New York, 1978. 340 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Нагорный Игорь Анатольевич – доктор филологических наук, профессор, профессор Института иностранных языков Цзилиньского университета;
e-mail: ignago7@outlook.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Igor A. Nagorny – Dr. Sci. (Philology), Prof., Institute Foreign Languages, Jilin University;
e-mail: ignago7@outlook.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Нагорный И. А. Структурно-позиционные и коммуникативные функции модально-сомнительных частиц в текстах произведений Ф. М. Достоевского // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2021. № 3. С. 30–40.
DOI: 10.18384/2310-7278-2021-3-30-40

FOR CITATION

Nagorny I. A. Structural-positional and Communicative Functions of Modal-doubt Particles in the Texts of Works by F. Dostoevsky. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2021, no. 3, pp. 30–40.
DOI: 10.18384/2310-7278-2021-3-30-40

УДК 811.161.1

DOI: 10.18384/2310-7278-2021-3-41-47

ЭКСПРЕССИВНЫЕ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ СРЕДСТВА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

Николина Н. А.*Московский педагогический государственный университет**119435, г. Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Выявить и описать экспрессивные словообразовательные средства в прозе Ф. М. Достоевского.

Процедура и методы. Проанализирован корпус текстов. Проведён структурно-семантический анализ словообразовательных инноваций и экспрессивных дериватов, извлечённых из текстов Ф. М. Достоевского сплошной выборкой, с использованием методов наблюдения, обобщения и описания.

Результаты. По итогам исследования выявлены типы новообразований и их функции в прозе Ф. М. Достоевского. Показано, что словотворчество играет важную роль в структуре текстов писателя. Наряду с новообразованиями, выделены и рассмотрены наиболее продуктивные в прозе Ф. М. Достоевского типы дериватов и словообразовательные гнёзда, значимые для интерпретации текстов. Отмечены случаи морфемного повтора, описаны его типы и функции.

Теоретическая и/или практическая значимость. Теоретическая значимость исследования определяется разработкой методологии анализа словообразовательных средств в художественном тексте и выявлением тенденций в словотворчестве на материале текстов XIX в. Практическая значимость работы обусловлена возможностью использования её материалов в практике преподавания курсов «Словообразование» и «Филологический анализ текста».

Ключевые слова: идиостиль, новообразование, потенциальные слова, аугментативы, диминутивы, морфемный повтор, экспрессивность

EXPRESSIVE WORDS IN THE WORKS OF M. DOSTOEVSKY

N. Nikolina*Moscow State Pedagogical University,**1 Malaya Pirogovskaya ul., Moscow 119435, Russian Federation*

Abstract

Aim. To identify and describe expressive word-formation means in the prose of F. Dostoevsky.

Methodology. The corpus of texts is analyzed. The author of the article has carried out a structural-semantic analysis of word-formation innovations and expressive derivatives extracted from the texts of F. Dostoevsky by a continuous sample, using the methods of observation, generalization and description.

Results. As a result of the study, the types of newly created words and their functions in the prose of F. Dostoevsky were revealed. It is shown that word creation plays an important role in the structure of the writer's texts. Along with the new formations, the most productive types of derivatives and word-formation nests that are significant for the interpretation of texts are identified and considered in Dostoevsky's prose. Cases of morpheme repetition are noted, its types and functions are described.

Research implications. The theoretical significance of the article is determined by the development of a methodology for the analysis of word-formation means in a literary text and the identification of trends in word-creation on the material of the texts of the 19th century. The practical significance of the

work is in the possibility of using its materials in the practice of teaching courses "Word formation" and "Philological analysis of the text."

Keywords: idiostyle, newly created words, potential words, augmentatives, diminutives, morpheme repetition, expressiveness

Введение

Идиостиль Ф. М. Достоевского изучался и изучается в разных аспектах. Рассматривались особенности полифонической нарративной структуры его романов, образительные средства в текстах писателя [10], исследован синтаксис художественной прозы Ф. М. Достоевского [3], выявлены и описаны языковые средства, определяющие своеобразие его стиля: «знаки чрезмерности» и «классификаторы неопределённости» [4], составлен статистический словарь языка Ф. М. Достоевского [11], ведётся работа над многотомным словарем языка писателя, в связи с этим активно изучается его тезаурус [9], исследованы ключевые в творчестве Ф. М. Достоевского концепты, например, концепт «Тоска» [1], проведён лингвостилистический анализ ряда произведений писателя. В то же время недостаточно изученными остаются экспрессивные словообразовательные средства, которые используются в текстах Ф. М. Достоевского и во многом определяют своеобразие его индивидуального стиля.

Новообразования в прозе Ф. М. Достоевского

И в художественных произведениях, и в публицистике Ф. М. Достоевский неоднократно обращался к новообразованиям разных типов, которые были для него «способом преодоления автоматизма речи и через него – механистичности и стандартизированности жизни» [8, с. 110]. Ф. М. Достоевский отстаивал право писателя на словотворчество, его привлекали языковая игра, экспрессивные необычные образования, возникавшие в разговорной речи и диалектах. Характерно в этом плане ироничное предложение

Ф. М. Достоевского ввести в широкое употребление сращение *дарвалдая*:

«Дарвалдая. Я предлагаю принять за новый глагол. Смешнее представить себе нельзя что-нибудь, как город Валдай, дарящий колокольчики. К тому же глагол этот известен всей России ... Но все, во всех слоях пели дар Валдая не как дар Валдая, а как дарвалдая, то есть в виде глагола, изображающего что-то мотающееся и звенящее, можно говорить про всех мотающихся и звенящих или стучащих – он дарвалдает. Можно даже сделать существительное "дарвалдай" и приложить его ко всем сочинителям брошюр "Быть или не быть" ... Можно взять и фамилию Дарвалдаев, в роман или водевиль, для изображения неосновательного молодого человека, с претензиями, человека консервативного или либерального, все равно» (21, с. 264)¹.

Ф. М. Достоевский максимально расширяет круг слов (словосочетаний), мотивирующих новообразования: с этой целью он использует фразеологические единицы, иноязычные слова, неузусную лексику. Ср., например: *«...прямой, законный, непосредственный плод сознания – это инерция, то есть сознательное сложа-руки-сиденье»* (5, с. 108). *«Вуйками я называю тех девиц, которые до тридцати почти лет отвечают вам: вуй да нон...»* (Дневник писателя, 22, с. 10). *«Эта наглость наивности, эта несомняемость глупого человека в себе и своём таланте превосходно выставлена Гоголем...»* (Идиот, 8, с. 385).

В словотворчестве отразились особенности стиля писателя, «ценного уже своей освободительной энергией, своим мятежом против условной литературной фальши, чопорной гладкости и аффектации» [2,

¹ Все цитаты из произведений Ф. М. Достоевского приводятся по изданию: Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л., 1972–1990 – с указанием номера тома и страниц в скобках.

с. 175]. В прозе Ф. М. Достоевского преобладают потенциальные слова, т. е. новообразования, созданные по продуктивным словообразовательным моделям. Прежде всего, в текстах писателя регулярно встречаются аугментативы – производные с увеличительно-усилительным значением – и глаголы с семантикой интенсивности, которые выражают гиперболическую оценку: «*Это я соврал, архисоврал*» (Подросток, 13, с. 261). «*Вообще я сделал замечание, что будь разгений, но в публичном лёгком литературном чтении нельзя занимать собою публику более двадцати минут безнаказанно*» (Бесы, 10, с. 363); «... *помещик и раскапиталист...*» (Идиот, 8, с. 10).

В текстах Достоевского такие производные взаимодействуют с другими интенсификаторами (наречиями меры и степени, прилагательными *беспредельный, безмерный* и др.), создавая «огненную и экзотическую» (Н. Бердяев) атмосферу художественного мира писателя. Одновременно в текстах Достоевского последовательно используются диминутивы, которые выражают не только уменьшительное, но и экспрессивно-оценочное значение, чаще всего иронически-пренебрежительное. Такие диминутивы образуются от разных основ, в том числе и с непредметным значением; см., например: *баишачонки, идейка, квартирёнка, королевщице, педантик, процессик, развратик, самоотверженнице, чиновничиха* и др. В результате средства экспрессивной гиперболизации сочетаются со средствами ослабления признака или снижения оценки. Интенсивное употребление дериватов с аффиксами субъективной оценки – отличительная черта идиостиля Ф. М. Достоевского.

Наряду с ними в текстах писателя часто встречаются:

– глаголы-новообразования, образованные префиксально-постфиксальным и постфиксальным способами: *заподличаться, отшлепнуться, отхихикнуться, провратиться, увизжаться, изубыточиться, исподлиться, исхарчиться, расчастливиться*;

– глаголы-новообразования, мотивированные именами прилагательными или существительными, с формантом *-ича / -нича*: *амбициозничать, иезуитничать, подобострастничать, подробничать, развязничать, экспансивничать*;

– префиксально-суффиксальные глаголы со значением ‘придать какое-либо свойство кому или чему-либо’: *огуманить, одичить, оказенить, омертвить*;

– сложные слова с префиксоидами *само, вс(е)*: *самоказнь, самопрезрение, саморисование; всеобъятие, всеслужение, всеславянин, всечеловек*;

– отвлечённые имена существительные с формантами *-ость* и *-ици*: *сапожность, комильфотность, карамазовщина, шигалевщина* и др.

Особую группу новообразований составляют сложные прилагательные, в целом характерные для прозы XIX в. и выполняющие часто функцию эпитетов, например: *благородно-развязный, невинно-нахальный взгляд, оловянно-бессмысленные глаза, дурацки-важный вид, бессильно-вызывающий голос, смиренно-грешный народ* и др.

Как видим, словообразовательные инновации Ф. М. Достоевского образуются преимущественно суффиксацией, комплексными аффиксальными способами и сложением.

Кроме того, используется сравнительно редко встречающийся в прозе XIX в. способ – сращение во взаимодействии с суффиксацией: *всемство* (от все мы), *сложаруки-сиденье, четвертьсловное* (объяснение), *третьегодняшняя* (бекеша), *малословесный, бесконечноэтажный*.

Отмечаются также немногочисленные окказионализмы, образованные контаминацией: *облизьяна* (облизать-облизывать + обезьяна), *сверлива* (сверлить + ворчлива), *холостёжь* (холостой + молодёжь). Обращение к контаминации (скорнению) сближает Ф. М. Достоевского с Н. С. Лесковым, в произведениях которого встречается множество гибридных слов разных структурных типов.

Новообразования Ф. М. Достоевского многофункциональны: они выступают в экспрессивно-оценочной, собственно номинативной и компрессивной функциях. В последнем случае новообразование служит для свёртывания словосочетания: «Речь Достоевского точно торопится и задыхается. Слова то громоздятся беспорядочной толпой, как будто мысль торопливо ищет себе выражения и не может схватить его, то обрывается коротко, резко, падает отрывистыми фразами, иногда одним словом там, где грамматически необходимо было бы целое предложение» [7, с. 136]. Часто свёртывается сочетание слов, представленное в том же контексте. Ср., например:

«Чай разливала тридцатилетняя дева, сестра хозяйки, безбровая и белобрысая...

– Ставрогину чай, – скомандовала она (хозяйка) разливательнице» (Бесы, 10, с. 30).

«Какая-то дама ... в куцавейке ... выглянула из дверей...

– Я было хотел познакомиться с Ипполитом, – сказал Коля, – он старший сын этой куцавешной капитанши» (Идиот, 8, с. 112).

Морфемный повтор и его функции в произведениях Ф. М. Достоевского

Для произведений Ф. М. Достоевского характерно обнажение деривационных связей слов, актуализирующее семантику корня или аффикса; см., например: «Эти господа всезнайки встречаются иногда, даже довольно часто, в известном общественном слое... Они всё знают... Под словом "всё знают" нужно разуместь, впрочем, область довольно ограниченную: где служил такой-то, с кем он знаком, сколько у него состояния» (Идиот, 8, с. 8). «Что такое значит русский администратор, говоря вообще, и что значит русский администратор внове, то есть нововыпеченно-вопоставленный...» (Бесы). «Везде было накрошено, насолено, намочено» (Бесы, 10, с. 113). «Появился господин Голядкин-младший... шалун, прыгун, лизун, хохотун» (Двойник, 1, с. 194).

Морфемные повторы выполняют усиленно-выделительную функцию. Высокая плотность их определяет экспрессивную и эмоциональную тональность текста или его фрагмента. Так, концентрация аффиксов субъективной оценки, образующих диминутивы, в описаниях Кармазинова в романе «Бесы» выражает иронию повествователя. Ср.: «*Это был очень невысокий, чопорный старичок... с довольно румяным личиком, с густыми седенькими локончиками, выбивавшимися из-под круглой цилиндрической шляпы и завивавшимися около чистеньких, розовеньких, маленьких ушков его... Все мелкие вещицы его костюма: запоночки, воротнички, пуговики, черепаховый лорнет на чёрной тоненькой ленточке, перстенёк непременно были такие же, как у людей безукоризненно хорошего тона*» (10, с. 70–71). «*Господин Кармазинов был в какой-то домашней кацавеечке на вате, вроде как бы жакеточки, с перламутровыми пуговками, но слишком уж коротенькой, что вовсе и не шло к его довольно сытенькому брюшку...*» (10, с. 285).

Актуализация семантики аффикса в произведениях Ф. М. Достоевского позволяет рассматривать повторяющийся префикс или суффикс как средство создания микрообраза, значимого для интерпретации текста в целом. Так, повтор префиксов *пре-* и *пере-* в романе «Преступление и наказание» связан с развёртыванием образа предела, той черты, которую преступает Раскольников; см., например: «*Во всём есть черта, за которую перейти опасно; ибо, раз переступив, воротить назад невозможно*» (6, с. 230). «*Разве ты не то же сделала? Ты тоже переступила, ... смогла переступить*» (6, с. 252).

Регулярный повтор префикса *без-* в тексте романа «Бесы» также неслучаен: он, с одной стороны, создаёт определённый звуковой образ, коррелирующий с заглавием произведения, с другой, выделяет, акцентируя, основную тему романа.

Наряду с повтором аффиксов, в произведениях Достоевского используется приём их противопоставления в одном контексте. Например:

«– Низвожу Бога до атрибута народности? – вскричал Шатов. – Напротив, народ возношу до Бога» (Бесы, 10, с.199).

Ещё более значимую роль играет в произведениях Достоевского корневой повтор. Он служит средством интенсификации обозначаемых признаков, выделяет тему контекста или композиционной части, а также текста в целом, «обнажает» его семантическую структуру, способствует развёртыванию определённого мотива. Корневой повтор определяет смысловые доминанты монологов персонажей и авторских комментариев или описаний в полифонической структуре романов и повестей Ф. М. Достоевского.

Например, в повести «Кроткая», по подсчётам исследователей, корень *молч*-42 раза повторяется в тексте [5, с. 97]. Наряду с ним высокочастотен корень *смех* (и его алломорфы)) – он встречается в тексте более 30 раз. «Молчание жертвы становится протестом и вместе с тем усугубляет ужас ситуации психологического террора. Иногда молчание героини сопровождается, как считает герой, насмешкой над ним. Самолюбие Ростовщика постоянно уязвлено из-за этой устойчиво-молчаливой насмешки. Именно она является лейтмотивом повествования» [5, с. 97–98].

Коневой повтор в повести «Кроткая», которая представляет собой «диалогизированный нарративный монолог» [12, с. 61], носит текстообразующий характер, но функцию оформления и акцентирования темы такой повтор выполняет и в микроконтекстах речи повествователя, либо развёрнутых репликах персонажа. Так, в репликах Кириллова в романе «Бесы» концентрируются лексические единицы с корнями *бог* и *вол(я)*.

В романе «Братья Карамазовы» в снепрозрении Мити повторяются лексические единицы с корнем *черн*- и корнем *гор*-. Их взаимодействие служит средством создания образов «чёрной беды», которая преодолевается очистительным огнём преображенной души:

«И вот недалеко селение, виднеются избы чёрные-пречёрные, а половина изб погорела, торчат только одни обгорелые брёвна...

– Нет, нет, – всё будто ещё не понимает Митя, – ты скажи: почему это стоят погорелые матери, почему бедные люди, почему бедно дитё ... И вот загорелось всё его сердце и устремилось к какому-то свету, и хочется ему жить и жить, идти и идти в какой-то путь, к новому, зовущему свету...» (14, с. 456–457).

Словообразовательные гнёзда, представленные в текстах произведений Достоевского, служат средством выражения концептов, значимых для художественного мира писателя. В романе «Идиот» это, например, гнёзда с вершинами *страсть* и *страдать*, в романе «Преступление и наказание» гнездо с вершинами *странный* и *преступить*. Ряд словообразовательных гнёзд объединяет несколько произведений писателя. Это гнёзда с вершинами *верить*, *гордый*, *любовь*, *свет*, *страдать*, *широкий*; см., например:

«Широкость ли это особенная в русском человеке, которая его далеко поведёт, или просто подлость – вот вопрос!» (Подросток, 13, с. 307). «Русские люди вообще широкие люди ... широкие, как их земля, и чрезвычайно склонны к фантастическому и беспорядочному» (Преступление и наказание, 6, с. 378). «Нет, широк человек, слишком широк, я бы сузил...» (Братья Карамазовы, 14, с.100).

«Словообразовательный повтор актуализирует как отношения сближения, так и отношения противопоставления и тем самым служит не только средством создания доминант, но и способом выделения оппозиций» [6, с. 62]. Таковы, например, оппозиции *благообразие* – *безобразие* в романе «Подросток», *вера* – *безверие* в романе «Бесы». Таким образом, повтор морфем определяет не только экспрессивность текстов Достоевского, но и выделяет концептуальные доминанты произведений писателя, служит средством развёртывания тем и мотивов, значимых для художественного мира писателя.

Заклучение

Анализ текстов Ф. М. Достоевского показал, что экспрессивные словообразовательные средства в его произведениях представлены:

- 1) новообразованиями;
- 2) дериватами с семантикой интенсивности, ослабления признака, эмоциональной оценки;
- 3) повтором корней и аффиксов.

Экспрессивные словообразовательные средства определяют своеобразие идиостиля писателя. Они служат средством

эмоциональной гиперболизации, выделяют значимые для семантической композиции произведения смыслы, выражают авторскую оценку или оценку персонажа, формируют словообразовательные гнезда, развивающие ключевые темы и мотивы текста. Потенциальные слова, созданные Ф. М. Достоевским, позволяют выявить тенденции словотворчества в художественной речи XIX в.

Статья поступила в редакцию 20.01.2021.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бокова О. А. Концепт «Тоска» в идиостиле Ф. М. Достоевского // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 1 (31). Ч. II. С. 35–37.
2. Иванов Вяч. Достоевский и роман-трагедия // О Достоевском. Творчество Достоевского в русской мысли 1881–1931 годов. М.: Книга, 1990. 428 с.
3. Иванчикова Е. А. Синтаксис художественной прозы Достоевского. М.: Наука, 1979. 286 с.
4. Муминов В. И. Особенности употребления классификаторов неопределённости признака в романе Ф. М. Достоевского «Идиот» // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология, 2016. Т. 20. Вып. 6. С. 25–30.
5. Найдич Л. Э., Павлова А. В. Передача эмоциональных состояний в повести «Кроткая» // Эмоциональная сфера в языке и коммуникации: синхрония и диахрония. М.: Институт языкознания РАН, 2020. С. 88–107.
6. Николина Н. А. Словообразовательные средства и стиль (на материале произведений Ф. М. Достоевского) // Русский язык в школе. 1991. № 5. С. 54–65.
7. Переверзев В. Ф. Гоголь. Достоевский. Исследования. М.: Советский писатель, 1982. 511 с.
8. Ружицкий И. В. Механизмы языковой игры у Достоевского и Лескова // Неология как проблема лингвистической поэтики. М.: Азбуковник, 2018. С. 110–112.
9. Ружицкий И. В. Язык Достоевского: идиоглоссарий, тезаурус, эйдос. М.: Лексрус, 2015. 544 с.
10. Соловьев С. М. Изобразительные средства в творчестве Ф. М. Достоевского. М.: Советский писатель. 1979. 352 с.
11. Шайкевич А. Я., Андриященко В. М., Ребецкая Н. А. Статистический словарь языка Достоевского. М.: Языки славянской культуры, 2003. 880 с.
12. Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. 312 с.

REFERENCES

1. Bokova O. A. [Concept “Tosca” in the idiostyle of F. M. Dostoevsky]. In: *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological sciences. Questions of theory and practice], 2014, no. 1 (31), iss. II, pp. 35–37.
2. Ivanov Vyach. [Dostoevsky and Novel-Tragedy]. In: *O Dostoevskom. Tvorchestvo Dostoevskogo v russkoi mysli 1881–1931 godov* [About Dostoevsky. Dostoevsky]. Moscow, Kniga Publ., 1990. 428 p.
3. Ivanchikova E. A. *Sintaksis khudozhestvennoi prozy Dostoevskogo* [The syntax of prose of Dostoevsky]. Moscow, Nauka Publ., 1979. 286 p.
4. Muminov V. I. [Features of the use of classifiers of uncertainty of a feature in the novel by F. M. Dostoevsky “The Idiot”] In: *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya «Istoriya i filologiya»* [Bulletin of the Udmurt University. Series: History and Philology], 2016, vol. 20, iss. 6, pp. 25–30.
5. Naidich L. E., Pavlova A. V. [Transfer of emotional states in the story “Meek”]. In: *Emotsional'naya sfera v yazyke i kommunikatsii: sinkhroniya i diakhroniya* [The emotional sphere in language and communication: synchrony and diachrony]. Moscow, Institut yazykoznaniya RAN Publ., 2020, pp. 88–107.
6. Nikolina N. A. [Word-building means and style (based on the works of F. Dostoevsky)]. In: *Russkii yazyk v shkole* [Russian language at school], 1991, no. 5, pp. 54–65.

7. Pereverzev V. F. *Gogol'. Dostoevskii. Issledovaniya* [Gogol. Dostoevsky. Research]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1982. 511 p.
8. Ruzhitsky I. V. [Mechanisms of the language game in Dostoevsky and Leskov]. *Neologiya kak problema lingvisticheskoi poetiki* [Neology as a problem of linguistic poetics], Moscow, Azbukovnik Publ., 2018, pp. 110–112.
9. Ruzhitsky I. V. *Yazyk Dostoevskogo: idioglossarii, tezaurus, eidos* [Dostoevsky's language: idioglossary, thesaurus, eidos]. Moscow, Leksrus Publ., 2015. 544 p.
10. Solov'ev S. M. *Izobrazitel'nye sredstva v tvorchestve F. M. Dostoevskogo* [Visual means in the works of F.M.Dostoevsky]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1979. 352 p.
11. Shaikovich A. Ya., Andryushchenko V. M., Rebetskaya N. A. *Statisticheskii slovar' yazyka Dostoevskogo* [Dostoevsky's Statistical Dictionary]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2003. 880 p.
12. Shmid V. *Narratologiya* [Narratology]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2003. 312 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Николина Наталья Анатольевна – кандидат филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка Института филологии Московского педагогического государственного университета; e-mail: natnikmoskva@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Natalia A. Nikolina – Cand. Sci. (Philology), Prof., the Russian Language Department, Institute of Philology, Moscow State Pedagogical University. e-mail: natnikmoskva@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Николина Н. А. Экспрессивные словообразовательные средства в произведениях Ф. М. Достоевского // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2021. № 2. С. 41–47.

DOI: 10.18384/2310-7278-2021-3-41-47

FOR CITATION

Nikolina N. A. Expressive Word-formation Means in the Works of F. Dostoevsky. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2021, no. 2, pp. 41–47.

DOI: 10.18384/2310-7278-2021-3-41-47

УДК 801.73

DOI: 10.18384/2310-7278-2021-3-48-58

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ 'СТРАХ' В РОМАНЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ»

Ружицкий И. В.^{1,2}, Ма Цзинян²

¹Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация;

²Московский государственный областной университет

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Реконструировать фрагмент текстового семантического поля 'страх' в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание», косвенно отражающего некоторые особенности авторской языковой личности.

Процедура и методы. Проанализирован корпус текстов. Основным методом достижения поставленной цели служит многопараметровый словарь языка писателя, в котором представлен расширенный лингвистический комментарий, позволяющий построить текстовое ассоциативное поле, формируемое идиоглоссой – входом словарной статьи. Кроме того, в работе используется специально разработанная процедура выявления текстовых ассоциаций.

Результаты. По итогам исследования решена задача реконструкции фрагмента семантического поля 'страх', косвенно отражающего некоторые особенности авторской языковой личности, определены перспективы исследования.

Теоретическая и/или практическая значимость. Обобщён новый материал по исследуемой теме. Результаты исследования вносят вклад в развитие концепции языковой личности, теории семантического поля, а также писательской лексикографии.

Ключевые слова: идиоглосса, идиоглоссарий, тезаурус, текстовое семантическое поле, языковая личность

SEMANTIC FIELD 'FEAR' IN THE NOVEL "CRIME AND PUNISHMENT" BY FYODOR DOSTOEVSKY

I. Ruzhitsky^{1,2}, Tzinyan Ma²

¹Lomonosov Moscow State University

GSP-1 Leninskie Gory, Moscow 119991, Russian Federation

²Moscow Region State University

24 Very Voloshinoy ul., Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

Abstract

Aim. The purpose of this article is to attempt to reconstruct a fragment of the textual semantic field 'fear' in Fyodor M. Dostoevsky's novel «Crime and Punishment», which indirectly reflects some features of the author's lingual identity.

Methodology. The main method of achieving this goal is a multi-parameter dictionary of the writer's language, which provides an extended linguistic commentary that allows to build the textual associative field formed by the idioglossa – dictionary entry input. In addition, the paper uses a specially developed procedure for identifying textual associations.

Results. In the course of the work the task of reconstructing the fragment of the semantic field 'fear', which indirectly reflects some features of the author's lingual identity, was solved, and the prospects for research were determined.

Research implications. The results of the research contribute to the development of the lingual identity concept, the semantic field theory as well as the writer's lexicography.

Keywords: lingual identity, idioglossary, idioglossa, thesaurus, text semantic field

Введение

Одной из наиболее очевидных характеристик черт языкознания XX в., а также современной лингвистики является, пожалуй, тенденция к укрупнению объектов изучения, которая нашла своё отражение, например, в создании теории семантического поля, а в конце XX столетия – концепции языковой личности Ю. Н. Караулова, давшей возможность учёным, не только теоретикам, но и методистам, преподавателям языка, как русского, так и иностранного, интегрировать накопленный материал, соотнести стремящиеся к бесконечности атомарные факты языковой системы и, кроме того, подойти к этим фактам с учётом возможностей их междисциплинарного исследования. В конце прошлого века наблюдалось некоторое перепроизводство глобальных идей, всякого рода концепций, не нашедших какой-либо практической реализации: «Современное состояние науки о языке характеризуется парадоксальным фактом: сегодня написать теоретическую работу, выдвинуть новые идеи, даже создать целую новую теорию легче (заметьте ещё – и престижнее), чем внедрить уже имеющиеся идеи, воплотить готовые теории. Можно даже сказать, что в языкознании сегодня наблюдается перепроизводство идей ... Авторы учат, как надо делать, но не делают сами, поэтому результата как такового не бывает, новая вещь в итоге такого исследования не получается, создаётся лишь ... “информационный шум”» [6, с. 27–28]. Не берёмся судить о том, насколько кардинальными стали изменения, произошедшие в науке за 40 лет с момента написания «Лингвистического конструирования и тезауруса литературного языка», но подчас создаётся ощущение, что даже сколь-нибудь значимых лингвистических концепций не стало появляться. Более того, можно наблюдать своего рода обратную тенденцию: выска-

занные ранее идеи начинают дробиться, или интерпретироваться, или превращаться в штампы. Так происходит с самим термином «языковая личность»: абсолютно неоправданно, на наш взгляд, расширяется соответствующая терминологическая парадигма («коммуникативная личность», «речевая личность», «вторичная языковая личность», «орфографическая личность» и т. д.). Термином «языковая личность» иногда подменяются уже давно известные понятия – «личностно-ориентированное обучение» и др. Количество научных трудов, посвящённых исследованию разных языковых личностей, как конкретных, индивидуальных, так и групповых, коллективных, скоро превысит количество трудов, посвящённых, например, изучению видов русского глагола, так называемых концептов и т. п.; тем самым возникает опасность бесконечного роста перечня однородных по сути объектов исследования. Мы во все не хотим сказать, что эти исследования не имеют никакого права на существование, но всего лишь делаем попытку охарактеризовать некоторые процессы, происходящие в современном языкознании. «Информационный шум», о котором писал Ю. Н. Караулов, едва ли за прошедшие десятилетия стал слабее, он просто приобрёл иной характер: так, если раньше было множество нереализованных на практике концепций словарей, то сейчас – бесконечное число лексикографических изданий, не обоснованных какой-либо идеей. Чтобы не происходило такого часто неоправданного расширения объектов исследования, необходимо, как нам представляется, интегрирование уже полученных результатов, поиск новых идей, развивающих концепцию языковой личности и позволяющих перейти к качественному изучению новых объектов. И, если уж ставить целью изучение языковой личности, то в качестве объекта должна выступать либо национальная

языковая личность, прежде всего русская, либо значимая, оказавшая определённое влияние на национальную. Отметим, что под термином «языковая личность», далеко не однозначным, мы будем понимать любого носителя языка, охарактеризованного «на основе анализа произведённых им текстов с точки зрения использования в этих текстах системных средств данного языка для отражения видения им окружающей действительности (картины мира) и для достижения определённых целей в этом мире» [7, с. 671], т. е. личность, реконструированную в своих основных чертах на базе употребляемых ею языковых средств [14, с. 19].

С момента появления концепции языковой личности возник вопрос о методах её реконструкции, главными из которых стали психолингвистический, ассоциативный, эксперимент (отсюда и ассоциативно-вербальная сеть в структуре языковой личности) и анализ речи персонажа литературного произведения. У Ю. Н. Караулова были и другие идеи относительно возможностей изучения конкретной языковой личности, например, идея анализа «дискурса одного дня», которая, к сожалению, по различным причинам не была реализована. Методом реконструкции языковой личности может явиться и создание многопараметрового словаря языка писателя; обоснование этого метода даётся нами в [15]. Такой способ сочетает в себе элементы первых двух: ассоциативное поле – как аналог текстового ассоциативного поля, а языковая личность Достоевского – как совокупность всех текстов писателя, представленных в полном собрании его сочинений. Т. е. языковая личность персонажей рассматривается как отражение авторской языковой личности, что, на наш взгляд, применительно к Достоевскому вполне оправданно.

Таким образом, в качестве объекта изучения в данной статье выбрана языковая личность Ф. М. Достоевского, предметом служит семантическое поле ‘страх’ в романе «Преступление и наказание». В задачи статьи входит реконструкция фрагмента

данного семантического поля на материале конкретного текста, при этом используется специально разработанная методика выявления текстовых ассоциативных связей (см. [11; 12]).

Нельзя сказать, что концепт ‘страх’ (слово «концепт» мы употребляем как синоним слова «понятие», не вкладывая какие-либо дополнительные «когнитивные» или «лингвокультурологические» смыслы), вне всякого сомнения, являющийся одним из ключевых в тезаурусе Достоевского, вообще не привлекал внимания исследователей. В связи с этим следует упомянуть работы А. В. Варзина (см. [1; 2]), посвящённые изучению данного концепта и соответствующего ассоциативного поля. Отметим, что автор этих работ во многом ориентировался на концепцию и материалы Словаря языка Достоевского (далее – СЯД), частично отражённые в [8]. На момент написания работ А. В. Варзина, однако, словарные статьи для ключевых лексем, входящих в семантическое поле ‘страх’, ещё не были составлены. Сейчас большинство этих словарных статей или вошли в изданные тома Идиоглоссария Достоевского (см.: [17]), или, как, например, словарная статья «страх», находится в печати¹.

Статистический анализ идиоглосс, входящих в семантическое поле ‘страх’ (на материале текста романа «Преступление и наказание»)

Репрезентанты концепта ‘страх’ – *страх, страшный, страшно, страшить, страшиться, бояться, боязнь, испугаться, испуг, пугать, беспокойство, дрожать, дрожь, опасение, робость, робкий, сконфузиться, смущение, смутиться, струсить, тревога, трусость, ужас, ужасный, ужасно* и некоторые другие в лексиконе Достоевского приобретают статус идиоглосс, т. е. описываются в СЯД. Идиоглосса является ключевым параметром СЯД, это

¹ Словарь языка Достоевского: Идиоглоссарий. Т. V (По–С) / М. М. Коробова, И. В. Ружицкий, С. Н. Шепелева и др.; под ред. Ю. Н. Караулова; науч. ред. И. В. Ружицкий. М.: Азбуковник, 2021 (в печати).

«концептуальные образования, из которых складывается картина мира, и одновременно – единицы, вбирающие в себя специфику авторского стиля» [10, с. 655–656]. «...Они представляют собой тезаурусообразующие понятия, являясь элементами субъективного авторского образа мира, авторского мировидения; по отношению к тексту они выполняют роль ключевых слов, набор которых позволяет воспроизводить в свёрнутом виде содержание конкретного текста; в силу повторяемости, сквозного характера они являются единицами индивидуального авторского лексикона, однозначным и неповторимым образом характеризуют его идиолект. Способ их существования и поведения в тексте определяется тем, что идиоглоссы образуют в пространстве текста точки концентрации смысла, своеобразные центры, вокруг которых формируются специфические текстовые ассоциативные поля. Каждая идиоглосса в тексте существует, будучи погружённой определённым образом в ориентированное ассоциативное пространство» [9, с. XXXVI]. Представляется также возможность иерархизации идиоглосс, выделения среди них опорных, ключевых лексем – идеоглосс [3, с. 325]. Очевидно, например, что идиоглоссы *вдруг* или *давеча* во многих отношениях отличаются от идиоглосс *время* или *вечность*. Первые более индивидуальны, вторые – концептуальны. По всей видимости, существует возможность классифицировать идиоглоссы в соответствии со степенью их концептуальной значимости.

Идиоглоссы и идеоглоссы входят в следующую терминологическую парадигму: ключевое слово, опорное слово, ударное слово, лейтмотивное слово, концептуальное слово, тематичное слово, идиолектема [13, с. 10] и др., не являясь, однако, равнозначными данным терминам понятиями. Процедура выявления у слова его идиоглоссного статуса оформлена нами в [14, с. 45]. Среди шагов этой процедуры частота употребления слова, при всей её несомненной значимости, принимается как важный, но факультативный параметр: в текстах

Достоевского встречаются низкочастотные лексемы, которые, тем не менее, являются идиоглоссами: *маска*, *зонтик*, *всечеловеческий*, *всечеловек*, *общечеловек* и др.

Есть все основания полагать, что идиоглоссы *страх*, *страшный* и *страшно* в тезаурусе Достоевского приобретают статус идеоглосс. Именно на этих лексемах мы и сосредоточим своё внимание в данной статье, хотя, безусловно, другие идиоглоссы, которые входят в семантическое поле ‘страх’, в тексте романа «Преступление и наказание» также занимают важное место. Причём не только в силу относительно высокой частоты употребления (например: *бояться* – 90 раз, *ужас* – 44 раза, *ужасный* – 42 раза, *ужасно* – 73 раза, *тревога* – 21 раз, *беспокойство* – 20 раз, *дрожать* вместе с приставочными дериватами – 76 раз, *дрожь* – 10 раз, *тревожиться* – 23 раза, *тревога* – 21 раз, *испуг* – 32 раза, *испугаться* – 29 раз, *испуганно* – 7 раз, *пугать* – 11 раз, *пугаться* – 2 раза, *опасность* – 9 раз, *опасаться* – 5 раз, *робкий* – 16 раз, *робко* – 21 раз, *робость* – 2 раза, *смущение* – 15 раз, *смутиться* – 11 раз, *смущать* и *смущаться* – 11 раз, *опасный* – 4 раза, *опасение* – 3 раза, *боязнь* – 3 раза, *трусость* – 1 раз)¹, но и ввиду своей функциональной значимости. Даже этот далеко не полный анализ статистических данных показывает большую насыщенность текста романа «Преступление и наказание» лексемами, входящими в семантическое поле ‘страх’.

Важнее, однако, не эти статистические показатели – общее количество употреблений, но, как это часто бывает в произведениях Достоевского, насыщенность узкого контекста лексемами одного се-

¹ Приводится общая частота употребления данных лексем в романе «Преступление и наказание», без учёта дифференциации по значениям, которые, как, например, в случае с *ужасный* и *ужасно*, часто совмещаются, т. е. *ужасный* и *ужасно* в значениях ‘очень страшный’ и ‘очень сильный’ и, соответственно, ‘очень страшно’ и ‘очень сильно’: «Это [Катерина Ивановна] была *ужасно* [здесь и далее в цитатах из произведений Достоевского курсив наш] похудевшая женщина, тонкая, довольно высокая и стройная, ещё с прекрасными темно-русыми волосами и действительно с раскрасневшимися до пятен щеками».

мантического поля или одной лексико-семантической группы. Так, исследователи вряд ли заинтересовались бы словом *вдруг* у Достоевского, если бы не было семантических и др. повторов такого типа: «Он [Раскольников] вошёл к себе, как приговорённый к смерти. Ни о чём он не рассуждал и совершенно не мог рассуждать; но всем существом своим *вдруг* почувствовал, что нет у него более ни свободы рассудка, ни воли и что всё *вдруг* решено окончательно. Конечно, если бы даже целые годы приходилось ему ждать удобного случая, то и тогда, имея замысел, нельзя было рассуживать, наверное, на более очевидный шаг к успеху этого замысла, как тот, который представлялся *вдруг* сейчас»; «Он узнал, он *вдруг*, *внезапно* и *совершенно неожиданно* узнал, что завтра, ровно в семь часов вечера, Лизаветы, старухиной сестры и единственной её сожительницы, дома ...». Сказанное относится и к употреблению большинства репрезентантов единиц семантического поля 'страх': «– Представь себе, скоростижно [о смерти Марфы Петровны]! – заторопилась Пульхерия Александровна, ободрённая его [Раскольникова] любопытством, – и как раз в то самое время, как я тебе письмо тогда отправила, в тот самый даже день! Вообрази, этот *ужасный* человек [Свидригайлов], кажется, и был причиной её смерти. Говорят, он её *ужасно* избил! | – Разве они так жили? – спросил он, обращаясь к сестре. | – Нет, напротив даже. С ней он всегда был очень терпелив, даже вежлив. Во многих случаях даже слишком был снисходителен к её характеру, целые семь лет... Как-то вдруг потерял терпение. | – Стало быть, он вовсе не так *ужасен*, коли семь лет крепился? Ты, Дуничка, кажется, его оправдываешь? | – Нет, нет, это *ужасный* человек! *Ужаснее* я ничего и представить не могу, – чуть не с *содроганием* ответила Дуня, нахмурила брови и задумалась».

Естественно, что ещё большей силой такого рода притяжения, «нанизывания» семантических ассоциатов обладают идеоглоссы и идиоглоссы, входящие в центр семантического поля, – *страх*, *страшный*, *страш-*

но, *бояться*, *испуг*: «Порой овладевала им [Раскольниковым] болезненно-мучительная *тревога*, перерождавшаяся даже в панический *страх*. Но он помнил тоже, что бывали минуты, часы даже, может быть, дни, полные апатии, овладевшей им, как бы в противоположность прежнему *страху*, – апатии, похожей на болезненно-равнодушное состояние иных умирающих. Вообще же, в эти последние дни он и сам как бы старался *убежать* от ясного и полного понимания своего положения; иные насущные факты, требовавшие немедленного разъяснения, особенно тяготили его; но как рад бы он был освободиться и *убежать* от иных забот, забвение которых *грозило*, впрочем, полною и неминуемою гибелью в его положении»; «На какое дело хочу покуситься и в то же время каких пустяков *боюсь*! – подумал он [Раскольников] с странною улыбкой. – Гм... да... всё в руках человека, и всё-то он мимо носу пронесит, единственно от одной *трусости*... это уж аксиома... Любопытно, чего люди больше *боятся*? Нового шага, нового собственного слова они всего больше *боятся*...» 'Страх' в «Преступлении и наказании» связан, прежде всего, с раскрытием образа Раскольникова: роман начинается с его страха – когда читатель узнаёт о замысле преступления, затем – в момент совершения убийства и, наконец, состояние Раскольникова после совершения преступления.

Интересными и важными для решения задачи определения идиоглоссного статуса лексем, входящих в семантическое поле 'страх', могут оказаться данные статистических словарей А. Я. Шайкевича, В. М. Андрющенко и Н. А. Ребецкой (см. [18; 19]), в которых фиксируется абсолютная и относительная, на 1 млн, частота словоупотреблений, а также статистические данные, представленные в СЯД. Приведём отдельные наблюдения:

– слово *страх* в корпусе текстов полного собрания сочинений Достоевского, за исключением черновиков и набросков, встречается 554 раза (в произведениях художественной прозы – 445 раз, в публицистике – 69 раз и в письмах – 40 раз); кроме того, мы находим 8 употреблений

слов *страх* в значении 'очень, много' (6 раз в произведениях художественной прозы и 2 раза в публицистике); в романе «Преступление и наказание» слово *страх* встречается 47 раз, что составляет примерно 11 % вообще всех его употреблений в художественной прозе;

– слова *страшно* и *страшный* также характеризуются повышенной частотой употребления: *страшно* в общей сложности употребляется 438 раз (256 раз в произведениях художественной прозы, 81 раз в публицистике и 101 раз в письмах), *страшный* – 708 раз (в произведениях художественной прозы 447 раз, в публицистике 181 раз, в письмах – 80 раз);

– относительная частота употребления слов *страх*, *страшно* и *страшный* в произведениях Достоевского обозначенного периода превышает среднюю, если среднюю величину вычислять по текстам Толстого, Тургенева, Гончарова, Лескова, Салтыкова-Щедрина, Островского и Писемского; средний показатель употребления слова *страх* – 177 употреблений, в текстах Тургенева, по данным [19], – 140 раз, в текстах Достоевского – 221 раз, Островского – 111 раз, Толстого – 176 раз; средний показатель для слова *страшно* – 134 употребления, у Тургенева – 115 раз, у Достоевского – 137 раз, у Островского – 216 раз; средний показатель для слова *страшный* – 190 употреблений, у Тургенева – 149 раз, у Достоевского – 233 раза, у Островского – 130 раз;

– наиболее частотной, если принимать во внимание относительную частоту употребления, является лексема *испуг*, с другой стороны, частота употребления слова *ужас* сильно уступает Гончарову, а слова *бояться* – Островскому.

Представленный редуцированный анализ статистических данных косвенным образом отражает повышенную значимость репрезентантов единиц семантического поля 'страх' как в тексте романа «Преступление и наказание», так и в целом в тезаурусе Достоевского. Тем не менее, более важные параметры идиоглоссного статуса слова связаны не со статистикой, но с другими показателями, о чём речь пойдёт ниже.

Идеоглоссы *страх*, *страшно* и *страшный* в романе «Преступление и наказание» (фрагмент текстового семантического поля)

В этом разделе статьи делается попытка реконструировать фрагмент семантического поля 'страх', ядром которого являются его репрезентанты *страх*, *страшно* и *страшный* с использованием ресурсов СЯД и на основе заложенной в нём концепции многопараметрового описания идиоглосс. Для полного представления данного семантического поля требуется проведение аналогичного исследования функционирования в тексте романа «Преступление и наказание» идиоглосс *бояться*, *ужас*, *испугаться*, *испуг* и некоторых других.

Лексикографические параметры словарной статьи СЯД отражены не только в её корпусе, но и в зонах прилагаемого лингвистического комментария. Всё множество зон и субзон которого можно классифицировать по трём группам, соответствующим уровням организации языковой личности: грамматические единицы, синтаксические и семантические отношения (морфологические особенности слова, неразличение разных значений в одном употреблении слова, мотивационные отношения слов одного словообразовательного гнезда в одном предложении, сочетаемость слов); когнитивные элементы, непосредственно относящиеся к картине мира (афоризмы, пословицы, отсылки к прецедентным текстам, тропы, употребление слова в символическом значении и т. п.); наконец, прагматические характеристики соответствующей идиоглоссы (употребление слова в ироническом контексте, использование в языковой игре и др.). Вполне естественным представляется тот факт, что границы между зонами комментария весьма условны: это определяется взаимосвязью и взаимопроникновением уровней языковой личности (см.: [10]). Наиболее релевантными для определения состава семантического поля 'страх' являются следующие параметры комментария: подчинительные связи слова, гипотаксис

(СЧТ1), сочинительные связи слова, партаксис (СЧТ2) и зона ассоциативного окружения слова (АССЦ).

Обоснование такой категории, как текстовое ассоциативное поле, которое является коррелятом «традиционного» ассоциативного поля, было подробно дано Ю. Н. Карауловым, им же было указано на то, что обращение к тексту как к материалу для построения ассоциативного поля абсолютно оправданно. Поскольку текст – это реализация языковой готовности носителя языка, аналог материала, получаемого в ходе проведения ассоциативного эксперимента. Тем не менее, процедуры реконструкции поля в этих двух случаях, конечно, различаются, поскольку текст представляет собой сложное взаимодействие большого количества полей, единицы которых «перемешаны» между собой, и если в процессе эксперимента с носителями языка испытуемый сам спонтанно осуществляет отбор реакции, то текст такой возможности не даёт (см. [11; 12; 14]).

При реконструкции текстового ассоциативного поля отбор слов-реакций происходит по формальным правилам, учитывающим типы связей между стимулом (идиоглоссой-именем поля) и реакцией: синтагматические, антонимические, родо-видовые отношения между ЛСВ, входящими в одну лексико-семантическую группу, и т. д. Анализу подвергается узкий контекст употребления слова-стимула, в рамках которого рассматривается каждое слово, начиная с ближайшего к стимулу, и определяется наличие или отсутствие связи с ним. Другие типы связей, за исключением указанных, например, прагматические или фоновые, также можно выявлять указанным способом. Следующим шагом после определения состава текстового ассоциативного поля должно стать выявление его структуры, выделение ядра, центра и периферии. Ближе к центру ассоциативного поля находятся более частотные и значимые для характеристики поля реакции. Эти два параметра, частотность и семантическая значимость, неравнозначны: если мы имеем дело с ассоциативным

полем конкретной языковой личности, то индивидуальные слова-реакции могут обладать большей семантической значимостью, в то время как в ассоциативном поле коллективной языковой личности те же слова находятся на периферии как низкочастотные, либо таких ассоциаций вообще не существует (подробнее см. [11]).

Приведём некоторые наблюдения относительно состава семантического поля 'страх' в тексте романа «Преступление и наказание», сделанные исходя из того, что ядро поля (т. е. «слова-стимулы») представляют идиоглоссы *страх*, *страшный* и *страшно*. При этом мы снимаем многозначность данных лексем, часто приводящую к неразличению их значений.

СЧТ1 страх *давешний, какой-то особенный, панический* (2 употребления), [как бы] *панический*, [свой] *панический, прежний, свой, тупой, тупой бессмысленный, ужасный, невыносимый, неопределённый, чрезмерный*; **страхи** *напущенные, напускные*; **страх** *встречи; за себя; страх вселился [в сердце], выводил [из себя], обложил [душу], овладевал, охватил, охватывал, поразил, пройдёт; страха приливы, тягость; страху полчаса; не было; до страха беспокоить; от страх* (в искажённой русской речи) *пронзил [сердце]; от страха дрожать, креститься, мучиться; от страху убежать, чуть не дрожать; страх забыть, навести, почувствовать, приметить, производить; в страх впадать, перерождаться; страхом пронзить [сердце], пугать; под страхом быть; со страхом ждать, оглядываться, следить, смотреть, дрожать, забиться, смотреть, спросить; в страхе смотреть;*

Страшный (-ая, -ое, -ые) *беда, беспорядок, бессилие, боец, бремя, вещи, вещь, вопли, голос, духота, жара, идея, изнеможение, испуг* (4 употребления), *катастрофа, кашель, клоак, кровопроливцы, минута, муки, мучение, нетерпение, нотка, присутствие, пропасть, пустяки, рожи, слово, сон, тоска* (2 употребления), *тучи, фамильярность, холод, что-то, язва; разрешение крови ... страшнее, чем бы официаль-*

ное разрешение кровь проливать; **страшен** ход в игре; очень **страшен**;

страшно засаленный, нахмуренный, покрасневший, **страшно** опасно; **страшно** почти; **страшно** беспокоить, биться, поразить, тревожить.

СЧТ2 не от **страху** даже за себя, а от одного только ужаса и отвращения; смущение и **страх**; предрассудки, одни только **страхи**; неприятнейшее впечатление и даже **страх**; прочь миражи, прочь напускные **страхи**, прочь привидения; в бешенство или в ужасный, невыносимый **страх**; с глубоким удивлением и с тупым бессмысленным **страхом**; ни полоумного бреда, как давеча, ни панического **страху**; дрожь от сырости, от темноты и от **страха**, что её теперь больно за всё это прибьют; до **страха** и трепета; под вечным подозрением и **страхом**; обессиление и **страх**; плач и **страх**; не то что в **страхе**, а в каком-то диком недоумении;

пьяные и **страшные** рожи; **страшные**, отчаянные вопли с улиц; глубокий, **страшный** кашель; готовясь к **страшной** и неведомой катастрофе; **страшным**, хриплым, надрывающимся голосом; чьё-то близкое и тревожное присутствие, не то чтобы **страшное**, а как-то уж очень досаждающее; та **страшная**, та непроходимая пропасть; осуждён в жертву какой-то **страшной**, неслыханной и невиданной мировой язве;

страшно, до ужаса поразило.

АССЦ апатия, беспамятовство, бессилие, бледный, бояться, броситься, вдруг, вздрагивать, всё знать, всего ужаснее, встретиться, глаза, давить, дверь, движение, догадаться, дрожать, дрожь, Дуня, жест, жизнь, жить, задрожать, закричать, запор, испуганное личико, испугать (испугать), кабак, как лёд, колокольчик, колокольчик, Коля и Лёня, кричать, кровь, кружки, крюк, крючок, лихорадка, лицо искривилось, Лужин, мнительность, молчать, мучиться, мысль, мысль о Дуне и матери, не являться, невольно отступить назад, негодование, ненавидный, ненавидеть, нервы раздражаются, нет никаких преград, ноги дрожали, нож к горлу, обмо-

рок, обыск, овладевать, озноб, опустить руки и голову, отвращение, ощущать, подивиться, подлец человек, подозревать, покончить самоубийством, Полечка, поразить, Порфирий Петрович, приговор, припадок, припоминать, припоминаться, прислушиваться, происшествие, пугать, разбойник, раздражение, Раскольников, решение без перемены, решиться, робко взглянуть, руки дрожат, Свидригайлов, сердце билось, скорей, следить, слово, смех, смотреть, сойти с ума, сон, Соня, спокойное, спокойствие, спрятаться, старуха, стеснительно, стонать, сторожить, стоять перед судьёй и решителем участи своей, страдание, суд, судороги, теряться, тишина, убежать, убийство, ужас, ужасное, улица, умереть, хохот, чувство, чувствовать, шляпа.

Из перечисленных ассоциаций особый интерес вызывают запор, кабак (из сна Раскольникова, где сам сон, по сути, является символическим), колокольчик, крюк, крючок, шляпа и др., поскольку данные слова выполняют функцию слов-символов (в комментарии к словарной статье СЯД есть соответствующая зона, в которой фиксируются подобные случаи). «Выявляются эти символы вполне традиционным образом: регулярность появления одних и тех же элементов в типологически сходных ситуациях служит достаточно надёжным ориентиром» [5, с. 92]. Важнейшим свойством символа является возможность слов с конкретной семантикой в определённом контексте выражать абстрактные значения. Применительно к художественной картине мира Достоевского, многими исследователями его творчества в качестве одной из основных особенностей авторского стиля отмечался интерес писателя к различным символам. Символы могут занимать особое – центральное – место в картине мира автора художественного текста, и слова, употребляемые в символическом значении, следовательно, целесообразно рассматривать в качестве своеобразных ядерных элементов, организующих авторский тезаурус, совокупность иерархически организованных семантических полей.

Заключение

Семантическое поле 'страх' занимает одно из центральных мест в тезаурусе Достоевского, что находит отражение не только в произведениях художественной прозы, но и в публицистических текстах, а также в личных письмах. Мы полагаем, что именно страх или попытка его преодоления во многом определяет поступки многих персонажей Достоевского, прежде всего в романах «Записки из Мёртвого дома», «Преступление и наказание» и «Бесы». Писателя интересует страх в самых разных его проявлениях и стадиях: боязнь, испуг, ужас; безумная улыбка, смех, хохот; бегство и оцепенение; болезнь, раздвоение и безумие.

Страх сопровождал самого писателя всю жизнь: ранняя смерть матери; убийство отца; ожидание смертного приговора и его исполнения; в один год – смерть брата и первой жены, Марии Дмитриевны (часто цитируемая фраза из записных книжек – «Маша лежит на столе. Увижусь ли с Машей» с последующими философскими размышлениями о Христе, семье и т. д. есть, на наш взгляд, прежде всего проявление страха Достоевского, его сомнения в бессмертии души); страх быть посаженным в долговую яму; страх проиграть; страх перед постоянно повторяющимися припадками, не подчиняющимися какой-либо временной

закономерности; страх показаться смешным (из «Записных тетрадей»: «Трагическое так же смешно, как и комическое. Боюсь смешного»), множество других страхов, в первую очередь – перед случайностью: «Случайного я пуще всего боюсь» (из письма А. Г. Достоевской). Ненависть ко всему закономерному, разумному и логическому и – страх перед случайностью и неопределённостью и заключёнными в этой неопределённости возможными мирами. Поле неопределённости, репрезентантами которого служат употребляемые с почти предельной частотой *как бы, как будто, вдруг* т. п., является определяющим в языковой картине мира Достоевского. Достоевский сам боялся своего страха перед неопределённостью, хотя сам создавал её, боялся банальности и пошлости, боялся показаться смешным.

В статье на материале текста романа «Преступление и наказание» была решена задача реконструкции фрагмента сематического поля 'страх', что косвенно отражает некоторые особенности авторской языковой личности. Перспективой исследования мы видим изучение точек пересечения поля 'страх' с другими центральными понятийными областями тезауруса Достоевского, прежде всего – с полями 'смех' и 'боль, страдание'.

Статья поступила в редакцию 15.04.2021.

ЛИТЕРАТУРА

1. Варзин А. В. Ещё раз о «жестоком таланте»: Изображение состояния страха и концепт 'страх' в произведениях Ф. М. Достоевского // Достоевский и мировая культура: альманах. Вып. 25. СПб.: Серебряный век, 2009. С. 203–226.
2. Варзин А. В. Ассоциативное поле 'страх – ужас – испуг' и различные типы страха в произведениях Ф. М. Достоевского // Русский язык в Центральном регионе России. Иваново, 2007. С. 26–33.
3. Гинзбург Е. Л. Идиоглосса: к вопросу о выразительности контекста // Слово Достоевского. 2000: сб. ст. / под ред. Ю. Н. Караулова, Е. Л. Гинзбурга. М.: Азбуковник, 2001. С. 324–353.
4. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Ленинград: Наука, 1972–1990.
5. Карасёв Л. В. О символах Достоевского // Вопросы философии. 1994. № 10. С. 90–111.
6. Караулов Ю. Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. М.: Наука, 1981. 366 с.
7. Караулов Ю. Н. Языковая личность // Русский язык: энциклопедия / гл. ред. Ю. Н. Караулов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Большая Российская энциклопедия, 2008. С. 671–672.
8. Караулов Ю. Н., Гинзбург Е. Л. Homo Ridens // Слово Достоевского / под ред. Ю. Н. Караулова, Е. Л. Гинзбурга. М.: ИРЯ РАН, 1996. С. 160–186.
9. Караулов Ю. Н., Гинзбург Е. Л. Язык и мысль Достоевского в словарном отображении // Словарь языка Достоевского. Лексический строй идиолекта. Вып. 1. М.: Азбуковник, 2001. С. IX–LXIV.

10. Караулов Ю. Н., Ружицкий И. В. От словаря идиоглосс к словарю-тезаурусу // Язык: поиски, факты, гипотезы: сб. ст. к 100-летию Н. Ю. Шведовой. М.: ИРЯ РАН, 2016. С. 654–668.
11. Конкина (Ахметшина) Н. Р., Ружицкий И. В. Зона ассоциаций комментария в словарной статье Словаря языка Достоевского как реконструкция текстового ассоциативного поля // Новая Россия: традиции и инновации в языке и науке о языке: материалы докладов и сообщений Межд. науч. конф., посв. юбилею Заслуженного деятеля науки РФ, доктора филол. наук, проф. Л. Г. Бабенко, Екатеринбург, 28–30 сентября. Москва; Екатеринбург: Кабинетный учёный, 2016. С. 119–129.
12. Конкина Н. Р. Текстовое ассоциативное поле пространственного предела (на материале «Словаря языка Достоевского») // Rhema. Рема. 2019. № 1. С. 20–35.
13. Леденёва В. В. Слово Лескова. М.: ИИУ МГОУ, 2015. 260 с.
14. Ружицкий И. В. Язык Ф. М. Достоевского: Идиоглоссарий, тезаурус, эйдос: монография. М.: ЛЕКСРУС, 2015. 543 с.
15. Ружицкий И. В. Может ли писательский словарь стать методом? // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 7. М.: Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова, 2016. С. 466–476.
16. Ружицкий И. В. «Смех» Достоевского глазами лексикографа // STEPHANOS. 2017. № 6 (26). С. 37–48.
17. Словарь языка Достоевского: Идиоглоссарий. Т. I (А–В), Т. II (Г–З), Т. III (И–М) / Е. Л. Гинзбург, Ю. Н. Караулов, М. М. Коробова, Е. А. Осокина, И. В. Ружицкий, Е. А. Цыб, С. Н. Шепелева / под ред. Ю. Н. Караулова. М.: Азбуковник, 2008–2017.
18. Шайкевич А. Я., Андрющенко В. М., Ребецкая Н. А. Статистический словарь языка Достоевского. М.: Языки славянской культуры, 2003. 880 с.
19. Шайкевич А. Я., Андрющенко В. М., Ребецкая Н. А. Дистрибутивно-статистический анализ языка русской прозы 1850–1870 гг. Т. 2. М.: ЯСК, 2016. 848 с.

REFERENCES

1. Varzin A. [Once again about the «cruel talent»: The representation of the state of fear and the concept of 'fear' in the works of Fyodor M. Dostoevsky]. In: *Dostoevskij i mirovaya kul'tura: al'manah* [Dostoevsky and world culture: an almanac]. St. Petersburg, Serebryanyj vek Publ., 2009, no. 25, pp. 203–226.
2. Varzin A. V. [The associative field 'fear-horror-fright' and the various types of fear in the works of Fyodor M. Dostoevsky]. In: *Russkij jazyk v Central'nom regione Rossii* [Russian in the Central Region of Russia]. Ivanovo, 2007, pp. 26–33.
3. Ginzburg E. L. [On the question of the expressiveness of the context]. In: *Slovo Dostoevskogo* [The Word of Dostoevsky]. Moscow, IRJa RAN Publ., 1996. 304 p.
4. Dostoevskij F. M. Polnoe sobranie sochinenij [Complete works]. Leningrad: Nauka Publ., 1972–1990.
5. Karasyov L. V. [About Dostoevsky's symbols]. In: *Voprosy filosofii* [Problems of philosophy], 1994, no. 10, pp. 90–111.
6. Karaulov Ju. N. *Lingvisticheskoe konstruirovanie i tezaurus literaturnogo jazyka* [Linguistic construction and literary language thesaurus]. Moscow, Nauka Publ., 1981. 366 p.
7. Karaulov Yu. N. [Lingual identity]. In: *Russkij jazyk: Enciklopediya* [Russian language: Encyclopedia]. Moscow, Bol'shaya Rossijskaya enciklopediya Publ, 2008, pp. 671–672.
8. Karaulov Ju. N., Ginzburg E. L. [Homo Ridens]. In: *Slovo Dostoevskogo* [Dostoevsky's word]. Moscow, IRJa RAN Publ., 1996. P. 160–186.
9. Karaulov Ju. N., Ginzburg E. L. [Language and thought of Dostoevsky in the dictionary representation]. In: *Slovar' jazyka Dostoevskogo. Leksicheskij stroj idiolekta. Vyp. 1* [Dictionary of Dostoevsky's Language. Lexical structure of the idiolect. Issue one. Preface]. Moscow, Azbukovnik, 2001. pp. IX–LXIV.
10. Karaulov Yu. N., Ruzhickij I. V. [From the idioglossas dictionary to the thesaurus dictionary]. In: *Jazyk: poiski, fakty, gipotezy* [Language: searches, facts, hypotheses]. Moscow, IRJa RAN Publ., 2016, pp. 654–668.
11. Konkina (Ahmetshina) N. R. Ruzhickij I. V. [Association zone in the commentary of the dictionary entry of the Dostoevsky's language dictionary as a textual associative field reconstruction]. In: *Novaya Rossiya: tradicii i innovacii v jazyke i nauke o jazyke: materialy dokladov i soobshchenij mezhd. nauch. konf., posv. yubileyu Zasluzhennogo deyatelya nauki RF, dokt. Filol. nauk, prof. L. G. Babenko. 28–30 sentyabrya* [New Russia: Traditions and innovations in language and language science: Materials and reports of the International scientific conference dedicated to the anniversary of the honored scientist of the Russian Federation, Doctor of Philology, Prof. Lydmila G. Babenko. September 28–30]. Ekaterinburg. Moskva; Ekaterinburg: Kabinetnyj uchyonyj Publ., 2016. pp. 119–129.

12. Konkina N. R. [Textual associative field of the spatial limit (based on the material of the Dostoevsky's language dictionary)]. In: *Rhema*, 2019, no. 1, pp. 20–35.
13. Ledenyova V. V. *Slovo Leskova* [Leskov's word]. Moscow, IIU MGOU Publ., 2015. 260 p.
14. Ruzhickij I. V. *Yazyk F. M. Dostoevskogo: Idioglossarij, tezaurus, ejdos* [Dostoevsky's language: Idioglossary, thesaurus, eidos]. Moscow, LEKSRUS Publ., 2015. 543 p.
15. Ruzhickij I. V. [Can a writer's dictionary become a method?]. In: *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova. Vyp. 7* [Proceedings of the Vinogradov Institute of the Russian Language. Issue 7]. Moscow, IRJa RAN Publ., 2016, pp. 466–476.
16. Ruzhickij I. V. [Dostoevsky's "laughter" through the eyes of a lexicographer]. In: *Stephanos*, 2017, no 6 (26), pp. 37–48.
17. *Slovar' jazyka Dostoevskogo: Idioglossarij. T. I (A–V), T. II (G–Z), T. III (I–M)* [Dictionary of Dostoevsky's Language: Idioglossary. V. I (A–B), V. II (G–Z), V. III (I–M)]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2017. 859 p.
18. Shajkevich A. Ya., Andryushchenko V. M., Rebeckaya N. A. *Statisticheskij slovar' yazyka Dostoevskogo* [Statistical Dictionary of Dostoevsky's Language]. Moscow, Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ., 2003. 880 p.
19. Shajkevich A. Ya., Andryushchenko V. M., Rebeckaya N. A. *Distributivno-statisticheskogo analiza yazyka russkoj prozy 1850–1870 gg. T. 2* [Distributional and statistical analysis of the Russian prose language of 1850–1870. Vol. 2]. Moscow, YASK Publ., 2016. 848 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ружицкий Игорь Васильевич – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка для иностранных учащихся филологического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, профессор кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания Московского государственного областного университета;
e-mail: konnitie@mail.ru

Ма Цзинян – аспирант кафедры русского языка филологического факультета Московского государственного областного университета;
e-mail: majingyang@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Igor V. Ruzhitsky – Dr. Sci. (Philology), Prof., Russian as a foreign language department of philological faculty, Lomonosov Moscow State University; Prof., Russian as a foreign language and methods of its teaching department, Moscow Region State University;
e-mail: konnitie@mail.ru

Tzinyan Ma – Postgraduate student, Russian language department, Moscow Region State University;
e-mail: majingyang@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Ружицкий И. В., Ма Цзинян. Семантическое поле «страх» в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2021. № 3. С. 48–58.

DOI: 10.18384/2310-7278-2021-3-48-58

FOR CITATION

Ruzhitsky I. V., Ma Jinyan. Semantic Field "Fear" in the Novel "Crime and Punishment" by Fyodor Dostoevsky. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2021, no. 3. pp. 48–58.

DOI: 10.18384/2310-7278-2021-3-48-58

УДК 81.42

DOI: 10.18384/2310-7278-2021-3-59-64

ПОСЛЕ ОСТРОГА: ПРОПОЗИТИВНЫЕ МОДЕЛИ В ТЕКСТЕ ПОВЕСТИ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «ЗАПИСКИ ИЗ МЁРТВОГО ДОМА»

Шаповалова Т. Е.*Московский государственный областной университет**141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Исследовать форму, семантику и функции темпоральных синтаксем и субстантивных оборотов в тексте повести Ф. М. Достоевского «Записки из Мёртвого дома».

Процедура и методы. Проведён структурно-семантический анализ предложений, извлечённых нацеленной выборкой из повести Ф. М. Достоевского, с использованием методов наблюдения, обобщения и интерпретации.

Результаты. По итогам исследования выявлены особенности структуры, функций, лексической и грамматической семантики неэлементарных простых предложений, содержащих темпоральную синтаксему vs субстантивный оборот. Показано, как усложняется смысловой объём высказывания, усиливается его функциональная направленность. Такой анализ позволяет увидеть индивидуальную творческую манеру автора.

Теоретическая и/или практическая значимость. Теоретическая значимость определяется вкладом в методологию лингвистического описания неэлементарного простого предложения, востребованностью предложенного подхода при синтаксическом анализе. Практическая значимость обусловлена возможностью их использования в практике преподавания филологических дисциплин.

Ключевые слова: время, детерминант, интонация, неэлементарное простое предложение, предикативность, причина, синтаксема, субстантивный оборот, условие

AFTER OSTROG: PRO-POSITIVE MODELS IN THE TEXT OF F. DOSTOEVSKY'S STORY «THE HOUSE OF THE DEAD»

T. Shapovalova*Moscow Region State University**24 Very Voloshinoy ul., Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation*

Abstract

Aim. The purpose of the article is to study the form, semantics, and functions of temporal syntaxemes and substantive phrases in the text of Dostoevsky's story "The House of the Dead".

Methodology. The author of the article carried out a structural-semantic analysis of sentences extracted by a targeted sample from F. Dostoevsky's novel, using the methods of observation, generalization, and interpretation.

Results of the study was the identification of the features of the structure, functions, lexical and grammatical semantics of non-elementary simple sentences that contain a temporal syntaxeme vs. a substantive phrase. It is shown how the semantic volume of the statement becomes more complicated; its functional orientation is enhanced. Such analysis allows us to see the individual creative manner of the author.

Research implications. The theoretical significance of the article is determined by the contribution to the methodology of linguistic description of a non-elementary simple sentence, the demand for the proposed approach in syntactic analysis. The practical significance of the materials of the article is due to the possibility of their use in the practice of teaching philological disciplines.

Keywords: time, determinant, intonation, non-elementary simple sentence, predicativeness, syntaxeme, substantive phrase, condition

Введение

Время, относящаяся к модусу – субъективному смыслу предложения – синтаксическая категория, актуализирует объективное содержание высказывания, которое составляет пропозицию. В простое по структуре предложение с временными отношениями могут быть включены темпоральные детерминанты [2] – распространители, формально не связанные ни с одним из членов данного предложения, а относящиеся к предикативной основе в целом. Роль временного детерминирующего обстоятельственного члена отводится:

- синтаксемам с абсолютным временным значением [6, с. 16–33]: *С утра, бывало, до вечера* пьян, с бубенчиками на паре ездил;

- синтаксемам с относительным временным значением [6, с. 33–39]: *А я ещё хотел жить и после острога;*

- субстантивными оборотами [4; 5; 6, с. 39–47]: *За час до появления генерала все стояли по своим местам как истуканы и держали руки по швам.*

Относительное временное значение определяется позицией говорящего субъекта, моментом речи. Авторы академического издания описывают препозитивные и постпозитивные полупредикативные субстантивные обороты, включающие существительное, которое согласуется с подлежащим, эксплицированным именем существительным или местоимением, и имеет качественно-характеризующее или обстоятельно-характеризующее значение – причинное либо уступительное. Подчёркивается их соотносительность с самостоятельными предложениями [2, с. 184–185].

Фазисная семантика модели

По нашим материалам, фазисное значение события свойственно таким субстантивным оборотам, в которых писатель использует слова *конец* и *начало*, называющие этапы действия или явления, максимально связанные с деятельностью человека. Приведём примеры. *К концу пьесы* общее весёлое настроение дошло до высшей степени; *Но, несмотря на всевоз-*

можные точки зрения, всякий согласится, что есть такие преступления, которые всегда и везде, по всевозможным законам, с начала мира считаются бесспорными преступлениями и будут считаться такими до тех пор, покамест человек останется человеком. Элементами, организующими темпоральный субстантивный оборот, становятся словоформы дательного и родительного падежей с предлогами, управляющие формами генитива имени существительного. Называя ‘последний момент чего-л. протекающего во времени’ [3, с. 284], конструкция *к концу пьесы* позволяет наметить предварительный, приблизительный срок становления состояния *весёлое настроение дошло до высшей степени*, которое, вне всякого сомнения, завершится раньше обозначенного срока. Однако автор не говорит точно, насколько близко к концу пьесы перфективное значение прошедшего синтаксического времени достигнет своего внутреннего предела. Фазисное значение оборота *с начала мира*, служащего номинацией ‘первого момента, первого периода чего-л. протекающего во времени, первой стадии развития какого-л. явления’ [3, с. 394], связано с уточнением начального отрезка времени, с которым совпадает развитие ситуации, ставшей основным содержанием высказывания: *считаются и будут считаться*. Неотмеченное настоящее, по меткому выражению М. В. Панова, «гуляет по всем временам» [1, с. 184], расширяет свои границы до имперфективного и перфективного будущего: *человек останется человеком*. В результате эксплицируется семантика временной неопределённости, отсылающей читателя в гномическое время.

Узуально-характеризующее значение модели

Узуально-характеризующее значение проявляется в модели, структурирующей темпоральную синтаксему или оборот формой дательного падежа множественного числа имени существительного с предлогом *по*: *По ночам* проигрывали в карты последнюю рубашку; *Сидят по*

пяти лет, сидят и по десяти; По целым дням он [Ж-кий] молится на коленях богу. Нелокализованность событий во времени, отвлечённость от конкретной ситуации доказывается с двух сторон: и детерминирующие второстепенные члены с темпоральным значением передают повторяющиеся временные отрезки, и сказуемые называют неоднократно повторяющиеся действия. Основные специализированные формы простых глагольных сказуемых называют предикативный признак определённых и неопределённых лиц, выступающих фактическими производителями действий *проигрывали, сидят, молится*. Многократный способ глагольного действия содержит временную характеристику благодаря суффиксу *-ыва-* в своей морфемной структуре.

Семантика имперфективного экзистенциального настоящего синтаксического времени, репрезентированная при помощи *есть* – формы третьего лица единственного числа настоящего времени глагола *быть*, выступающей в роли бытийного глагола, уточняется лексико-грамматическим средством выражения темпоральной семантики: *По праздникам ... есть подаяние, есть возможность заработать копейку.*

То же значение эксплицировано и в номинативном расчленённом предложении, где семантика бытийности слита воедино с грамматическим значением конструкции: *По праздникам говядина ...*

Так в предложениях появляется оттенок узуальной приуроченности, временной нелокализованности.

Значение предшествования

Идея предшествования передаётся писателем конструкцией с предлогом *перед*: *Я сказал уже, что перед наказанием редко кто бывает хладнокровен; Перед их [калашниц] приходом он только что навертел на шею красненький кумачный платочек.* Синтаксема, организованная предлогом *перед*, фиксирует срок, раньше которого происходит событие, и создаёт упорядоченность явлений действительности, кото-

рые квалифицируются как важные, имеющие начало и конец, и зависят от человека. Однако говорящий субъект не вмешивается в происходящее. Ситуация рассматривается им в её связи с предшествующим процессом как его завершающая.

Семантика одновременности

В «Записках из Мёртвого дома» Ф. М. Достоевский использует для выражения значения одновременности темпоральные конструкции, организованные предлогом *в*, который управляет формой предложного падежа имени существительного: *В ожидании он [Коренев] был иногда очень смешилив и весел.* При этом обозначается период времени, в больший или меньший отрезок которого имеет место событие или явление.

Эта же семантика присуща и синтаксемам с относительным временным значением: *Ещё в сочельник арестанты почти не выходили на работу* – или неделимым сочетаниям слов, строительным материалом для которых послужила словоформа винительного падежа с предлогом *в*: *В это первое лето я скитался по острогу один-одинёшенек; Наконец в час пополудни генерал приехал; В этот же день запрягли Гнедка возить воду.* Сема 'происходящий, совершаемый в одно и то же время' [3, с. 444] согласуется с видо-временным значением основной специализированной формы простых глагольных сказуемых, что позволяет подчеркнуть полную или частичную одновременность событий.

Семантика следования

Значение следования в общем виде передаётся синтаксемой с предлогом *после*: *Случалось, и часто, что сейчас же после боев майор садился на стул и приказывал А-ву продолжать портрет.* Темпоральное наречие *сейчас* с частицей *же* свидетельствует об отсутствии временного интервала между действиями, названными эксплицитно и имплицитно.

Имплицитно действие представлено неизосемическим способом – с помощью

субстантива с предлогом *после*. Вот примеры: У него [Исая Фомича] был *припрятан рецепт, доставленный ему от доктора **тотчас же после эшафота**; После этой проверки* запирались казармы, каждая особым замком, и арестанты оставались запёртыми вплоть до рассвета. Темпоральные обороты, благодаря предлогу, передают одинаковую последовательность явлений. Однако в позиции единицы измерения времени выступает конкретное существительные, семантика которого как будто вообще несоместима с обозначением времени, или отвлечённое имя со значением процесса: *эшафот* – ‘помост для казни’ [3, с. 955]; слово *проверка* содержит семантический компонент ‘на самом деле, в действительности’ [3, с. 537]. Как только такие субстантивы попадают в предложения, выражающие временные отношения, значение конструкции накладывается на их лексическое значение и привносит в него сему темпоральности. В результате такого приращения временного значения к их семантике конкретные имена выступают в качестве образных, метафорических единиц измерения времени, приобретают «вторичную» пропозиitivность, а имена, обозначающие процесс, могут метонимически указывать на временной промежуток, приобретают характер неосновного, второстепенного, «опредмеченного» события.

Субстантивный оборот, оформленный предлогом *с* и творительным падежом существительного, указывает на время, с наступлением которого совершается, протекает какое-либо действие. Причём последовательность действия представлена без разрыва во времени: *С каждым днём всё менее и менее смущали меня обыденные явления моей новой жизни*.

Временной интервал повторяемости действия от известного момента, названного в предложении, эксплицируется формой винительного падежа с предлогом *через*: *Но если бы заставить его [каторжного работника], например, переливать воду из одного ушата в другой, а из другого в первый, толочь песок, перетаскивать*

*кучу земли с одного места на другое и обратно, – я думаю, арестант удавился бы **через несколько дней** или наделал бы тысячу преступлений, чтоб хоть умереть, да выйти из такого унижения, стыда и муки*. Временной отрезок наступит после известного, после точки отсчёта, а гипотетическое действие характеризуется значением временной неопределённости.

Обособленные темпоральные обороты

Пропозитивный характер конструкции с временным значением подтверждается её способностью функционировать в качестве обособленного второстепенного члена – члена, который в коммуникативных целях выделяется в самостоятельную синтагму и в письменном тексте фиксируется знаками препинания. Как отмечает А. Б. Шапиро, «обстоятельства, выражаемые не дееспричастными оборотами, обособляются для придания им большей смысловой значимости» [7, с. 166]. Например: *Молча, уже в сумерки, скитался я один за казармами, вдоль забора, и вдруг увидел нашего Шарика, бегущего прямо ко мне; Три дня спустя по прибытии моём в острог, мне велено было выходить на работу; Накануне самого последнего дня, в сумерки, я обошёл в последний раз около палы весь наш острог*.

Обособление приосновных темпоральных оборотов, поясняющих предикативную основу предложения в целом, по нашему мнению, вызвано и тем, что ими выполняется дополнительная, можно сказать особая смысловая нагрузка, и тем, что они занимают непривычную для них позицию: стоят не в абсолютном начале предложения, а в интерпозиции. Например: *Прежде же, при прежнем плац-майоре, даже опасно было носить книги в каторгу; Вот один подталкивает товарища и наскоро сообщает ему свои впечатления, даже не заботясь и, пожалуй, не видя, кто стоит подле него; другой, при какой-нибудь смешной сцене, вдруг с восторгом обращивается к толпе, быстро оглядывает всех, как бы вызывая всех смеяться, машет рукой и тотчас же опять жадно обраща-*

ется к сцене. Конструкции с предлогом *при*, характеризующиеся семантикой одновременности, как правило, указывают на период времени, в течение которого протекает какое-либо действие. Но в контексте повести Ф. М. Достоевского на эту темпоральную семантику наслаивается условный оттенок, проявляющийся в результате акцентирования обусловленности одного события другим, а не расположения действий относительно друг друга во времени. Коммуникативная заданность субстантивных оборотов связана с выполнением ими функции усиления, дополнения, уточнения смыслового содержания предложения. Она обуславливает обособление темпорального оборота и поддерживается очень важной синтаксической предпосылкой: отсутствием его прочной подчинительной связи с каким-либо компонентом предложения.

Заключение

Изучение фактического материала, извлечённого методом нацеленной выборки из повести Ф. М. Достоевского «Записки из Мёртвого дома», показало:

- в основе категории синтаксического времени стоит говорящий, устанавливающий предикативные отношения между предметом и его признаком, привязывая их к реальной действительности и времени;
- предложения с синтаксемой относительного временного значения либо с субстантивным темпоральным оборотом можно назвать неэлементарными простыми предложениями, поскольку они оказываются полипропозитивными, но монопредикативными.

Статья поступила в редакцию 23.03.2021.

ЛИТЕРАТУРА

1. Панов М. В. Позиционная морфология русского языка. М.: Наука: Языки русской культуры, 1999. 275 с.
2. Русская грамматика. Т. II. Синтаксис. М.: Наука, 1982. 712 с.
3. Современный толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. М.: Ридерз Дайджест, 2004. 960 с.
4. Шаповалова Т. Е. Субстантивный оборот как темпоральный знак в повести Б. Зайцева «Голубая звезда» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2015. № 4. С. 58–62.
5. Шаповалова Т. Е. Синтаксема vs субстантивный оборот с предлогом *при* в поэтических текстах М. Ю. Лермонтова // Язык и актуальные проблемы образования: материалы V Международной научно-практической конференции, Москва, 21 января 2020 г. / под ред. Е. И. Артамоновой, О. С. Ушаковой. М.: Диона, 2020. С. 172–177.
6. Шаповалова Т. Е. Темпоральная семантика поэтического высказывания [Электронный ресурс]: монография. М.: ИИУ МГОУ, 2020. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
7. Шапиро А. Б. Современный русский язык: пунктуация. М.: Просвещение, 1974. 166 с.

REFERENCES

1. Panov M. V. *Pozitsionnaya morfologiya russkogo yazyka* [Positional morphology of the Russian language]. Moscow, Nauka Publ., Languages of Russian culture Publ., 1999. 275 p.
2. *Russkaya grammatika. T. II. Sintaksis* [Russian grammar. T. II. Syntax]. Moscow, Nauka Publ., 1982. 712 p.
3. *Sovremennyyi tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Modern explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow, Riderz Daidzhest Publ., 2004. 960 p.
4. Shapovalova T. E. [The substantial turnover as a temporal mark in the novel by Boris Zaitsev "Blue star"]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Russian Philology], 2015, no. 4, pp. 58–62.
5. Shapovalova T. E. [Syntaxeme vs substantive turnover with the preposition *pri* in the poetic texts of M. Yu. Lermontov] *Yazyk i aktual'nye problemy obrazovaniya: Materialy V Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Moscow, 21 yanvarya 2020* [Language and topical problems of education: materials of the V International scientific-practical conference. M., January 21, 2020]. Moscow, Diona Publ., 2020. pp. 172–177.

6. Shapovalova T. E. *Temporal'naya semantika poeticheskogo vyskazyvaniya* [Temporal semantics of poetic utterances]. Moscow, MRSU Ed. off. Publ., 2020. 1 CD-ROM.
7. Shapiro A. B. *Sovremennyi russkii yazyk: punktuatsiya* [Modern Russian: punctuation]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1974. 166 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шаповалова Татьяна Егоровна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой современного русского языка имени профессора П. А. Леканта Московского государственного областного университета;

e-mail: tshapovalova@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Shapovalova Tatiana Egorovna – Dr. Sci. (Philology), Prof., Head of Department of Modern Russian Language named after Prof. P. A. Lekant, Moscow Region State University;

e-mail: tshapovalova@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Шаповалова Т. Е. *После острога*: пропозитивные модели в тексте повести Ф. М. Достоевского «Записки из Мёртвого дома» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2021. № 3. С. 59–64.

DOI: 10.18384/2310-7278-2021-3-59-64

FOR CITATION

Shapovalova T. E. *After Ostrog: Pro-positive Models in the Text of F. Dostoevsky's Story "The House of the Dead"*. In: *Bulletin of the Moscow State Region University. Series: Russian Philology*, 2021, no. 3, pp. 59–64.

DOI: 10.18384/2310-7278-2021-3-59-64

УДК 82-65

DOI: 10.18384/2310-7278-2021-3-65-72

ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫЕ ПРИНЦИПЫ Н. М. КАРАМЗИНА В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ СТРУКТУРЕ РОМАНА Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «БЕДНЫЕ ЛЮДИ»

Алпатова Т. А.

Московский государственный областной университет

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Изучить основные направления творческого взаимодействия Ф. М. Достоевского с наследием Н. М. Карамзина с учётом принципов поэтики повествования и специфических форм воссоздания повествовательной динамики в тексте. Предполагается возможность обновить представления о взаимодействии Достоевского с традицией сентиментализма: помимо сентиментального пафоса сочувствия и гуманных принципов уважения к личности «маленького человека», в статье рассматриваются также разнообразные приметы творческого взаимодействия автора с читателем, повествовательной «игры», в русской литературной традиции соотносимые с творчеством Н. М. Карамзина.

Процедура и методы. Проанализирован корпус текстов. Автором выявлены и проанализированы специфические формы взаимодействия Достоевского с карамзинской традицией построения динамического повествования, становление и изменчивость которого означает для писателя и возможность внутреннего становления, развития личности героя-повествователя. Анализируются формы взаимодействия героя-повествователя с литературной традицией, к которой он себя относит, особенности самосознания героя, пробующего свои силы в авторстве, особенности включения литературных реминисценций в кругозор героя и автора.

Результаты. В ходе работы были выявлены сопоставимые формы воссоздания литературного «диалога» с претекстами, формы воссоздания мотивов творчества и специфические характеристики описания героя, высказывающего своё «слово о мире» в повествовании. Воссозданы типология взаимодействия Достоевского с элементами динамической поэтики повествования, в русской традиции соотносимой с прозой Н. М. Карамзина, а также специфика переосмысления сентименталистских мотивов в художественном мире романа «Бедные люди».

Теоретическая и/или практическая значимость. Предложен новый подход к сопоставлению творческих исканий Достоевского с карамзинской традицией, а также расширены представления о роли и значении сентименталистской традиции в творчестве писателя.

Ключевые слова: «Бедные люди», поэтика повествования, образ художественный, сентиментализм, литературная традиция

Благодарности. Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00292 «Н. М. Карамзин и его окружение».

NARRATIVE PRINCIPLES OF N. KARAMZIN IN THE ARTISTIC STRUCTURE OF F. DOSTOEVSKY'S "POOR FOLK"

T. Alpatova

Moscow Region State University

24 Very Voloshinoy ul., Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

© CC BY Алпатова Т. А., 2021.

Abstract

Aim. The aim of the article is to study the main directions of the creative interaction of F. Dostoevsky with the legacy of N. Karamzin, taking into account the principles of narrative poetics and specific forms of recreating narrative dynamics in the text. It is proposed to revisit the ideas about the interaction of Dostoevsky with the tradition of sentimentalism: in addition to the sentimental pathos of sympathy and humane principles of respect for the personality of the "little man", the article also examines various signs of the author's creative interaction with the reader, the narrative "game", which in the Russian literary tradition, is correlated with N. Karamzin's works.

Methodology. The author identified and analyzed specific forms of Dostoevsky's interaction with the Karamzin tradition of constructing a dynamic narrative, the formation, and variability of which means for the writer the possibility of internal formation and development of the personality of the protagonist-narrator. The author analyzes the forms of interaction of the protagonist-narrator with the literary tradition to which the protagonist relates, the peculiarities of the self-consciousness of the protagonist that tries to create, the peculiarities of including literary reminiscences in the horizons of the character and the author.

Results. In the course of the work, we identified comparable forms of recreating literary "dialogue" with pretexts, forms of recreating the motives of creativity and specific characteristics of the description of the protagonist expressing his "word and the world" in the narrative. The article recreates the typology of Dostoevsky's interaction with elements of the dynamic poetics of narration, in the Russian tradition correlated with the prose of N. Karamzin, as well as the specificity of rethinking sentimental motives in the artistic world of the novel "Poor Folk".

Research implications. The author managed to propose a new approach to comparing Dostoevsky's creative quests with the Karamzin tradition, and also to expand the understanding of the role and significance of the sentimental tradition in the writer's work.

Keywords: "Poor Folk", narration poetics, artistic image, sentimentalism, literary tradition

Acknowledgments. The research is executed with financial support of the Russian Federal Property Fund within the scientific project No 19-012-00292 "N. M. Karamzin and his entourage".

Введение

Проблема творческого усвоения Ф. М. Достоевским карамзинского наследия, как и литературного наследия XVIII в. в целом, не раз становилась предметом изучения в отечественном и зарубежном литературоведении [4, с. 152–169; 5, с. 7–31; 8, с. 164–174; 10, с. 866–870]. При этом, как правило, речь шла о раннем творчестве писателя, обычно – о романе «Бедные люди», в аспекте сентименталистской художественной традиции, о специфическом признании внесловной ценности человека, пафосе сочувствия, гуманных идей защиты личностного достоинства «простых» людей [7, с. 419–428]. Именно сентименталистский психологизм мыслится как отправная точка в развитии той формы изображения внутреннего мира личности, которая впоследствии будет развита

Достоевским в его более зрелых произведениях.

Однако помимо очевидных генетических параллелей, существующих между произведениями раннего Достоевского и сентименталистским психологизмом Карамзина, представляется возможным выделить ещё одно направление творческого «диалога» писателя с карамзинской традицией. Типологическое родство видится в некоторых специфических формах модели повествования от первого лица, полифонический потенциал которой у Достоевского, по-видимому, наследовал тем возможностям повествовательной динамики, что были впервые представлены в русской литературе именно в карамзинских произведениях.

**Новаторство повествовательных
принципов Н. М. Карамзина и
проблема их рецепции в творчестве
Ф. М. Достоевского**

Для прозы XVIII в. «докарамзинского» периода характерно использование повествования «от первого лица» в сугубо условном облике. Сюжетно-композиционная мотивировка этой формы – «история» того или иного романного героя, причём сам роман как целое строился как цепочка такого рода «историй», ни по стилю, ни по внутреннему психологическому содержанию не отличимых друг от друга, так и форм «авторского», третьеличного повествования (авантюрно-приключенческие романы Ф. А. Эмина стали наиболее последовательной реализацией данной модели). Несколько большее разнообразие в строй повествования от первого лица была призвана внести эпистолярная форма, само возникновение которой ассоциировалось у современников с сентименталистским психологическим романом С. Ричардсона, Ж.-Ж. Руссо. Однако и в этих опытах («Письма Эрнеста и Доравры» Ф. Эмина и др.) сюжетно-композиционная мотивировка «письма» не раскрывалась глубже уровня внешнего романного построения; личность «автора письма» не определяла собой ни стиля повествования, ни потенциала отражения в нём «картины мира» личности.

На этом фоне карамзинская проза резко выделяется в силу нескольких факторов.

Прежде всего, предельно субъективной окрашенностью самого повествования, дающей возможность говорить об индивидуализированной картине мира героя-повествователя. При этом раскрытие личных характеристик происходит не только в таких очевидных моментах, как лексико-фразеологический, «идеологический» уровень раскрытия «точки зрения», но в самом ведении повествования, в подлинном создании ситуации письма, сотворяющего мир текста в целом.

Ярче всего этот потенциал перволичного повествования раскрывается в «Письмах русского путешественника», и по форме,

и по сути ставших смелым нарративным экспериментом. Его результатом стало наделение фикционального повествования подлинно художественным статусом: перенос читательского интереса с внешней сюжетной занимательности на «внутреннее» психологические мотивировки и закономерности поэтики. Оформление в карамзинском повествовании фигуры повествователя во всем богатстве его субъективных качеств сформировало в итоге «словесный космос» произведения как художественного целого. Текст стал сложной организованной системой, многочисленные, причудливо взаимодействующие уровни которой в совокупности воплощали некую концепцию мира и человека, обусловившую его самодостаточность и самоценность.

Именно в этом смысле можно интерпретировать открытие Карамзиным «нарративного жанра», ставшего отправной точкой для последующего развития русской прозы. Оказывается в этом ряду и Достоевский, в произведениях которого «ситуация письма» также связана не только с раскрытием психологического состояния и идейно-философской позиции героя, но именно с целостной концепцией мира и человека, стремящегося в слове этот мир выразить.

При этом своеобразие подхода Достоевского видится в том, что практически каждый из его героев-рассказчиков воспринимает «ситуацию письма» прежде всего как принципиально новый опыт, чрезвычайно сложный и в некотором смысле носящий инициатический характер. И Макар Девушкин, и рассказчики «Записок из Мёртвого дома» и «Униженных и оскорблённых», и «подпольный парадоксалист» («Записки из подполья»), и хроникёры в «Бесах» и «Братьях Карамазовых», и Аркадий Долгорукий в «Подростке» на начальных стадиях «великого делания» своего рассказа о мире обостренно чувствуют собственную слабость, невыработанность слога, они не уверены в собственных силах и с трудом ищут возможности высказывания.

Типология приёмов создания «становящегося» повествования в романе «Бедные люди»

Оформление подобного динамичного, становящегося повествования предполагает подчёркивание самой формальной структуры текста, в условно представляемой «норме» незаметной для читателя. Типологически в романе «Бедные люди» приёмы, создающие подобный эффект, возможно разделить на несколько групп.

Прежде всего, это упоминание героем «слога», выработкой которого он столь озабочен, комментирование собственно процесса письма, который при таком напряжённом внимании иной раз становится едва ли не главным содержанием предлагаемого эпистолярного фрагмента. К этому типу можно отнести и многочисленные замечания героя об отсутствии у него «слога»: «слогу-то нет, ведь я это сам знаю, что его нет, проклятого!..» [6, с. 42]; «хоть десять страниц намарай, никак ничего не выходит, ничего не опишешь...» [6, с. 40]; «расскажу вам без слога, а так, как мне на душу Господь положит» [6, с. 86].

В трагическом аспекте этот приём раскрывается в последнем письме Макара Девушкина, когда крик души героя, с отчаянием пытающегося остановить ту, которая уходит от него навеки, в конце концов превращается именно в письмо ради письма, имеющее единственным смыслом собственную длительность, потому что завершение текста, обрыв строки, финальная точка оказывается в данном случае буквально финалом – и надежд героя на счастье, и в конечном итоге самого его физического существования: «... ведь никак не может так быть, чтобы письмо это было последнее. Ведь вот как же, так вдруг, именно, непременно последнее! ... А то у меня и слог теперь формируются.. Ах, родная моя, что слог! Ведь вот я теперь и не знаю, что это я пишу, никак не знаю, ничего не знаю, и не перечитываю, и слогу не выправляю, а пишу, только бы писать, только вы вам написать побольше...» [6, с. 104]. Порыв героя, сопротивляющегося финальной

точке, своеобразное «восстание» против власти автора как безжалостного «порядка вещей», позволяет в неожиданном ключе интерпретировать и просьбу Макара Алексеевича, обращённую к Вареньке: «и когда уедете, так и оттуда письмо напишите» [6, с. 104], – словно бы из-за пределов романного текста как целого, завершённость которого «овеществляет», «объективирует» героя, отчего и возникает страстная жажда любой ценой разрушить её. Так незавершённость, динамическая структура повествовательного строя неожиданно приобретает собственно семантический эффект, становясь одним из главных механизмов оформления художественной антропологии Достоевского, человек в которой – подвижная, становящаяся, незавершённая энергия. «Становящееся» повествование и есть характерная для него форма «слова о мире». Характеризуя эту особенность «Бедных людей», М. М. Бахтин писал: «Достоевский изображает не “бедного чиновника”, но *самосознание* бедного чиновника» [1, т. 6, с. 57], следствием чего становится своеобразное «растворение» «твёрдых» черт героя, характерных для «обычного», традиционного описания: «они уже не могут завершить и закрыть героя...» [1, т. 6, с. 58], в результате чего то, что было «твёрдым и завершённым», становится лишь «моментом» процесса, который не имеет конца.

Не меньшее значение для создания динамики повествования имеет превращение героя эпистолярного романа не только в рассказчика, но и в «читателя».

Разумеется, наиболее известный момент этого самоопределения личности Макара Девушкина «с опорой» на литературу – его развёрнутые «рецензии» на «Станционного смотрителя» Пушкина и «Шинель» Гоголя [2, с. 12–18]. Отметим, что своеобразной ключевой точкой в их оформлении становится момент опознавания Девушкиным в этих образах собственной личности (биографии – социального положения – судьбы), отчего динамичное, «живое» пушкинское повествование («Это живёт!») воспринято с восторгом, в то

время как более «объективирующее», холодно-аналитичное гоголевское резко отвергается именно за чуждость, «внешний» характер принятой «точки зрения»: «Как! Так после этого и жить себе смиренно нельзя в уголочке своём ... чтобы и в твою конуру не пробрались и не подсмотрели...» [6, с. 57].

Не столь остро драматическое, иронично-пародийное начало возникает в романе при характеристике штампов романтической прозы – «светской» и «исторической» повести, а также «гоголёвской», «натуральной» бытописи, вводимой в роман благодаря восторженному рассказу Макара Алексеевича о сочинениях его соседа, чиновника Ратазьева.

Здесь представляется особенно интересным тот резкий неожиданный переход, когда читатель-Девушкин принимается вообразить себя автором: «Ну вот, например, положим, что вдруг, ни с того, ни с сего, вышла бы в свет книжка под титулом – “Стихотворения Макара Девушкина”!» [6, с. 48] В наивно-инфантильных мечтах героя причудливо переплетаются идеалы «торгового» направления журнальной литературы «на излёте» романтизма 1830-х годов (не случайно письмо начинается подробнейшими вычислениями, сколько денег получает за свои сочинения Ратазьев) и жажда занять культурно-обусловленное место писателя в обществе. Оно столь заманчиво, что само по себе выводит героя за рамки привычного поведения «бедного чиновника», и даже детали его внешности в свете мечты «Девушкин – сочинитель!» получают совершенно иную оценку.

ТаковыобыграннаяДостоевскимдеталь – упоминание героем собственных рваных сапог (чрезвычайно ёмкая в культурологическом смысле благодаря многочисленным упоминаниям о «сапогах всмятку» представителей разночинной интеллигенции, в конце концов приведших к эпатажным высказываниям Писарева, что сапоги выше Пушкина, в свою очередь обыгранным в «Бесах», когда Степан Трофимович берётся доказать молодому поколению, «что сапоги ниже Пушкина, и даже гораздо...»).

Девушкин – «бедный чиновник» стыдится своих худых сапог и с ужасом представляет себе, что будет, если их заметят: «Да и что же тут такого, маточка, что вот хоть бы и я, где мостовая плоховата, пройду иной раз на цыпочках, что я сапоги берегу!» [6, с. 57]. Девушкин – «сочинитель», напротив, сохраняя внешнюю, «подставную» мотивировку стыда («я бы решительно тогда на Невский не смел бы показаться...» [6, с. 48]), тем не менее бравирует своими рваными сапогами, превращая их в своеобразный знак авторской избранности, свидетельство особого права скандализовать общество: «Ну что тогда б было, когда бы все узнали, что вот у сочинителя Девушкина сапоги в заплатках! Какая-нибудь там контесса-дюшесса узнала бы, ну что бы она-то, душка, сказала?» [6, с. 48]

Немыслимая в ином контексте фамильярность в адрес воображаемой «графини» («контессы»), которая, став для героя-«сочинителя» «читательницей» его сочинений, неизбежно теряет свою социальную исключительность, и в итоге сами рваные сапоги делаются знаком не социальной униженности, а – парадоксально – едва ли не избранности героя, «пробирающегося» именно в них в высший, недоступный для него социальный круг. «Она-то, может быть, и не заметила бы, ибо, как я полагаю, контессы не занимаются сапогами, к тому же чиновничьими сапогами (потому что ведь сапоги сапогам рознь), да ей бы рассказали про всё ... Да вот Ратазьев бы первый выдал...» [6, с. 48].

Особым приёмом, призванным усилить ощущение внутренней динамики повествования, становится в «Бедных людях» и активнейшее обыгрывание литературных реминисценций, – в данном случае, по видимому, существующих на пересечении «кругозора» героя и автора. Включённые в высказывания Макара Девушкина, они далеко не всегда опознаются героем как элементы «чужого слова», раскрывая свой метапоэтический потенциал именно в связи с кругозором автора и литературно образованного читателя.

В этом ряду стоят и реминисценции, соотносящие с литературным претекстом не столько высказывание как таковое, сколько событие. Сама жизненная реальность в этом случае насыщается соответствующими литературными коннотациями, создающими требуемый эмоциональный «колорит».

«Карамзинских» и шире, сентименталистских реминисценций в «Бедных людях» достаточно много, притом. Как убедительно доказали комментаторы романа, в большинстве своём они существуют в виде достаточно сложной, неоднородной метатекстовой «амальгамы», одним из главных следствий появления которой отказывается усложнение эмоционально-оценочного контекста сентиментального мотива. Яркий пример тому – образы Терезы и Фальдони, появляющиеся в первых письмах Макара Девушкина, соотносимые с сентиментальным романом Н.-Ж.Леонара «Тереза и Фальдони, или Письма двух любовников, живших в Лионе», и – в свою очередь, – «Письмами русского путешественника» Н. М. Карамзина, превращающего литературный сюжет с реальную жизненную историю, некогда произошедшую в Лионе. Как показывает Якубович, в круг источников, связанных с сюжетом «Тереза и Фальдони» для Достоевского, входил также рассказ М. И. Воскресенского «Замоскворецкие Тереза и Фальдони», опубликованный в «Литературной газете» 14 февраля 1843 г. (№ 7) [11, с. 80–96]. Однако в результате Тереза и Фальдони у Достоевского из благородных добродетельных любовников превращаются в уродливых злобных старых слуг, которые ненавидят друг друга и чуть ли не дерутся.

Подобная трансформация узнаваемого сентименталистского мотива проис-

ходит и на макроуровне сюжета книги, – когда история преследования Вареньки помещиком Быковым, а впоследствии их брак соотносятся с сюжетной схемой романа С. Ричардсона «Памела, или Вознаграждённая добродетель». Однако в мире романа Достоевского раскрывается гораздо более глубокая и психологически сложная подоплёка этого брака; интерпретация его как удачного и счастливого сменяется пониманием истинных целей Быкова – как и истинных мотивов Вареньки, лишённой возможности иначе защитить себя в жестоком мире.

Заключение

«Карамзинское» начало в художественном мире первого романа Достоевского, а в перспективе – творчества писателя в целом, несводимо лишь к сентименталистским настроениям и пафосу сочувствия судьбе «простого человека». Гораздо более сложная и неочевидная специфика прозы Карамзина как «нарративной», впервые в русской литературе ставившей собственно эстетические задачи и решающей их с помощью усложнения повествовательных структур, также в полной мере реализовалась в произведениях Достоевского. Повествования от первого лица, и в том числе эпистолярные «опыты» Макара Девушкина в его творчестве – своеобразные примеры «становления» как личности автора, обретающего «слог» и внутреннее право высказать своё «слово о мире», так и самого текста – подвижного, «становящегося» на глазах читателя повествования, первооткрывателем которого для русской литературы и был Н. М. Карамзин.

Статья поступила в редакцию 06.04.2021.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М. М. Собрание сочинений: в 7 т. М.: Русские словари: Языки славянской культуры, 1996–2002.
2. Берсенёва В. А. Рецепция «Повестей покойного Ивана Петровича Белкина» А. С. Пушкина в романе Ф. М. Достоевского «Бедные люди»: образы и мотивы // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 431. С. 12–18.
3. Богданова О. В., Богатырева Л. В. Автоинтертекстуальное поле ранней прозы Ф. М. Достоев-

- ского // Вопросы русской литературы. 2019. № 2. С. 3–14.
4. Буяновская В. И. «Бедные люди» Ф. М. Достоевского как диалог старого и нового слова // *Studia Literarum*. 2018. Т. 3. № 4. С. 152–169.
 5. Ветловская В. Е. Источники и литературный контекст романа Достоевского «Бедные люди» // *Словесность и история*. 2020. № 3. С. 7–31.
 6. Достоевский Ф. М. Бедные люди / изд. подгот. К. А. Баршт. М.: Ладомир: Наука, 2015. 807 с.
 7. Есаулов И. А., Сытина Ю. Н. Маленький человек Достоевского в историко-литературной перспективе: между «вещью» и личностью // *Вестник русской христианской гуманитарной академии*. 2020. Т. 21. № 3. С. 419–428.
 8. Захарова О. В. Проблемы жанровой дифференциации повести и романа в полемике Ф. М. Достоевского в 1840-е годы // *Проблемы исторической поэтики*. 2019. Т. 17. № 2. С. 164–174.
 9. Киселюте И. «Бедные люди» Ф. М. Достоевского: исчезнувшие «мысли о его превосходительстве» // *Вестник Московского университета*. 2018. № 6. С. 110–116.
 10. Салова С. А. Ф. М. Достоевский и Д. И. Фонвизин: вектор преемственности // *Динамика языковых и культурных процессов в современной России*. 2018. № 6. С. 866–870.
 11. Якубович И. Д. Поэтика романа «Бедные люди» в свете европейской традиции эпистолярного романа: Н. Леонард – Пушкин – Достоевский // *Достоевский. Материалы и исследования*. Т. 16. СПб.: Наука, 2001. С. 80–96.

REFERENCES

1. Bakhtin M. M. *Sobranie sochinenii* [Collected works]. Moscow, Russian dictionaries Publ., Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 1996–2002.
2. Berseneeva V. A. [Reception of “The Tales of the Late Ivan Petrovich Belkin” by Alexander Pushkin in the novel “Poor People” by F. M. Dostoevsky: Images and Motives]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University], 2018, no. 431, pp. 12–18.
3. Bogdanova O. V., Bogatyreva L. V. [The autointertextual field of F. M. Dostoevsky]. In: *Voprosy russkoi literatury* [Questions of Russian literature], 2019, no. 2, pp. 3–14.
4. Buyanovskaya V. I. [“Poor people” by F. M. Dostoevsky as a dialogue of the old and new words]. In: *Studia Literarum* [Studia Literarum], 2018, vol. 3, no. 4, pp. 152–169.
5. Vetlovskaya V. E. [Sources and Literary Context of Dostoevsky]. In: *Slovesnost' i istoriya* [Literature and history], 2020, no. 3, pp. 7–31.
6. Dostoevskii F. M. *Bednye lyudi* [Poor people]. Moscow, Ladoimir Publ., Nauka Publ., 2015. 807 p.
7. Esaulov I. A., Sytina Yu. N. [Dostoevsky]. In: *Vestnik russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii* [Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy], 2020, vol. 21, no. 3, pp. 419–428.
8. Zakharova O. V. [Problems of genre differentiation of the story and the novel in the polemics of F. M. Dostoevsky in the 1840s]. In: *Problemy istoricheskoi poetiki* [Problems istoricheskoi poetics], 2019, vol. 17, no. 2, pp. 164–174.
9. Kisieliute I. [“Poor people” by F. M. Dostoevsky: disappeared “thoughts of his excellency”]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta* [Bulletin of the Moscow University], Moscow, 2018, no. 6, pp. 110–116.
10. Salova S. A. [F. M. Dostoevsky and D. I. Fonvizin: the vector of continuity]. In: *Dinamika yazykovykh i kul'turnykh protsessov v sovremennoi Rossii* [Dynamics of linguistic and cultural processes in modern Russia], 2018, no. 6, pp. 866–870.
11. Yakubovich I. D. [Poetics of the novel “Poor people” in the light of the European tradition of the epistolary novel: N. Leonard – Pushkin]. In: *Dostoevskij. Materialy i issledovaniya*. T. 16 [Dostoevsky. Materials and research. Vol. 16], St. Petersburg, 2001, pp. 80–96.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Алпатова Татьяна Александровна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской классической литературы Московского государственного областного университета;
e-mail: alpatova2005@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tatiana A. Alpatova – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of Russian Classical Literature, Moscow Region State University;
e-mail: alpatova2005@rambler.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Алпатова Т. А. Повествовательные принципы Н. М. Карамзина в художественной структуре романа Ф. М. Достоевского «Бедные люди» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2021. № 3. С. 65–72.
DOI: 10.18384/2310-7278-2021-3-65-72

FOR CITATION

Alpatova T. A. Narrative Principles of N. Karasmzin in the Artistic Structure of the F. Dostoevsky's "Poor Folk". In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2021, no. 3, pp. 65–72.
DOI: 10.18384/2310-7278-2021-3-65-72

УДК 82

DOI: 10.18384/2310-7278-2021-3-73-80

НЕСКОЛЬКО ЗАМЕТОК ПО ПОВОДУ ОБРАЗА МЫШИ В «ЗАПИСКАХ ИЗ ПОДПОЛЬЯ» Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

Догнал Й.*Институт славистики Университета имени Масарика**601 77, г. Брно, Жеротинская пл., д. 617/9, Чешская Республика**Кафедра русистики Университета имени св. Кирилла и Мефодия**917 01, г. Трнава, пл. Й. Херду, д. 2, Словацкая Республика*

Аннотация

Цель. Исследовать образ мыши, его значение и уместность. В статье исследуется повод, который привёл Ф. М. Достоевского к использованию образа мыши в его произведении «Записки из подполья».

Процедура и методы. Проанализирован корпус текстов. Автор вступает в научный спор с учёными-достоевоведами, расширяя представление о функциональных особенностях образа. Исследованию подвергаются «Записки из подполья». Подходя к данному произведению как к изображению эксперимента, который рассказчик-парадоксалист проводит сам над собой, автор статьи замечает здесь противопоставление «естественного / природного» человека, поведение которого подвержено иррациональным импульсам, человеку «ретортному», подчиняющемуся рациональному следованию «выгодам». Особое внимание уделяется проблеме «творения» самого себя, внутренним диссонансам, связанным с этим процессом. В работе использованы текстологический, аналитический, сопоставительный и аксиологический методы исследования.

Результаты. Проведённый анализ показал, что именно ассоциация с экспериментом позволила Ф. М. Достоевскому применить образ мыши. Это основной исходный пункт парадоксалиста-рассказчика и героя «Записок»; это результат его наблюдений над другими, и, прежде всего, над собой самим, результат его прямо лабораторного эксперимента, в котором он послужил подопытным субъекто-объектом. Поэтому он и парадоксалист, поэтому он и вправе говорить о мыши.

Теоретическая и/или практическая значимость. Обобщён новый материал по исследуемой теме. Теоретическая значимость работы заключается в углублении представления о художественном мире Ф. М. Достоевского. Практическая значимость определяется возможностью использовать материал статьи в высшей школе, при подготовке к лекциям и практическим занятиям по русской литературе.

Ключевые слова: «Записки из подполья», образ мыши, рациональное и иррациональное, «ретортный» человек, эксперимент

Благодарности. Статья разработана в рамках проекта специфического исследования философского факультета Университета имени Масарика, Брно MUNI/A/1331/2020 «Mezislovanské kulturní a literárni vazby».

A FEW NOTES ON THE IMAGE OF THE MOUSE IN F. DOSTOEVSKY'S "NOTES FROM UNDERGROUND"

J. Dohnal*Institute of Slavic Studies, Faculty of Philosophy, Masaryk University**617/9 Žerotínovo nám., Brno 601 77, Czech Republic**Department of Russian Studies, Faculty of Philosophy, St. Cyril and Methodius**2 J. Herdu Square, Trnava 917 01, Slovak Republic*

Abstract

Aim. The article examines the reason that led F. Dostoevsky to use the image of a mouse in his work "Notes from the Underground". The purpose of the article is to explore the image of the mouse, its meaning and relevance.

Methodology. The author of the article enters into a scientific dispute with scientists-Dostoevsky scholars, expanding the idea of the functional features of the image. "Notes from the underground" are being investigated. Approaching this work as an image of an experiment that the paradoxical narrator conducts on himself, the author of the article notes here the contrast of the "natural" person, whose behavior is subject to irrational impulses, to the "retort" person, who obeys the rational pursuit of "benefits". Special attention is paid to the problem of self-creation and the internal dissonances associated with this process. The paper uses textual, analytical, comparative and axiological methods of research.

Results. The author of the article comes to the conclusion that it was the association with the experiment that allowed Dostoevsky to apply the image of a mouse. This is the main starting point of the paradoxical narrator and protagonist of the "Notes"; it is the result of his observations on others and, above all, on himself, the result of his direct laboratory experiment, in which he served as a test subject-object. That's why he's a paradoxalist, and that's why he's entitled to talk about the mouse.

Research implications. The theoretical significance of the work is to deepen the understanding of the artistic world of F. M. Dostoevsky. Practical significance is determined by the possibility to use the article material in higher school, in preparation for lectures and practical classes on Russian literature of the XIX century and for a special course on the work of the writer.

Keywords: "Notes from Underground", the image of the mouse, rational and irrational, the experiment, "man from the retort"

Acknowledgments. The article was developed within the framework of a specific research project of the Faculty of Philosophy of the Masaryk University Brno MUNI / A / 1331/2020 "Mezislovanské kulturní a literární vazby".

Введение

В жизни и произведениях Ф. М. Достоевского вряд ли можно найти пока не исследованные вопросы. Нет произведения, темы, формальных приёмов, которые не изучались бы раньше, так что, кажется, можно только искать дополнения или уточнения к уже имеющимся исследованиям.

Одним из наиболее сложных, по сути философских произведений писателя можно считать «Записки из подполья» (1864). Хотя произведение состоит из двух, казалось бы, неоднородных частей, они, наоборот, тесно взаимосвязаны: вторая часть представляет собой экспликацию всего того, о чём отчасти сложно, как будто в горячке, ведёт дискуссию рассказчик и герой повести в первой части произведения. Как раз в первой части текста рассказчик раскрывает свои теоретические взгляды на человека, на принципы, которые направляют его бытие; именно здесь

можно встретить и образ мыши, значение и уместность которого обсуждается в последующем анализе.

Г. И. Хусяинова в статье «Многозначность образа мыши в повести Ф. М. Достоевского «Записки из подполья»» [2] изучает образ мыши в данном произведении Ф. М. Достоевского и ищет его значение. Она приводит несколько примеров, как его можно трактовать; исследователь констатирует, что в зависимости от того, с какой традиционной трактовкой в повериях, легендах или приметах мышь связывают, данный образ можно интерпретировать и положительно, и отрицательно. Пытаясь определить, к которому именно источнику – и из него вытекающему значению – можно было бы приурочить «парадоксалиста» и его размышления, она, заключая свои наблюдения над образом мыши, приходит к выводу: «Однозначно определить, к ка-

кой группе «мышей» он принадлежит, невозможно. В этом и есть главная особенность – он сочетает в себе черты всех». Ещё неопределённое потом звучит заключение её исследования, в котором можно найти следующее утверждение: «Почему герой «Записок» – мышь? Он непривлекателен внешне, его также сторонятся люди, даже близкие друзья, в конце концов, он живёт в подполье. Сама мышь мала и ничего сделать не может, но она предзнаменует события, пугает, тем самым спасая или помогая (спасает льва, помогает разбить золотое яйцо и т. д.). В этом и есть предназначение этого героя, он говорит только о себе, о своих личных проблемах, но читатель узнаёт в нём самого себя, окружающую действительность, видит всю жестокую подноготную. Даже от неприметной серой мыши бывает польза. Как мыши первыми бегут с тонущего корабля, так и герой первым ушёл в подполье...» [2].

Анализ и импликации

Исследователь имеет право на своё мнение, но, может быть, на данный образ можно посмотреть и с другой стороны, попытаться осмыслить его по-другому. Для этого надо вернуться к одному месту текста повести Достоевского, анализ которого позволит нам открыть другую трактовку образа мыши. Конкретно мы имеем в виду следующий пассаж текста: «И я тем более убеждён в злом, так сказать, подозрении, что если, например, взять антитезу нормального человека, то есть человека усиленно сознающего, вышедшего, конечно, не из лона природы, а из реторты (это уже почти мистицизм, господа, но я подозреваю и это), то этот ретортный человек до того иногда пасует перед своим антитезом, что сам себя, со всем своим усиленным сознанием, добросовестно считает за мышь, а не за человека»¹. Нужно обратить внимание на то, что герой определяет человека,

о котором идёт речь, как ретортного, вышедшего из реторты. Реторта как предмет, служащий в лабораторной практике для разного рода химических опытов, реакций, во время которых производят иногда и вещества, не имеющиеся в природе, может быть отсылкой на такие характеристики, которые свойственны человеку, представляющему собой продукт рационально проводимого опыта, как «искусственность», «неестественность». Данный текст ведь явно намекает на такое толкование, указывая на факт, что «ретортный человек ... иногда пасует перед своим антитезом». Читая дальше, мы узнаем, кто считается антитезом ретортного человека, считающего себя самого мышью: «Злости-то в ней (т. е. в мыши. – И. Д.), может, ещё и больше накопится, чем в *l'homme de la nature et de la vérité*»². Антиподом ретортного человека, значит, считается человек «естественный», «действительный», «основной», существо, не являющееся продуктом рационально задуманного (лабораторного в социальном смысле слова) опыта. В таком случае понятно, что человек, чувствующий себя мышью, – это «антитеза нормального человека». Как раз эта антиномия упоминается в тексте целых три раза подряд. Благодаря этому троичному повтору она прямо бросается в глаза, усиливая противопоставление обоих типов: человека природы и правды (*l'homme de la nature et de la vérité*), т. е. нормального человека, с одной стороны, и, с другой, человека рационально сотворённого. Хотя такой «сконструированный» человек представляет собой только ментальное представление рассказчика-парадоксалиста, сознающего, что такой конструкт – полный мистицизм, в его мысли, в его рассуждениях он играет вполне самостоятельную роль. И, как показывает ход наррации, контраст между обоими типами людей тщательно выстраивается.

¹ Достоевский Ф. М. Записки из подполья // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 5. Повести и рассказы 1862–1866. Л., 1973. С. 104.

² Достоевский Ф. М. Записки из подполья // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 5. Повести и рассказы 1862–1866. Л., 1973. С. 104.

Противостояние природы чему-то другому несколько раз повторяется в тексте произведения ещё и до введения образа мыши. Четырежды упоминаются «законы природы», о которых рассказчик рассуждает: «Главное же, как ни раскидывай, а всё-таки выходит, что всегда я первый во всем виноват выхожу и, что всего обиднее, без вины виноват и, так сказать, по законам природы»¹. И «Я ведь, наверно, ничего бы не сумел сделать из моего великодушия: ни простить, потому что обидчик, может, ударил меня по законам природы, а законов природы нельзя прощать; ни забыть, потому что хоть и законы природы, а всё-таки обидно»². Непосредственно перед первым упоминанием образа мыши можно найти ещё указание на следующий факт: «... такого-то вот непосредственного человека я и считаю настоящим, нормальным человеком, каким хотела его видеть сама нежная мать – природа, любезно заставляя его на земле»³. Частое упоминание природы и её законов образует рамки, в которые непосредственно потом вплетается пассаж о «ретортном» человеке. Это нельзя считать случайным, а наоборот, противопоставление выстраивается рассказчиком достаточно сознательно, о чём свидетельствуют именно упомянутые нами повторы. Оценка «природного» человека нарратором не очень высока: «... Он глуп, я в этом с вами не спорю, но, может быть, нормальный человек и должен быть глуп, почему вы знаете?»⁴ Она, однако, связана с примечательной информацией об отношении к нему «подпольного человека»: «Я такому человеку до крайней желчи завидую»⁵. Если поверить рассказчику (он ведь ничего не скрывает), то он считает себя не «природным», «естественным» человеком, а каким-то другим, причём этому первому завидует за чистоту, верность его чувств и его поведения: «Ведь их (т. е.

природных людей. – *И. Д.*) как обхватит, положим, чувство мести, так уж ничего больше во всём их существе на это время и не останется, кроме этого чувства. Такой господин так и прёт прямо к цели, как взбесившийся бык, наклонив вниз рога, и только разве стена его останавливает»⁶.

Природный, естественный человек действует в согласии со своими эмоциями, не управляет ими, не чувствует неизбежности кем-нибудь стать, кем-нибудь сделаться, по каким-нибудь правилам думать и поступать, он просто есть. Даже этот фактор учитывается рассказчиком раньше, до упоминания образа мыши: «Я не только злым, но даже и ничем не сумел сделаться: ни злым, ни добрым, ни подлецом, ни честным, ни героем, ни насекомым»⁷. Также этот факт, приводимый рассказчиком, подлежит повторению: «Мне теперь хочется рассказать вам, господа, желается или не желается вам это слышать, почему я даже и насекомым не сумел сделаться. Скажу вам торжественно, что я много раз хотел сделаться насекомым»⁸. Тенденция «сделаться кем бы то ни было – попытка «преобразоваться» – принадлежит ретортному человеку, которым считается рассказчик. О его принадлежности как раз к ретортному человеку свидетельствует заведомое усилие избавиться от «неестественного» в своей сути, заставляющее его направить свои старания к определённой, заданной раньше цели, искать принципы, по которым можно такой цели добиться. Это связано с тем, что он природному человеку до желчи завидует. Кажется, насекомое тут связано с основным намерением преобразования человека в животное, причём в довольно малое, не очень приятное, не очень красивое.⁹ Глагол «сделаться» ссылает на активность, на заведомое действие, на безусловное преодоление начального состояния, на рациональное обоснование такого

¹ Достоевский Ф. М. Записки из подполья // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 5. Повести и рассказы 1862–1866. Л., 1973. С. 104.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 100.

⁶ Там же. С. 103.

⁷ Там же. С. 100.

⁸ Там же. С. 101.

⁹ Стоит, может быть, упомянуть о том, что чуть позже и герой рассказа Франца Кафки «Превращение» сделался – правда, не по своему желанию – жуком, т. е. жёсткокрылым насекомым.

усилия. Именно рационально обоснованный замысел стать чем-то «естественным», однако, не лишает ретортного человека его основной характеристики, а наоборот, сделал бы из него опять «продукт» рационального усилия, значит, возвратил бы его как раз к оспариваемому им «ретортному» человеку. Рассказчик-парадоксалист хотел вернуться к природе, даже избавиться от человеческого облика; «хотел сделаться насекомым, но не «сумел». Его усилия закончились неудачей: от природного человека по своей воле он отказался, а насекомым не стал. Результатом этого является обиженное сознание рассказчиком провала, нарушенной идентичности, позиция «посреди», чувство, что он не принадлежит ни туда (он ни природный человек, ни животное), ни сюда (человек – продукт сознательного, рационального «человекотворчества»). Прямого указания на то, является ли такое усилие возвращением к природе, к природному человеку, в тексте нет. Следуя логике текста, ответ будет скорее положительным. Уход в сферу животного представляет собой скорее радикальную трансформацию в природное, даже нечеловеческое, какую-то сублимацию человеческой сути, её потерю. Во всяком случае, это – полный провал. При данных обстоятельствах понятно его уединение и недовольство и всем, и всеми, и самим собой, понятно ожесточённое иронизирование над миром, наукой и сознанием, над выгодами и ценностями, даже над своей собственной жизнью, здоровьем и рассуждениями.

В чём можно искать причины неудавшегося творчества самого себя? И на это умеет рассказчик ответить, находя причину в сознании, в разуме: «Клянусь вам, господа, что слишком сознавать – это болезнь, настоящая, полная болезнь. Для человеческого обихода слишком было бы достаточно обыкновенного человеческого сознания, то есть в половину, в четверть меньше той порции, которая достаётся на долю развитого человека нашего несчастного девятнадцатого столетия и, сверх того, имеющего сугубое несчастье обитать

в Петербурге, самом отвлечённом и умышленном городе на всём земном шаре»¹.

Явное обращение против сознания, сознательности созвучно обращению рассказчика против рационализма как такового. Ведь его же бунт против «антиестественности» рационализма сугубо рационален: всё в раздумьях рассказчика как будто сводится к основному силлогизму:

Первая посылка: Природа и природное/естественное не основаны на разуме.

Вторая посылка: Моё существование и мои размышления основаны на разуме.

Закключение: Моё существование и мои размышления против природы.

В своих размышлениях рассказчик начинает постепенно попадать в неразрешимый замкнутый круг: его концепция «ретортного» человека противопоставлена «естественному человеку», но рациональным умозаключением принимаемый результат, т. е. попытка вернуться к естественному/природному состоянию при помощи исключения абсолютно всего рационального в человеческой сути, для него значит то, что надо стать животным, в данном случае насекомым. Но насекомым ему стать нельзя, им невозможно «сделаться». Лишиться человеческой сути человек не может; быть человеком – судьба, которую нельзя избежать, однако раскрыть «ретортность», показать, насколько «ретортный» человек ушёл от «естественного» – можно.

Рассказчик именно это и делает: вступает со своей стороны в дискуссию с «господами» и пытается выявить им свои чувства, своё независимое положение, своё свободное решение отойти от внешнего рационально устроенного и по рациональным правилам действующего мира в свой уединённый мирок, в свой угол. Полученные в наследство деньги дали ему свободу – он может брезговать большинством конвенций внешнего мира, жить (и писать) по-своему. Из «угла» он может провоцировать, может по-своему осмыс-

¹ Достоевский Ф. М. Записки из подполья // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 5. Повести и рассказы 1862–1866. Л., 1973. С. 101.

лять свои поступки, может отказываться от «разумного» поведения, может усугублять повторяющуюся осцилляцию между высоким и низким в его поведении и мышлении: «Скажите мне вот что: отчего так бывало, что, как нарочно, в те самые, да, в те же самые минуты, в которые я наиболее способен был сознавать все тонкости "всего прекрасного и высокого", как говорили у нас когда-то, мне случалось уже не сознавать, а делать такие неприглядные деянья, такие, которые... ну да, одним словом, которые хоть и все, пожалуй, делают, но которые, как нарочно, приходились у меня именно тогда, когда я наиболее сознавал, что их совсем бы не надо делать? Чем больше я сознавал о добре и о всём этом "прекрасном и высоком", тем глубже я и опускался в мою тину и тем способнее был совершенно завязнуть в ней»¹. Видно, что осцилляция между этими двумя полюсами, рациональным и иррациональным, сознательным и эмоциональным – основное в его высказываниях. Он относится к своей жизни в углу как к определённому эксперименту, провоцирующему «господ», представителей сознательного, рационального принципа, против которого «парадоксалист» протестует. Его пребывание в углу – провокация, попытка «сделаться» человеком более естественным так, чтобы не оспаривать иррационального в себе, а отчасти, наоборот, наслаждаться и гордиться тем, что он находит достаток мужества признаваться в своём эксперименте. Он даже приносит о нём свидетельство – его же текст во второй части «Записок», и это можно считать как раз попыткой осмыслить, на примере показать, что такая осцилляция естественна, может быть, не только в его внутреннем мире, в его переживаниях и их осмыслении, но и в том, что таким же осциллятивным процессом характеризуется бытие человека рационального XIX в. Он становится – добровольно – испытуемым субъектом. А где-то с XVII в. подопытными животными стали

лабораторные мыши. Когда рассказчик хотел стать насекомым, ещё дело не касалось эксперимента; став на путь сознательно проводимого опыта, он, по аналогии, может и вправе сравнивать себя с мышью. И ей в лаборатории отведён уголок, в котором приходится жить. Мышь незаметна, ничтожна, но и она приносит нужные сведения для правильного понимания процессов, ставших предметом эксперимента. Мышью он физически не стал, как не стал и насекомым, но его освобождение от рациональных принципов, которым надо подчиняться, позволяет ему мнительно стать на место подопытного животного (приближаясь таким образом к природе) и показывать внутреннее столкновение рационально контролируемого сознания («ретортного» человека) с импульсами человеческой природы («природного» человека).

Рассказчик, внутренне восхищённый этой позицией, прямо наслаждается возможностью «пофилософствовать» в запутанной полемике с «господами», но чувствует, что нужно искать в его рассказе и такой способ выражения, который был бы «естественным», более простым, более наглядным, что он делает во второй части «Записок». Более ясное, рациональное выражение его мыслей скрыто также в его напоминании о некоем собирательном лице – его приятеле, который: «...с волнением и страстью будет говорить вам о настоящих, нормальных человеческих интересах; с насмешкой укорит близоруких глупцов, не понимающих ни своих выгод, ни настоящего значения добродетели; и – ровно через четверть часа, без всякого внезапного, постороннего повода, а именно по чему-то такому внутреннему, что сильнее всех его интересов, – выкинет совершенно другое колено, т. е. явно пойдёт против того, о чём сам говорил: и против законов рассудка, и против собственной выгоды, ну, одним словом, против всего...»² Именно цитируемый пассаж представляет собой и структуру всего текста: сначала умозрительное, теоретическое ознакомление с мыслями рассказчика, а потом иллюстрацию на при-

¹ Достоевский Ф. М. Записки из подполья // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 5. Повести и рассказы 1862–1866. Л., 1973. С. 102.

² Там же. С. 111.

мере, конкретизацию того, о чём говорилось на теоретическом уровне. Он пытается выразить это противоречие и по-другому, пользуясь математической формулой «дважды два четыре». Но именно такая формула не способна выражать его осцилляторное понимание человеческой сути: «Эх, господа, какая уж тут своя воля будет, когда дело доходит до таблички и до арифметики, когда будет одно только дважды два четыре в ходу? Дважды два и без моей воли четыре будет. Такая ли своя воля бывает!»¹ Свою волю, внутреннее, естественное в человеке он выражает в другой формуле: «Я согласен, что дважды два четыре – превосходная вещь; но если уже все хвалить, то и дважды два пять – премилая иногда вещица».² Дважды два четыре – принцип существования «ретортного человека, дважды два пять – принцип бытия человека «естественного» (*l'homme de la nature et de la vérité*).

Анализируя произведение Ф. М. Достоевского, надо считаться и с утверждением Б. Тарасова, характеризующего эпоху первой и второй половины XIX в. века: «В эпоху творчества Достоевского в России интенсифицировался процесс изменения традиционных ценностных координат и парадигм картины мира, внедрения новых установок сознания, особого акцентирования позитивистски

наблюдаемых и математически исчисляемых пластов бытия и укрепления связанных с этими пластами эгоцентрических духовно-психологических сил. Атмосфера вульгарного сциентизма составляет важную часть идейно-эстетического контекста его произведений» [1].

Заключение

«Записки из подполья» – результат устремлений Ф. М. Достоевского показать, что человек намного сложнее и иррациональнее, чем любое рационально конструируемое создание. В нём нет только положительного, нет и только отрицательного, нет только рационального, как нет и только иррационального, но есть их постоянное столкновение, борьба, иногда выравнивание, никогда не заканчивающиеся сдвиги и срывы в его «Я»³. Это основной исходный пункт парадоксалиста – рассказчика и героя «Записок»; это результат его наблюдений над другими и, прежде всего, над собой самим, результат его прямо лабораторного эксперимента, в котором он послужил подопытным субъекто-объектом. Поэтому он и парадоксалист, поэтому он и вправе говорить о мыши.

Статья поступила в редакцию 10.03.2021.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тарасов Б. Рационализм, позитивизм и прагматизм как питательная среда для формирования преступного замысла Раскольникова // *Mundo Eslovo* : [сайт]. 2017. № 6. URL: <http://mundoeslovo.com/index.php/meslav/article/view/254> (дата обращения: 05.04.2021).
2. Хусьяинова Г. И. Многозначность образа мыши в повести Ф. М. Достоевского «Записки из подполья» [Электронный ресурс] // *Международный научно-исследовательский журнал. Филологические науки*. 2012. Вып. 5. С. 118–121. URL: <https://research-journal.org/languages/mnogoznachnost-obrazamyshi-v-povesti-f-m-dostoevskogo-zapiski-iz-podpolya> (дата обращения: 05.04.2021).

REFERENCES

1. Tarasov B. [Rationalism, positivism and pragmatism as a breeding ground for the formation of Raskolnikov]. In: *Mundo Eslovo*, 2017, no. 16. Available at: <http://mundoeslovo.com/index.php/meslav/article/view/254> (accessed: 04.05.2021).
2. Khusyainova G. I. [The polysemy of the image of the mouse in the story of F. M. Dostoevsky “Notes from the Underground”]. In: *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal. Filologicheskie nauki* [International research journal. Philological sciences], 2012, iss. 5., pp. 118–121. Available at: <https://research-journal.org/languages/mnogoznachnost-obrazamyshi-v-povesti-f-m-dostoevskogo-zapiski-iz-podpolya> (accessed: 05.04.2021).

¹ Там же. С. 117.

² Там же. С. 119.

³ Именно на этом на несколько десятилетий позже построил свои теоретические исследования З. Фрейд.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Йосеф Догнал – доктор философии, кандидат наук, профессор Института славистики философского факультета Университета имени Масарика; профессор кафедры русистики философского факультета Университета имени св. Кирилла и Мефодия;
e-mail: josef-dohnal@volny.cz

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Josef Dohnal – Dr. Sci. (Philosophy), Cand. Sci., Prof., Institute of Slavic Studies, Faculty of Philosophy, Masaryk University, Brno; Prof., Department of Russian Studies, Faculty of Philosophy, St. Cyril and Methodius;
e-mail: josef-dohnal@volny.cz

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Догнал Й. Несколько заметок по поводу образа мыши в «Записках из подполья» Ф. М. Достоевского // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2021. № 3. С. 73–80.

DOI: 10.18384/2310-7278-2021-3-73-80

FOR CITATION

Dohnal J. Several Notes on the Image of a Mouse in “Notes from the Underground” by F. Dostoevsky. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2021, no. 3, pp. 73–80.

DOI: 10.18384/2310-7278-2021-3-73-80

УДК 821.161.1

DOI: 10.18384/2310-7278-2021-3-81-88

ДОСТОЕВСКИЙ О РУССКОМ САМОДЕРЖАВИИ

Моторин А. В.*Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого**173003, г. Великий Новгород, ул. Большая Санкт-Петербургская, д. 41, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Исследовать взгляды Ф. М. Достоевского на русское самодержавие в общем контексте историософских представлений писателя. Это обуславливает постановку следующих задач: рассмотрение художественных, публицистических произведений Ф. М. Достоевского, его писем, в которых понятие самодержавия осмысливается в единстве с понятиями православия и народности – в свете общего представления писателя об историческом предназначении России.

Процедура и методы. Проанализирован корпус текстов. Методологическая основа исследования предполагает опору на традиционные литературоведческие подходы, в частности, на культурно-историческую, герменевтическую, а также филологическую методологию, связанную с системным анализом поэтики и стиля.

Результаты. Проведённый анализ показал, что взгляды Ф. М. Достоевского на самодержавие опирались на традиционную русскую православную историософию. Благодаря такой установке писатель своим влиятельным словом уверенно и мощно воздействовал на развитие народного самосознания и русской государственности, примирял народ и власть, способствовал их взаимопониманию в кризисные периоды общественного развития, предостерегал власть от ошибок в управлении страной, учил народ пониманию сокровенного духовного смысла текущих государственных решений.

Теоретическая и/или практическая значимость. Обобщён материал по исследуемой теме. Наблюдения и выводы могут быть использованы для дальнейшего историко-литературного изучения особенностей творческого мирозерцания Ф. М. Достоевского, а также при подготовке глав о Ф. М. Достоевском в вузовских учебниках и курсах по истории русской литературы XIX в. Ключевые **слова:** Достоевский, народность, православие, русская государственность, самодержавие

Благодарности. Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ: проект № 18-012-90036 «Достоевский в средней и высшей школе: проблемы и новые подходы».

DOSTOEVSKY ON RUSSIAN AUTOCRACY

A. Motorin*Yaroslav-the-Wise Novgorod State University**41 Bolyshaya St. Petersburgskaya ul., Veliky Novgorod 173003, Russian Federation*

Abstract

Aim. To investigate Dostoevsky's views on the Russian autocracy in the general context of the writer's historiosophical ideas. This determines the formulation of the following tasks: consideration of Dostoevsky's artistic, publicistic works, his letters, in which the concept of autocracy is interpreted in unity with the concepts of Orthodoxy and nationality – in the light of the writer's general idea of the historical destiny of Russia.

Methodology. The methodological basis of the study presupposes reliance on traditional literary approaches, in particular, on cultural-historical, hermeneutic, and philological methodology associated with a systematic analysis of poetics and style.

© CC BY Моторин А. В., 2021.

Results. The analysis showed that Dostoevsky's views on autocracy were based on traditional Russian Orthodox historiography. Thanks to such an attitude, the writer, with his influential word, powerfully influenced the development of national self-consciousness and Russian statehood, reconciled the people and the authorities, promoted their mutual understanding in crisis periods of social development, warned the authorities against mistakes in governing the country, taught the people to understand the innermost spiritual meaning of current government decisions.

Research implications. The observations and conclusions can be used for further historical and literary study of the peculiarities of Dostoevsky's creative outlook, as well as in the preparation of chapters about Dostoevsky in university textbooks and courses on the history of Russian literature of the 19th century.

Keywords: Dostoevsky, peopleship, orthodox religion, Russian country, autocracy

Acknowledgments. The publication was prepared with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research: project No. 18-012-90036 "Dostoevsky in secondary and higher education: problems and new approaches."

Введение

Взгляды Ф. М. Достоевского на самодержавие изучены сравнительно мало. Исследователи бегло отмечают противоречивость этих взглядов, их несовпадение с господствующей государственной идеологией [2, с. 7–8].

В новейших исследованиях на близкую тематику, например, в работах, касающихся «социально-исторических воззрений Ф. М. Достоевского» [1, с. 1], историософских представлений писателя, его «обострённого чувства своей эпохи, когда рушится старый строй и создается новый» [5, с. 120], «собирабельного национального типа русского человека» [9], «изображения реальности духовной» [8], «проблемы свободы» [10], категорий «христианского сознания» [11] «учения о смысле жизни вообще и жизни на Руси в особенности» [7] – во всех этих трудах вопрос об отношении Ф. М. Достоевского к самодержавию не затрагивается.

Между тем, при всей сложности и противоречивости своего художественного мировидения Ф. М. Достоевский в зрелые годы прямо, просто и последовательно проповедовал учение о триединстве Православия, самодержавия и народности. Учение это восходит к эпохе Крещения Руси при святом Владимире, великом князе и, по сути, царе земли русской, которого святитель Иларион, митрополит Киевский и всея Руси в «Слове о законе и благодати» в середине XI в. глубокомысленно назвал

«единодержцем» [6] Отечества. На этом учении Русь веками выстраивалась в великую мировую державу, а в отроческие годы Ф. М. Достоевского оно было провозглашено с особенной ясностью на государственном уровне, проникнув во все области культуры, включая народное просвещение, науку, искусство.

Становление образа русского самодержавия у Достоевского

Началом русского самодержавного бытия Ф. М. Достоевский считал Православие. Он видит и показывает, как под солнцем Православия из народной почвы вырастает русская государственность и вся русская культура.

Ступени становления самодержавной России будущий писатель постигал с детства: «Мне было всего лишь десять лет, когда я уже знал почти все главные эпизоды русской истории из Карамзина, которого вслух по вечерам нам читал отец. Каждый раз посещение Кремля и соборов московских было для меня чем-то торжественным. У других, может быть, не было такого рода воспоминаний, как у меня» [3, т. XXI, с. 134] (Дневник писателя, 1873). Эти начальные знания о самодержавном Отечестве тогда же в детстве были оживлены православной верой, в свете которой Создателем державного иерархического устройства не только небесной, но и земной жизни, как церковной, так и государственной, стал Сам Бог – Царь Небесный.

Однако в юности писателя затронуло западное веяние революционных социалистических идей, он вошёл в кружок Петрашевского и в 1849 году был приговорён к смертной казни через расстрел, отменённой лишь за несколько мгновений до выстрелов и заменённой четырьмя годами каторги. Казалось бы, приговор должен был ожесточить молодого писателя, ещё больше настроить его против самодержавия или хотя бы помешать ему в дальнейшем последовательно отстаивать такое государственное устройство.

Между тем с годами детское воспитание и православная вера возобладали над наносным юношеским увлечением. Да и цари, сначала Николай I, а затем Александр II, со своей стороны проявляли мягкость, дав возможность оступившемуся вполне восстать и послужить Отечеству. Сам приговор по тем временам был не слишком строгим. Жена писателя А. Г. Достоевская записала его воспоминания: «Приговор этот над Достоевским был, по форме своей, первым ещё случаем в России, ибо всякий приговорённый в России в каторгу теряет гражданские права свои навеки, хотя бы и окончил свой срок каторги. Достоевскому же назначалось, по отбытии срока каторги, поступить в солдаты, – то есть возвращались опять права гражданина. Впоследствии подобные помилования случались не раз, но тогда это был первый случай и произошёл по воле покойного императора Николая I, пожалевшего в Достоевском его молодость и талант» [3, т. XXVII, с. 120–121] (воспоминания писателя, записанные А. Г. Достоевской).

После смерти императора Николая I, наставшей 18 февраля (2 марта) 1855 г., Ф. М. Достоевский написал в июне стихотворение «На первое июля 1855 года», посвятив его вдовствующей императрице Александре Фёдоровне – ко дню её рождения. Стихи были переданы императрице и поспособствовали произведению Ф. М. Достоевского из солдат в унтер-офицеры. В этой оде, написанной во время Крымской войны, ярко выразилось отношение писателя и к самодержавию, и к недавно почившему Николаю I, и к собственному преступлению:

*Когда настала вновь для русского народа
Эпоха славных жертв двенадцатого года
И матери, отдав царю своих сынов,
Благословили их на брань против врагов,
И облилась земля их жертвенною кровью,
И засияла Русь героизмом и любовью,
Тогда раздался вдруг твой тихий,
Скорбный стон,
Как острие меча, проник нам в душу он,
Бедою прозвучал для русского тот час,
Смутился исполин и дрогнул в первый раз.*

*Как гаснет ввечеру денница в синем море,
От мира отошёл супруг великий твой.
Но веровала Русь, и в час тоски и горя
Блеснул ей новый луч надежды золотой...
Свершилось, нет его! Пред ним благоговей,
Устами грешными его назвать не смею.
Свидетели о нём – бессмертные дела.*

Свое былое отступничество и последовавшее наказание Ф. М. Достоевский осознал как посланную Богом возможность покаяния:

*Но Боже! нам судья от века и вовек!
Ты суд мне ниспослал в тревожный час
сомненья,
И сердцем я познал, что слёзы – искупленье,
Что снова русской я и – снова человек!*
[4, т. 10, с. 342].

Крымская война закончилась заключением Парижского мира 18 (30) марта 1856 г. Вскоре весной Ф. М. Достоевский пишет оду на заключение мира и грядущую коронацию Александра II, которая состоялась 26 августа (7 сентября) 1856 г.:

*Грозой очистилась держава,
Бедой скрепились сердца,
И дорога родная слава
Тому, кто верен до конца.
Царю вослед вся Русь с любовью
И с тёплой верою пойдёт
И с почвы, утучнённой кровью,
Златую жатву соберёт.
Не русской тот, кто, путь неправый
В сей час торжественный избрав,
Как раб ленивый и лукавый,
Пойдёт, святыни не поняв*
[4, т. 10, с. 345].

Как бы ни относиться к художественным достоинствам од Ф. М. Достоевского, очевидно, что они проникнуты искренним чувством и глубоким пониманием всей значимости для России триединства Православия, самодержавия и народности. Вместе с народом поэт молит Бога о новом царе и светлом будущем Отечества:

*Идёт наш царь принять корону...
Молитву чистую творя,
Взывают русские миллионы:
Благослови, Господь, царя!
О Ты, кто мгновеньем воли
Даруешь смерть или живишь,
Хранишь царей и в бедном поле
Былينку нежную хранишь:
Созижди в нём дух бодр и ясен,
Духовной силой в нём живи,
Созижди труд его прекрасен
И в путь святой благослови!
[4, т. 10, с. 346].*

В день коронации было объявлено прощение бывшим петрашевцам. 20 октября 1856 г. писатель был произведён в прапорщики. Помилование (полная амнистия и разрешение публиковаться) было объявлено по высочайшему указу 17 апреля 1857 г., возвращающему права дворянства декабристам и петрашевцам. От негласного наблюдения помилованный был освобождён лишь 9 июля 1875 г.

Идеи, чувства, выраженные в сибирских одах, писатель развивал потом непрестанно, до конца жизни.

Самодержавие для Достоевского – не единоличное правление царя, но его правление в единстве с народом, по сути, вид народного самоуправления, ведь царь – глава народа: «Да народ наш ... , коли раздастся великое слово царя, то весь пойдёт, всей своей стомиллионной массой, и делает всё, что может сделать этакая стомиллионная масса, одушевлённая одним порывом и в согласии, как один человек» [3, т. XXV, с. 10] (Дневник писателя, 1877).

Сила самодержавия – в единстве царя с верующим православным народом: «У нас, русских, есть, конечно, две страшные

силы, стоящие всех остальных во всем мире, – это всецелость и духовная нераздельность миллионов народа нашего и теснейшее единение его с монархом» [3, т. XXV, с. 9] (Дневник писателя, 1877).

Царь – это то отеческое начало, которое в развитии своём может объединить раздробленный разными враждебными силами народ, и тогда составится из отдельных людей, кружков, обществ, сословий единое Отечество: «Это дети царёвы, дети заправские, настоящие, родные, а царь их отец. ... тут идея, глубокая и оригинальнейшая, тут организм, живой и могучий, организм народа, слиянного с своим царём воедино. Идея же эта есть сила. Создавалась эта сила веками, особенно последними, страшными для народа двумя веками, которые мы столь восхваляем за европейское просвещение наше, забыв, что это просвещение обеспечено было нам ещё два века назад крепостной кабалой и крестным страданием народа русского, нам служившего. Вот и ждал народ освободителя своего и дождался, – ну так как же они не настоящие, не заправские дети его? ... Для народа царь есть воплощение его самого, всей его идеи, надежд и верований его» [3, т. XXVII, с. 21] (Дневник писателя, 1881).

По Ф. М. Достоевскому, идея русско-го самодержавия установилась со времён Крещения Руси, и Пётр I не смог или не посмел разрушить её до конца: «Но наша европейская слава произошла вовсе не от петровской реформы (иначе надо бы было сузить всю реформу на технические заимствования, которые могло бы сделать и Московское царство) – а именно от древнеларского русского взгляда на власть царскую (как неограниченного повелителя), – власть, на которую не посягнул Пётр, ввиду уж слишком явной для себя же невыгоды, и которая изумила Европу и мир своею силою и целокупностью (последнее проявление этой силы – освобождение крестьян по одному лишь царскому слову)» [3, т. XXI, с. 268] (Записи 1872–1875).

При Александре II, по убеждению Ф. М. Достоевского, исконное самодержавие стало постепенно восстанавливаться,

и начинается «завершение двухсотлетнего периода нашего разврата и наших страданий» [3, т. XXII, с. 107] (Дневник писателя, 1876): «Все реформы нынешнего царствования суть прямая противоположность (по существу) реформам Петра Великого и упразднение их во всех пунктах. Освобождение народа есть, н<a>прим<ер>, прямая противоположность взгляду Петра (закрепившего народ) на русский народ как на материал, платящий подати, деньгами и повинностями, и не более. ... Нынешнее царствование решительно можно считать началом конца петербургского периода (столь длинного) русской истории. (Задыхание России в тесных петровских рамках)» [3, т. XXI, с. 268] (Записи 1872–1875).

Со своей стороны, Александр II и его семья, включая в особенности великого князя Александра Александровича, будущего императора Александра III, высоко ценили искреннюю преданность Ф. М. Достоевского и «самодержавное» направление его творчества. Писатель получал от наследника престола денежную поддержку в трудных жизненных обстоятельствах. В письме от 28 января 1872 г. он выразил цесаревичу «чувство беспредельной преданности» [3, т. XIX, кн. 1, с. 226].

Впрочем, и к современному состоянию самодержавия, как и Православия, и народа, писатель относился не только с почитанием, но и критически, указывая на недостатки, опасные для будущего России.

Так, узнав о первом покушении на Александра II, совершенном Д. В. Каракозовым 4 апреля 1866 г., Ф. М. Достоевский в письме М. Н. Каткову 25 апреля 1866 г. указывает на прослойку высших чиновников, пытающихся разорвать единство царя и народа, то есть разрушить русское самодержавие, основанное на любви и свободе: «Но знаете, что говорят некоторые? Они говорят, что 4-е апреля математически доказало могучее, чрезвычайное, святое единение царя с народом. А при таком единении могло бы быть гораздо более доверия к народу и к обществу в некоторых правительственных лицах.

А между тем со страхом ожидают теперь стеснения слова, мысли. Ждут канцелярской опеки. А как бороться с нигилизмом без свободы слова?» [4, т. 15, с. 283].

Писатель считал, что со времён Петра I русское самодержавие во всём своём иерархическом строении заразилось губительным стремлением перенимать образ жизни и мировоззрение Запада. Самая главная из навеянных с Запада болезней – увлечение европейским атеизмом как видом богоборчества. Эта болезнь побеждает при отрыве высшего образованного общества от народа: «Русские европейцы неминуемо атеисты, пока оторваны от народа. Это самое существенное и важное последствие реформы Петра» [3, т. XXI, с. 266] (Записи 1872–1875). Развитие этой болезни может вызвать потрясение самодержавной государственности, но не полное её уничтожение: «Если власть изменит Православию, то народ выберет другую» [3, т. XXI, с. 266] (Записи 1872–1875).

Итоговое отношение Ф. М. Достоевского к современному царскому самодержавию выразилось в словах: «Я, как и Пушкин, слуга царю, потому что дети его, народ его не погнушаются слугой царёвым. Ещё больше буду слуга ему, когда он действительно поверит, что народ ему дети. Что-то очень уж долго не верит» [3, т. XXVII, с. 86] (Заметки к «Дневнику писателя», 1881).

Это отношение уже вряд ли изменилось бы, если бы писатель не умер 28 января (9 февраля) 1881 г. накануне гибели царя, наставшей после седьмого по счёту и рокового покушения 1 (13) марта 1881 г.

Заключение

Несмотря на частные недостатки отечественного государственного развития, Ф. М. Достоевский верил в высшее предназначение русского самодержавия: быть Третьим и Последним Римом, расширяющим и укрепляющим свои границы ради спасения верных Богу народов вплоть до Конца Света. По мнению писателя, это богоданное предназначение всё время исправляет путь России, так что даже нелюбимый

им Пётр Первый, открыв страну всему миру, создал условия для небывалого ранее мощного расширения её державных границ и влияния: «через реформу Петра произошло расширение прежней же нашей идеи, русской московской идеи, получилось умножившееся и усиленное понимание её: мы сознали тем самым всемирное назначение наше» [3, т. XXIII, с. 46–47] (Дневник писателя, 1876). И даже нелюбимый писателем Петербург в этом поступательном развитии оказывается единым целым с Москвой: «Душа была единая и не только в этих двух городах, но в двух городах и во всей России вместе, так, что везде по всей России в каждом месте была вся Россия. ... Москва ещё третьим Римом не была, а между тем должно же исполниться пророчество, потому что “четвёртого Рима не будет”, а без Рима мир не обойдётся. А Петербург теперь больше чем когда-нибудь вместе с Москвой заодно» [3, т. XXIII, с. 6–7] (Дневник писателя, 1876).

Важнейшие шаги к осуществлению мировой власти России как Третьего и последнего Рима совершаются, по убеждению Ф. М. Достоевского, в ходе начавшейся в 1877 году войны с Турцией: теперь должны быть освобождены православные народы, прежде всего славяне, и бывшая столица Второго Рима – Константинополь – должна войти в состав России вместе с проливами. Такова суть «восточного вопроса», приведшего к войне, а решение этого вопроса открывает возможности для всемирного расширения русской державы: «Восточный вопрос есть исконная идея Московского царства, которую

Пётр Великий признал в высшей степени и, оставляя Москву, перенёс с собой в Петербург. Пётр в высшей степени понимал её органическую связь с русским государством и с русской душой. Вот почему идея не только не умерла в Петербурге, но прямо признана была как бы русским назначением всеми преемниками Петра. Вот почему её нельзя оставить и нельзя ей изменить. Оставить славянскую идею и отбросить без разрешения задачу о судьбах восточного христианства (NB. сущность Восточного вопроса) – значит всё равно что сломать и вдребезги разбить всю Россию, а на место её выдумать что-нибудь новое, но только уже совсем не Россию» [3, т. XXVI, с. 30] (Дневник писателя, 1877).

Согласно русской православной историософии Второй Рим пал во грехах своих под натиском османов, и поэтому отвоеванный Константинополь должен, по убеждению Ф. М. Достоевского, войти в состав русского Третьего Рима без восстановления своего столичного достоинства и без предоставления его под управление грекам или кому бы то ни было ещё: «Константинополь должен быть наш, завоёван нами, русскими, у турок и остаться нашим навеки. ... Константинополь есть центр восточного мира, а духовный центр восточного мира и глава его есть Россия» [3, т. XXVI, с. 83–84] (Дневник писателя, 1877).

Это пророчество о развитии России хотя и не сбылось тогда и до сих пор, но стало указанием дальнейшего пути.

Статья поступила в редакцию 26.02.2021.

ЛИТЕРАТУРА

1. Волкова Е. А. Исторические взгляды и деятельность Ф. М. Достоевского в 1840–1870 гг. // Ученые записки: электронный научный журнал Курского государственного университета. 2016. № 3 (39). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28280195> (дата обращения: 23.04.2021).
2. Гурьянова Н. С. О монархизме Достоевского // Гуманитарные науки в Сибири. 1998. № 2. С. 7–13.
3. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л., 1972–1990.
4. Достоевский Ф. М. Собрание сочинений: в 15 т. Т. 15. Л.: Наука, 1989–1996. Т. 15. С. 283.
5. Золотко О. В. Образ «Золотого Века» в творчестве Достоевского и его источники в творчестве Шиллера, Гёльдерлина, Новалиса // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2016. № 1. С. 119–125.
6. Иларион, митрополит. Слово о законе и благодати // Библиотека литературы Древней Руси / под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Понырко. Т. 1: XI–XII века СПб.: Наука, 1997. 543 с.

7. Казин А. Л. Достоевский как философ: русский взгляд [Электронный ресурс] // Ученые записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. 2020. № 3 (28). URL: <https://www.novsu.ru/univer/press/eNotes1/i.1086055/?id=1621332> (дата обращения: 23.04.2021).
8. Пращерук Н. В., Жарова А. И., Мошкова А. И. «Страстная седмица» М. В. Нестерова и «Братья Карамазовы» Ф. М. Достоевского: опыт сопоставления [Электронный ресурс] // Ученые записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. 2019. № 2 (20). URL: <https://www.novsu.ru/univer/press/eNotes1/i.1086055/?id=1506249> (дата обращения: 23.04.2021).
9. Степченкова В. Н. Образ Алёши Карамазова в контексте размышлений Ф. М. Достоевского о русском национальном характере [Электронный ресурс] // Ученые записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. 2019. № 2 (20). URL: <https://www.novsu.ru/univer/press/eNotes1/i.1086055/?id=1506854> (дата обращения: 23.04.2021).
10. Федорова Е. А., Шалина М. А., Капустина С. В. Проблема свободы в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» (по страницам учебной литературы) // Ученые записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. 2019. № 2 (20). URL: <https://www.novsu.ru/univer/press/eNotes1/i.1086055/?id=1505915> (дата обращения: 23.04.2021).
11. Шарakov С. Л., Дудкин В. В. Мотив покаяния в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» // Ученые записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. 2019. № 7 (25). URL: <https://www.novsu.ru/univer/press/eNotes1/i.1086055/?id=1575291> (дата обращения: 23.04.2021).

REFERENCES

1. Volkova E. A. [Historical views and activities of F. Dostoevsky in 1840-1870.]. In: *Uchenye zapiski: elektronnyi nauchnyi zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scholarly notes: electronic scientific journal of Kursk State University], 2016, no. 3 (39). Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28280195> (accessed: 04.23.2021).
2. Gur'yanova N. S. [About Dostoevsky]. In: *Gumanitarnye nauki v Sibiri* [Humanities in Siberia], 1998, no. 2, pp. 7–13.
3. Dostoevsky F. M. *Poln. sobr. soch.* [Full collection cit.]. Leningrad., 1972–1990.
4. Dostoevsky F. M. *Sobranie sochinenii* [Collected works]. Leningrad: Nauka Publ., 1989–1996. T. 15, pp. 283.
5. Zolot'ko O. V. [The image of the “Golden Age” in the works of Dostoevsky and its sources in the works of Schiller, Hölderlin, Novalis]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Russian Philology], 2016, no. 1, pp. 119–125.
6. Hilarion, Metropolitan. [A word about law and grace]. In: *Biblioteka li-teratury Drevnei Rusi. T. XI–XII veka* [Library of Literature of Ancient Rus. Vol. 1: XI–XII centuries.]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1997. 543 p. Available at: <http://lib2.pushkinskijdom.ru/tabid-4868> (accessed: 23.04.2021).
7. Kazin A. L. [Dostoevsky as a philosopher: a Russian view]. In: *Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Yaroslava Mudrogo* [Scientists notes of the Yaroslav the Wise Novgorod State University], 2020, no. 3 (28). Available at: <https://www.novsu.ru/univer/press/eNotes1/i.1086055/?id=1621332> (accessed: 04.23.2021).
8. Prashcheruk N. V., Zharova A. I., Moshkova A. I. [“Passion Week” by M. V. Nesterov and “The Brothers Karamazov” by F. M. Dostoevsky: an experience of comparison]. In: *Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Yaroslava Mudrogo* [Scientific notes of the Yaroslav the Wise Novgorod State University], 2019, no. 2 (20). Available at: <https://www.novsu.ru/univer/press/eNotes1/i.1086055/?id=1506249> (accessed: 04.23.2021).
9. Stepchenkova V. N. [The image of Alyosha Karamazov in the context of F. Dostoevsky]. In: *Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Yaroslava Mudrogo* [Academic notes of the Yaroslav the Wise Novgorod State University], 2019, no. 2 (20). Available at: <https://www.novsu.ru/univer/press/eNotes1/i.1086055/?id=1506854/> (accessed: 04.23.2021).
10. Fedorova E. A., Shalina M. A., Kapustina S. V. [The problem of freedom in the novel by F. Dostoevsky “Crime and Punishment” (through the pages of educational literature)]. In: *Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Yaroslava Mudrogo* [Scientific notes of the Yaroslav the Wise Novgorod State University], 2019, no. 2 (20). Available at: <https://www.novsu.ru/univer/press/eNotes1/i.1086055/?id=1505915> (accessed: 04.23.2021).
11. Sharakov S. L., Dudkin V. V. [The motive of repentance in the novel by F. Dostoevsky “The Brothers Karamazov”]. In: *Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Yaroslava Mudrogo* [Scientific notes of the Yaroslav the Wise Novgorod State University], 2019, no. 7 (25). Available at: <https://www.novsu.ru/univer/press/eNotes1/i.1086055/?id=1575291> (accessed: 04.23.2021).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Моторин Александр Васильевич – доктор филологических наук, профессор Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого;
e-mail: amotorin@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexander V. Motorin – Dr. Sci. (Philology), Prof., Yaroslav the Wise Novgorod State University;
e-mail: amotorin@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Моторин А. В. Достоевский о русском самодержавии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2021. № 3. С. 81–88.
DOI: 10.18384/2310-7278-2021-3-81-88

FOR CITATION

Motorin A. V. Dostoevsky on Russian Autocracy. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2021, no. 3, pp. 81–88.
DOI: 10.18384/2310-7278-2021-3-81-88

УДК 821.161.1.09 "18"

DOI: 10.18384/2310-7278-2021-3-89-95

РОМАН ДЖ. СТЕЙНБЕКА «ЗИМА ТРЕВОГИ НАШЕЙ» В АСПЕКТЕ ИДЕЙНО-ХУДОЖЕСТВЕННОГО ВОСПРИЯТИЯ «ПРЕСТУПЛЕНИЯ И НАКАЗАНИЯ» Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

Сохряков Ю. И.*Московский государственный областной университет**141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Определить влияние образа Раскольникова из романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» на создание образа Итана Хоули – героя романа американского писателя Дж. Стейнбека «Зима тревоги нашей».

Процедура и методы. Проанализирован корпус текстов. Исследование основывается на сравнительно-историческом и историко-генетическом методах, посредством которых выявляются сходства и различия между русским и американским романами, устанавливается генезис мотивов уязвленного самолюбия и относительности нравственных законов в романе Дж. Стейнбека «Зима тревоги нашей».

Результаты. Проведённый анализ показал, что образ Раскольникова может служить ключом к пониманию образа Итана Хоули, хотя каждый из них обладает только ему присущим рядом свойств. Если образ Раскольникова понимается как имеющий перспективу духовного перерождения, то образ героя Итана Хоули более ограничен, через него показано отношение человека, поставившего личные цели выше нравственной идеи и подчинившего в своём сознании законы мира духовного законам мира физического.

Теоретическая и/или практическая значимость. Обобщён новый материал по исследуемой теме. Результаты исследования могут быть применены при разработке курсов истории мировой литературы XX века и спецкурсов по творчеству Ф. М. Достоевского и Дж. Стейнбека.

Ключевые слова: взаимодействие русской и американской литературы, Дж. Стейнбек, духовно-нравственная проблематика, роман «Зима тревоги нашей», роман «Преступление и наказание», Ф. М. Достоевский

JOHN STEINBECK'S NOVEL "THE WINTER OF OUR DISCONTENT" IN THE ASPECT OF IDEOLOGICAL AND ARTISTIC PERCEPTION OF "CRIME AND PUNISHMENT" BY F. DOSTOEVSKY

Yu. Sokhryakov*Moscow State Regional University**24 Vera Voloshina ul. Moscow region, Mytishchi 141014, Russian Federation*

Abstract

Aim. To determine the influence of the image of Raskolnikov from the F. Dostoevsky's novel "Crime and Punishment" on creating the image of Ethan Hawley – the protagonist of the novel by American writer J. Steinbeck "The Winter of Our Discontent".

Methodology. The study is based on comparative historical and historical genetic methods, through which the similarities and differences between the Russian and American novels are revealed, the genesis of the motives of wounded pride and the relativity of moral laws in J. Steinbeck's novel "The Winter of Our Trouble" is established.

© CC BY Сохряков Ю. И., 2021.

Results. It is proved that the image of Raskolnikov can serve as a key to understanding the image of Ethan Hawley, although each of them possesses unique characteristics. If the image of Raskolnikov is understood as having the prospect of spiritual rebirth, the image of Ethan Hawley is more limited, through him the author shows the attitude of a person who has put personal objectives above the moral idea and subordinated in his consciousness the laws of the spiritual world to the laws of the physical world.

Research implications. The results of the research can be applied in the development of courses on the history of world literature of the twentieth century and special courses on the works of F. Dostoevsky and J. Steinbeck.

Keywords: F. Dostoevsky, J. Steinbeck, interaction of Russian and American literature, spiritual and moral issues, "The Winter of Our Trouble", "Crime and Punishment".

Введение

В XX в. реалистическая литература Запада продолжает художественное исследование «скрытого» характера мира, вскрывая его «замороженную» видимость и циничную внутреннюю сущность. Характерен в этом отношении роман Джона Стейнбека «Зима тревоги нашей» (1961), который представляет один из примеров художественного усвоения творческого кредо Ф. М. Достоевского, выразившегося в «идее нравственной ответственности человека перед обществом, ... верности правде жизни в её целесообразности и красоте» [1, с. 136]. Сам Стейнбек, говоря о главной теме каждого настоящего писателя – теме борьбы добра и зла с добром в человеческой душе, – признавался, что для него некоторые книги, написанные его предшественниками, были гораздо реальнее, чем жизненный опыт. К числу этих книг он относил, прежде всего, «Преступление и наказание» Достоевского, а затем – «Мадам Бовари» Г. Флобера, «Потерянный рай» Дж. Мильтона, романы Джордж Элиот и «Возвращение на родину» Томаса Харди. «Я читал их, – вспоминал писатель, – когда был очень молод, но я помню их не как книги, а как события, которые случились со мной» [15, р. 5]. В отечественном литературоведении проблема влияния художественного наследия Ф. М. Достоевского на творчество Дж. Стейнбека представляется практически не исследованным и носит постановочный характер [10], хотя нравственный аспект романа «Зима

тревоги нашей» и поднимался в работах В. С. Дворяшиной [3], Л. И. Жданова [5], О. И. Нефедова [7], О. Ю. Осьмухиной [8]. Духовно-нравственной проблематике творчества Дж. Стейнбека в целом посвящены значимые труды Dew Jason M. [13], Howlett S. [14], Timmerman J.H. [16].

Значение мотива уязвленного самолюбия в романах Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» и Дж. Стейнбека «Зима тревоги нашей»

В романе «Зима тревоги нашей» Дж. Стейнбека отчётливо звучит мотив ущемлённого человеческого самолюбия, столь характерный для героев Достоевского. Стейнбек, следуя заложенной Достоевским традиции «обнажать тёмные проявления человеческого духа» [9, с. 53], помещает Итана Аллена Хоули, главного героя своего романа, в пограничное состояние, «в крайние, невыносимые обстоятельства» [2, с. 146]. Итан Хоули неплохо вооружён, чтобы перенести систематический нажим окружающих, не уставших внушать ему, что богатым быть хорошо, а бедным быть плохо, что нужно пользоваться случаем и не терять того, что плывёт в руки. Возможно, он смог бы перенести терзания жены и упреки детей, но его постоянно мучила мысль о том, что он, Итан, хуже других, что его бедность – свидетельство неполноценности, душевной лени и инертности: «А что, если моё скромное служение бакалее, которому не видно конца, отнюдь не добродетель, а

следствие душевной лени? Успех требует отваги. Может, я просто робею, опасаясь, как бы чего не вышло, – словом, лениюсь?» [11, с. 64]. Эти сомнения всё чаще возникают в душе Итана, и ему хочется проверить, кто же он, – говоря словами из «Преступления и наказания»: «Тварь ли я дрожащая, или право имею» [4, с. 322]. Сможет ли он проявить достаточную силу духа и воли? Сможет ли проверить свои возможности, утвердить своё личностное достоинство? Общество, в котором он живёт, искушает его не прямо, а окольными путями, внушая коварную мысль: если ты не такой, как все, значит, ты неполноценный человек, тварь дрожащая, и грош тебе цена.

Размышляя о технологии предстоящего преступления, Итан Хоули, подобно Раскольникову, думает о том, почему преступления удаются лишь немногим людям, и приходит к убеждению, что люди при этом упускают нечто очень важное. «Что же они неизменно упускают из виду? Может быть, слабым местом является доброта? Марруло говорит, что деньги не имеют души. Не следует ли из этого, что для человека, имеющего дело с деньгами, доброта – всегда слабость?» [11, с. 41].

Итана Хоули волнуют теоретические вопросы, на первый взгляд не имеющие отношения к его жизненной практике: что такое доброта? что такое порядочность? не есть ли это – проявление слабой неустойчивости человека, его неприспособленности к жизни, результат каких-то дефектов в организме? Эти мысли не дают ему покоя, и он, как когда-то Раскольников, решает провести жестокий эксперимент, чтобы проверить себя. Итан решает доказать, что он способен не только на то, на что способны окружающие люди, но даже на нечто большее. И доказывает. В финале романа мистер Бейкер изумляется его деловой хватке, беззастенчивости и цинизму.

Тезис об относительности нравственных норм, связанных с конформистской психологией, находит у Итана Хоули подтверждение в размышлениях о недавнем историческом прошлом. «Я помню, когда

Гитлер без помех и препятствий победно шествовал по Европе, немало честных людей искали и находили в нём всяческие достоинства <...> А у Муссолини поезда стали ходить по расписанию, а коллаборационизм Виши служил на благо Франции...» [11, с. 125]. На основании наблюдений над реальной действительностью герой Стейнбека делает вывод о безнравственности людей, пытающихся снискать успеха: «Для большинства людей кто преуспел, тот всегда и прав» [11, с. 125]. Он заключает: «Сила и успех выше критики и выше морали. Выходит, важно не то, что делаешь, а то, как делаешь и как это называешь» [11, с. 125]. Делая свои циничные выводы, Итан Хоули сомневается во врождённой совести человека: «Есть ли в человеке такие внутренние силы, которые могут чем-то помешать, что-то осудить? Не похоже. Судят только за неудачу. Преступление, в сущности, лишь тогда становится преступлением, когда преступник попался» [11, с. 125].

Эта речь напоминает яростные обвинения Раскольникова, направленные против принципов современного ему общества: «И теперь я знаю, Соня: кто крепок и силен умом и духом, тот над ними и властелин! Кто много посмеет, тот у них и прав! Кто на большее может плюнуть, тот и всех правее! Так доселе велось и так всегда будет! Только слепой не разглядит» [4, с. 321]. Однако при внимательном рассмотрении оказывается, что высказывания Раскольникова продиктованы не высокими побуждениями, а прежде всего уязвлённым самолюбием, обусловленным «духовной слабостью человека» [6, с. 119]. Раскольников мучительно переживает, что ему самому не удалось стать одним из тех, кого он обличает, не удалось стать законченным «сверхчеловеком», которого не мучат угрызения совести и который может без сомнений и колебаний перешагнуть через нравственные преграды, стать богом, который не подлежит нравственному суду. Роман моделирует ситуацию абсурда: когда человек переживает не за то, что он совершает преступление, а за то, что

он сам себя эмоционально судит за него. Таким образом, человеческое ощущение недопустимости греха начинает восприниматься как атавизм. Так изощрённо проникают угрызения совести в душу и начинают разлагать её изнутри, обуславливая тем самым мучительную трагедию.

**Философия преступления
в романах Ф. М. Достоевского
«Преступление и наказание»
и Дж. Стейнбека «Зима тревоги нашей»**

Итан Хоули – не злодей по природе. Он – своеобразный философ. Преступление для него важно не само по себе, а лишь как средство решения терзающих его проблем. Вот почему, прежде чем решиться «переступить черту», Итан Хоули, как и Родион Раскольников, пытается найти оправдательные аргументы. Ведь он не просто кретиноподобный бандит, который не останавливается ни перед чем ради денег. Размышляя над моральной стороной предстоящего преступления, Итан думает: «Я временно поступил на привычными взглядами и нормами поведения, чтобы взамен обрести благополучие, чувство собственного достоинства и уверенность в будущем» [11, с. 135]. Но если Итан убеждает себя, что сделал преступление для блага близких («...ведь в самом деле моё чувство собственного достоинства зависело от их благополучия и уверенности в будущем» [11, с. 135]), то Раскольников руководствуется идеей, что он избавит мир от гадкого создания – старухи процентщицы. Если Итан направлен на частное преступление: «Но передо мной была лишь одна вполне определённая цель, и я знал, что, достигнув её, я вновь вернусь к прежним нормам поведения. Я не сомневался, что смогу это сделать. Ведь не сделала же война из меня убийцу, хотя какое-то время я убивал людей» [11, с. 135]), то Раскольников шёл дальше – он не считал своё идейное преступление преступлением, но не считал так только на уровне логики, тогда как его душа содрогалась от греха, он был не спокоен.

Мысль о том, что совершённое преступление можно впоследствии искупить, настойчиво преследует Итана, тогда как Раскольников не хочет видеть в преступлении – преступление. Если Итан видит вокруг себя массовое нарушение моральных устоев и потому считает, что и ему это дозволено («И когда кто-нибудь из наших преуспевающих дельцов достигал поставленных перед собой целей, ему ничего не стоило вернуться к своим прежним добродетелям, всё равно что сменить рубашку» [11, с. 64]), то герой Достоевского протестует против безнравственного мира – само его преступление есть протест. Если образ Раскольникова направлен на воплощение смысла крушения порочной идеи и возможности воскрешения человека, то «образ Хоули олицетворяет проблему человека, связанную с нравственным падением и разложением личности: именно тяга к деньгам, дух стяжательства и наживы незаметно развращают героя» [8, с. 48].

Герой Стейнбека даёт нравственную оценку миру делового предпринимательства: «И, насколько можно судить, он не терпел никакого морального ущерба, нарушив долг, – разумеется, при условии, что его не ловили за руку... Итак, мелкие грешки простительны, но почему же тогда не отпустить самому себе преступления, совершённого одним махом, смело, без сантиментов?..» [11, с. 64]. Он прекрасно осведомлён о том, что деловой мир Нью-Бэйтауна держится на этих нарушениях, не может существовать без них.

Мысль об относительности нравственных норм лишает Итана жизненной устойчивости. Утрата моральных ориентиров, в конечном счёте, низводит его до уровня сына Аллена, который без колебаний усваивает главную заповедь окружающего мира: цель оправдывает средства. Утратив твёрдые нравственные ориентиры, Итан уже не может влиять на сына и в результате пускает на самотёк его воспитание. И когда Аллен категорически заявляет: «Чего там, когда столько денег! Все так делают» [11, с. 186], – Итан ничего не может сказать. Ему нечего противопоставить этому

моральному, а вернее, аморальному заявлению. Мысль об относительности нравственных категорий приводит к тому, что Итан не только автоматически перестаёт быть главой семьи, не только теряет свой авторитет, но и, по сути дела, совершает духовное самоубийство. Финальный крах его самого, как и крах Аллена, есть закономерный результат потери нравственных критериев. В его семье воцаряются зависть, взаимная ненависть и вражда. И не так уж непредсказуем вывод Итана: «Это неправда, что есть содружество огней, единый мировой костёр. Всяк из нас несёт свой огонёк, свой собственный одинокий огонёк» [11, с. 188].

Примечательно, что решение так называемой «наполеоновской темы» в европейской и русской литературе прошлого века имело свои различия. Не случайно А. Мальро в XX в. говорит: «Познакомившись с Раскольниковым, мы уже не можем смотреть на Жюльена Сореля или Растиньяка теми же глазами» [14, р. 215]. Наполеоновский мотив в преломлении Достоевского лежит и в основе создания образа Итана Хоули, хотя образ Раскольникова сложнее, в нём больше духовных противоречий и есть вызов окружающему пороку, тогда как герой Стейнбека просто признаёт закономерность подчинения духовного мира физическому: «Если духовный мир, – заключает он, – подчинён тем же законам, что и мир вещей, значит, все относительно в этой относительной Вселенной – нравственность, нормы поведения, понятие греха» [11, с. 41]. И самое ужасное – это заключение героя: «Иначе быть не может. От этого никуда не денешься» [11, с. 41]. И в этом глубочайшая ошибка и трагедия личности Итана Хоули.

Заключение

По Достоевскому, тонко и остро улавливающему всю «сложность и долговременность изменения человеческой жизни к лучшему» [12, с. 280], внимание к своей индивидуальности, проявление своей воли может привести не к расцвету личности, а к её дегенерации и физической гибели. И это важное открытие невозможно не учитывать при анализе процессов, происходящих в западном искусстве XX в. Тезис о том, что цель оправдывает средства, выражает сущность бездуховного индивидуализма, и последствия реализации этого принципа в жизненной практике находились в центре внимания реалистов Запада. В XX в. вслед за Достоевским западные писатели открывают, что цель не может служить оправданием, ибо в противном случае повторяется трагедия Раскольникова, который надеялся искупить своё преступление массой добрых дел и облагодетельствовать человечество. Раскольников не подозревал, на какие душевные муки он себя обрекает. Убийство ничтожной процентщицы явилось тем самым негодным средством, которое приобщило его к миру зла, которое привело его к ощущению «разомкнутости и отъединённости от человечества», к мысли о том, что не старуху он убил, а самого себя. Роман Стейнбека «Зима тревоги нашей» – пример творческого усвоения уроков Достоевского. Русский гений помог Стейнбеку преодолеть натуралистические тенденции, биологическую концепцию жизни, осознать решающее значение этических ценностей.

Статья поступила в редакцию 10.03.2021.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алпатова Т. А., Киселева И. А. Человек – идеал – общество: проблемы аксиологии литературы // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2010. № 2. С. 136–141.
2. Анастасьев Н. А. Владелец Йокнапатофы (Уильям Фолкнер). М.: Книга, 1991. 416 с.
3. Дворяшина В. С. Библейские мотивы в романе Джона Стейнбека «Зима тревоги нашей» // Иностранные языки в Узбекистане. 2018. № 2 (21). С. 203–210.
4. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 6. Преступление и наказание. Л.: Наука, 1973. 426 с.

5. Жданова Л. И. «Зима тревоги нашей» Джона Стейнбека в СССР // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2016. № 1. С. 20–27.
6. Киселева И. А., Поташова К. А. Одежда у Н. М. Карамзина как примета исторического времени и национального характера // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2017. № 5. С. 113–121.
7. Нefeldова О. И. Взаимодействие света и тьмы в романе «Зима тревоги нашей» Дж. Стейнбека // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 8–2 (86). С. 247–251.
8. Осьмухина О. Ю. Проблема человека в романах Дж. Стейнбека «Гроздь гнева» и «Зима тревоги нашей» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 3–1 (81). С. 45–49.
9. Романов Ю. А. О традициях Ф. М. Достоевского в творчестве У. Фолкнера // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. 2015. № 5 (150). С. 52–56.
10. Сохряков Ю. И. Традиции Достоевского в восприятии Т. Вулфа, У. Фолкнера и Д. Стейнбека // Достоевский: материалы и исследования. Т. 4. / ред. Г. М. Фридлендера. Л.: Наука, 1980. С. 144–158.
11. Стейнбек Дж. Зима тревоги нашей. М.: АСТ, 2016. 188 с.
12. Ценностные основы национальной картины мира в русской литературе: монография / отв. ред., сост. И. А. Киселева; под ред. Т. А. Алпатовой, К. А. Поташовой, Л. И. Шевцовой. М.: ИИУ МГОУ, 2019. 312 с.
13. Dew J. M. Cold War Reflections in Travels with Charley: Steinbeck's New Americanist Evaluation of Intra-Imperialist America // Steinbeck Review. 2007. Spring. P. 49–63.
14. Howlett S. Dostoïevski, démon de Malraux. Paris: Classiques Garnier, 2015. 419 p.
15. Steinbeck and his critics: A record of twenty-five years: An anthology. USA: University of New Mexico Press, 1957. 310 p.
16. Timmerman J. H. John Steinbeck's Fiction: The Aesthetics of the Road Taken (Chapter 4) // The Essential Criticism of John Steinbeck's Of Mice and Men / ed. M. J. Meyer. Lanham, MD: Scarecrow Press, 2009. P. 104–110.

REFERENCES

1. Alpatova T. A., Kiseleva I. A. [Man–ideal–society: problems of the axiology of literature] In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of the Moscow state regional university. Series: Russian philology], 2010, no. 2, pp. 136–141.
2. Anastas'yev N. A. *Vladelets Yoknapatofy (Uil'iam Folkner)* [The owner of Yoknapatofa (William Faulkner)] Moscow, Kniga Publ., 1991. 416 p.
3. Dvoryashina V. S. [Biblical Motifs in John Steinbeck's novel The Winter of Our Anxiety]. In: *Inostrannyye yazyki v Uzbekistane* [Foreign languages in Uzbekistan], 2018, no 2 (21), pp. 203–210.
4. Dostoevsky F. M. *Polnoe sobranie sochinenij. T. 6. Prestupleniye i nakazaniye* [Complete works. Vol. 6. Crime and punishment]. Leningrad, Nauka Publ., 1973. 426 p.
5. Zhdanova L. I. [“Winter of our anxiety” by John Steinbeck in the USSR]. In: *Izvestiya Yuzhnogo federal'nogo universiteta. Filologicheskiye nauki* [Izvestiya Yuzhnogo federalnogo universiteta. Philological sciences], 2016, no 1, pp. 20–27.
6. Kiseleva I. A., Potashova K. A. [Clothing in N. Karamzin's works as a sign of historical time and national character] In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of the Moscow state regional university. Series: Russian philology], 2017, no 5, pp. 113–121.
7. Nefedova O. I. [Interaction of Light and darkness in the novel “Winter of Our Anxiety” by J. Steinbeck] In: *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki*. [Philological Sciences. Questions of theory and practice], 2018, no. 8–2 (86), pp. 247–251.
8. Osmukhina O. Yu. [The Problem of Man in Steinbeck's “Bunches of Anger” and “Winter of Our Anxiety”]. In: *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Questions of theory and practice], 2018, no. 3–1 (81), pp. 45–49.
9. Romanov Yu. A. [On the traditions of F. M. Dostoevsky in the works of W. Faulkner]. In: *Uchenyye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific Notes of Petrozavodsk State University], 2015, no. 5 (150), pp. 52–56.
10. Sokhryakov Yu. I. [Dostoevsky's Traditions in the perception of T. Wolfe, W. Faulkner, and others. Steinbeck]. Fridlender G. M. In: *Dostoyevskiy: materialy i issledovaniya. T. 4* [Dostoevsky: materials and research. Vol. 4], Leningrad, Nauka Publ., 1980, pp. 144–158.
11. Steynbek J. *Zima trevogi nashey* [Winter of our anxiety]. Moscow, AST Publ., 2016. 188 p.

12. Kiseleva I. A., ex. ed., comp. *Tsennochnyye osnovy natsional'noy kartiny mira v russkoy literature* [Value foundations of the national outlook in the Russian literature]. Moscow, MRSU Ed. off. Publ., 2019. 312 p.
13. Dew J. M. Cold War Reflections in Travels with Charley: Steinbeck's New Americanist Evaluation of Intra-Imperialist America. In: *Steinbeck Review*, 2007, pp. 49–63.
14. Howlett S. Dostoïevski, démon de Malraux. Paris, Classiques Garnier, 2015. 419 p.
15. Steinbeck and his critics: A record of twenty-five years. USA: University of New Mexico Press. 1957. 310 p.
16. Timmerman J. H. John Steinbeck's Fiction: The Aesthetics of the Road Taken (Chapter 4). In: Meyer M. J., ed. *The Essential Criticism of John Steinbeck's Of Mice and Men*. Lanham, MD, Scarecrow Press, 2009, pp. 104–110.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сохряков Юрий Иванович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской классической литературы Московского государственного областного университета;
e-mail: yuiv.sohryakov@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yuri I. Sokhryakov – Dr. Sci. (Philology), Prof., Department of Russian Classical Literature, Moscow Region State University;
e-mail: yuiv.sohryakov@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Сохряков Ю. И. Роман Дж. Стейнбека «Зима тревоги нашей» в аспекте идейно-художественного восприятия «Преступления и наказания» Ф. М. Достоевского // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2021. № 3. С. 89–95.
DOI: 10.18384/2310-7278-2021-3-89-95

FOR CITATION

Sokhryakov Y. I. John Steinbeck's Novel "The Winter of Our Discontent" in the Aspect of Ideological and Artistic Perception of "Crime and Punishment" by F. Dostoevsky. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2021, no. 3, pp. 89–95.
DOI: 10.18384/2310-7278-2021-3-89-95

УДК 821.161.1.09 "18"

DOI: 10.18384/2310-7278-2021-3-96-104

КОНЦЕПЦИЯ ЕВАНГЕЛЬСКОЙ ЛЮБВИ В РОМАНЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ»

Степченко В. Н.*Московский государственный областной университет**141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Обозначить точки корреляции философии любви Достоевского с Евангельским идеалом.

Процедура и методы. Проанализирован корпус текстов. В основу исследования положен аксиологический метод изучения литературы. Методология работы носит синтетический характер: стремясь к целостному пониманию творчества Достоевского и возводя во главу угла прямо выраженную им православную ценностную позицию, не выходя при этом за пределы научного дискурса, оставляя за художественной литературой право не быть догматизированным материалом.

Результаты. Проведённый анализ показал, что высшую форму любви Достоевский видел в христианстве, а любовь, которая не направляет мысли человека на вечную жизнь, по сути, является идеей или привязанностью друг к другу. Выявлены специфические свойства высшей любви в понимании Достоевского – это жертвенность, свобода, возрождающая сила, добро. Именно по этим критериям Достоевский отличает христианскую любовь от других видов любви.

Теоретическая и/или практическая значимость. Обобщён новый материал по исследуемой теме. Сделанные выводы позволяют уточнить особенности модели мира в романе Достоевского. Результаты исследования могут найти практическое применение при разработке курсов истории русской литературы XIX в.

Ключевые слова: любовь, христианство, жертвенность, добро, свобода, воскресение

THE CONCEPT OF GOSPEL LOVE IN THE NOVEL BY F. DOSTOEVSKY "THE BROTHERS KARAMAZOV"

V. Stepchenko*Moscow State Region University**24 Vera Voloshina ul., Moscow region, Mytishi 141014, Russian Federation*

Abstract

Aim. To identify the points of correlation between Dostoevsky's philosophy of love and the Gospel ideal.

Methodology. The research is based on the axiological method of studying literature. The methodology of the work is of a synthetic nature: striving for a holistic understanding of Dostoevsky's work and placing at the forefront of the Orthodox value position directly expressed by him, at the same time not going beyond the limits of scientific discourse, leaving fiction the right not to be dogmatized by material.

Results. It is determined that Dostoevsky saw the highest form of love in Christianity, and love, which does not direct a person's thoughts to eternal life, is essentially an idea or affection for each other. The specific properties of the highest love in the understanding of Dostoevsky are revealed - these are sacrifice, freedom, reviving power, good. It is by these criteria that Dostoevsky distinguishes Christian love from other types of love.

Research implications. The conclusions made allow us to clarify the features of the model of the world in Dostoevsky's novel. The research results can find practical application in the development of courses on the history of Russian literature of the 19th century.

Keywords: love, Christianity, sacrifice, good, freedom, resurrection

Введение

Русская литература в вершинных своих произведениях направлена «к осознанию и воплощению религиозного нравственного идеала» [17, с. 67], который достигает своего апогея в абсолюте Евангельской любви. Своим творчеством Достоевский знакомит читателя с различными проявлениями любви, но не каждое из них является истинной добродетелью, а только любовь христианская, на постижение которой и направляет писатель свой творческий гений, именно поэтому Д. С. Мережковский и назвал его «поэт Евангельской любви» [23, с. 127]. Актуальность настоящего исследования определяется не только научной значимостью, связанной с уточнением мировидения Достоевского, но и тем, что через его творчество происходит понимание «аксиологических координат русской жизни» [18, с. 7], в которой феномен любви имеет высокий онтологический статус. В романе «Братья Карамазовы» мотив любви, обладая сюжетобразующей и характерообразующей функцией, определяет ведущую проблематику произведения. Для Достоевского любовь – это «путь и способ истинного богопознания» [16, с. 187]. К теме любви в творчестве писателя обращались такие исследователи, как А. Е. Авдеева [1], А. А. Алексеев [2; 3], Н. А. Бердяев [6], А. Т. Германович [8], С. И. Гессен [9], А. А. Жарова [12], К. В. Зенин [14], Иустин (Попович) [16], Н. О. Лосский [20], Т. Г. Магарил-Ильяева [21, 22] и др.

Земные ипостаси любви в романе «Братья Карамазовы»

Герои романа Достоевского испытывали друг к другу совершенно разные чувства. В отношениях мужчины и женщины встречаются такие виды любви, как любовь-жалость, любовь-сострадание, любовь-страсть, любовь-долг, любовь-уважение – все эти формы выражения тесно переплетаются между собой и не всегда имеют чёткие границы. Так, например, Катерина Ивановна любит не Митю, а, по его собственным словам, «свою добродетель» [10, т. 14, с. 108]. Иван говорит, что она любит «собственный

подвиг и собственное горе» [10, т. 16, с. 173], в нём она любит лишь предмет своего «вечного, тяжёлого и утрюмого, может быть, но неустанного долга» [10, т. 14, с. 173]. Чувства к Ивану Карамазову у Катерины Ивановны коренятся в «уважении» [9, с. 314]. На примере Дмитрия Карамазова можем наблюдать любовь-страсть. Рассматривая отношения Грушеньки и Самсонова, можно говорить о любви-уважении. Есть и другие отношения, которые могут явить новые виды любви: Грушенька и пан Муссялович (любовь-страдание), Григорий и Марфа Кутузовы (любовь-послушание), Николай Ильич и Арина Петровна Снегирёвы (любовь-жалость). Во всех этих видах любви есть отблеск Евангельской любви, ведь такие категории, как долг, послушание, страдание, жалость, страсть, если они движимы желанием добра ближнему, не противоречат Новозаветному пониманию любви. В романе есть описание отношений, которые стремятся превзойти свой земной характер и приблизиться к Божественной, безусловной любви. Например, в начале романа Алёша говорил, что Дмитрий «презирает» Грушеньку [10, т. 14, с. 74], и сам Митя называл её «шельмой» [10, т. 14, с. 109] и «подлой» [10, т. 14, с. 96], но дальше их отношения перерастают в высокое чувство: «Тебя люблю, тебя одну, в Сибири буду любить» [10, т. 14, с. 399]. Любовь к Мите пришла неожиданно как дар Божий (1Иоан. 4: 7 «Любовь от Бога»). Митины слова о том, что он будет любить и в Сибири соответствуют Евангельскому определению любви о том, что она «долготерпит», «никогда не перестаёт», «всё покрывает», «всё переносит» (1Кор. 13: 4–8). Снегирёв «глубоко» и «нежно» любил свою слабоумную и обезноженную супругу [22, с. 882]. Любовь Николая Ильича Снегирёва всё переносила, долготерпела, не раздражалась, всего надеялась и никогда не переставала (1Кор. 13: 4–8). Эти отношения являются отражением Евангельской любви, правда, «отчасти», «как бы сквозь тусклое стекло» (Иоан. 3: 16, 1Иоан. 4: 8), потому что полноту любви являет нам Христос и, только приближаясь к Нему, можем познавать, что есть любовь.

Идея гуманистической любви в «Легенде о Великом инквизиторе»

Другой вид любви, который встречается в романе, – гуманистический. Иван в поэме о Великом инквизиторе неоднократно говорит, что он любит человечество: «Всю жизнь свою любивший человечество» [10, т. 14, с. 238], «проклятый старик, столь упорно и столь по-своему любящий человечество» [10, т. 14, с. 239]. Но, в отличие от христианства, основное требование гуманизма – удовлетворение материальных потребностей, по воззрениям которого человек принадлежит к животному царству, что и прослеживаем в разговоре инквизитора: главной его задачей было дать «хлеб насущный» человечеству, чтобы «стадо» было «послушным и трепещущим» [10, т. 14, с. 230]. Но самому Достоевскому было чуждо данное понимание полноценной жизни. В «Дневнике писателя» он говорил о подобной категории людей, что они похожи на животных, которые живут, чтобы «жрать, да спасть, да гадить, да сидеть на мягком» [10, т. 24, с. 47]. О человеческом счастье без истинной Любви Достоевский говорит так: «Если исказишь Христову веру, соединив её с целями мира сего, то <...> взгляд христианства на человечество понижается до взгляда как бы на звериное стадо, и под видом социальной любви к человечеству является уже незамаскированное презрение к нему» [10, т. 15, с. 198]. Великий инквизитор не имел любви к людям, более того, Достоевский называет его безнравственным человеком уже потому, что в его «сердце и в его совести могла ужиться идея о необходимости сожигать людей» [10, т. 27, с. 56–57]. У инквизитора была лишь одна идея порабощения человеческой свободы через удовлетворения насущных нужд. «Великий инквизитор – человек идеи, он – аскет, он свободен от желаний низменных материальных благ» [6, с. 196]. Иван также признавался в любви к человечеству: «не хочу гармонии, из-за любви к человечеству, не хочу» [10, т. 14, с. 223], но и он являлся человеком идеи без любви, имея благие намерения установить гармонию во всем мире. В тайных помыс-

лах своих пожелал смерти своего дурного и безобразного отца Фёдора Павловича, он вдохновил Смердякова и поддержал его преступную волю, явился духовным убийцей Карамазова-старшего. Дмитрий про него сказал: «У Ивана Бога нет, у него идея» [10, т. 15, с. 32]. Достоевский показывает, что идеи, лишённые любви, в своей сути ложные. Такие идеи «приятные для европейского гуманизма, но, в сущности, глубоко лживые» [2, с. 135]. Гуманистические идеи часто заходят в тупик, ведь как мы можем быть уверенными в пользе того добра, которое мы совершаем? Спасая одного, я, может быть, врежу кому-нибудь другому. Гуманистическая любовь «служит целям именно индивидуального человека» [21, с. 289]. Поэтому, о какой бы любви ни шла речь, её можно подвести под мысль Достоевского: любовь к человеку и к человечеству является безбожной, если она не направлена на вечную, бессмертную жизнь, а всё остальное в сути прикрепление людей друг к другу, чтобы «было не так страшно жить человеку, потерявшему веру в Бога и бессмертие» [6, с. 131–132]. Желание человека быть прикреплённым друг к другу свидетельствует о поиске любви. Но прикрепление из «страха» не может заменить истинную любовь. Н. А. Бердяев писал, что в этом «виде» любви есть и сострадание, и человеколюбие, но они «антихристианские» и «обманчивые», «не от Смысла бытия, а от бессмыслицы бытия» [6, с. 131–132]. Философ полагал: «В безбожной любви человек отрекается от своей духовной природы, от своего первородства, он предаёт свою свободу и бессмертие» [6, с. 132]. Истинная любовь может быть только к Богу и, что соответственно, в свободе.

Нравственный идеал любви

Понимая эфемерность человеческих чувств, писатель главным образом интересовался любовью-агапе, божественной, жертвенной, вечной. Н.А. Бердяев утверждал: «Христианство есть религия любви. И Достоевский принял христианство прежде всего как религию любви» [6, с. 129].

Именно Христианство как воплощение высшей идеи даёт силу любить и придаёт ей смысл: без Бога «человек тотчас спросит: «для чего мне любить человечество?» [11, с. 610]. Пример высшей любви в романе нам являет Христос: через поцелуй Христа в бескровные уста Великого инквизитора Достоевский хотел выразить идею о том, что Он любит любого человека, в том числе и того, кто его не любит. Р. Ф. Ирмагиллов говорил, что в этом поцелуе, «в этом единственном ответе ... заключён акт абсолютной любви» [15, с. 177]. Для своего спасения человечество нуждается в такой высшей любви, как самый большой ребёнок нуждается в самой большой материнской любви. «В любви человек вдруг обнаруживает, находит себя бытийствующим» [14, с. 210]. Такую любовь являют в романе «Братья Карамазовы» Зосима и Алёша. Зосима является учителем любви, а Алёша воплощением деятельной любви.

Несмотря на всё «шутовство», которое демонстрировал Фёдор Павлович на встрече в монастыре, неуважение, которое проявлял Миусов и Иван, Зосима высказывает приветливость, кротость, смирение, в нём нет ни капли раздражения или обиды. Так же и Алёша. Отец с ним груб: «Знал, что ты тотчас притащишься» [10, т. 14, с. 157], а Алёша к нему с добром: «Как вы раздражительны. Это вы со вчерашнего; пошли бы вы да легли ... Не злой вы человек, а исковерканный» [10, т. 14, с. 158]. Снегирёв паясничает перед Алёшей: «А вы думали я высеку-с? Что я Илюшечку возьму да сейчас и высеку пред вами для вашего полного удовлетворения? ...» [10, т. 14, с. 182]. Алёша отвечает ему искренним желанием помочь. Ракитин желает Алёше духовного падения, но Алёша и на него не держит обиды: «Ах, Ракитин, уверяю тебя, я и забыл об этом, – воскликнул Алёша, – сам ты сейчас напомнил» [10, т. 14, с. 325]. Лиза его дразнит, а он готов на ней жениться. А. С. Разумов говорит: «Любить. Да, надо любить человека ... Другого пути нет. Вы можете его строго выговаривать, сечь, отдавать в солдаты, даже отправить на каторгу, но ... исправляет только лю-

бовь. Об этом учит Христос и вслед за Христом именно эту истину собирался повторить Достоевский в романе «Братья Карамазовы» [26]. У Алёши и Зосимы получается любить людей, несмотря на их недостатки, грехи, независимо от внешних обстоятельств. Митрополит Антоний (Сурожский) говорил, что «любить человека надо не за его добродетели», а просто потому, что он «велик и так прекрасен сам по себе» – эта безусловная любовь – «единственный способ возродить человека» и «дать возможность раскрыться в полноте» [4, с. 27].

Достоевский убеждён, что наличие веры и любви необходимо не только отдельной личности, но и обществу, т. к. вера в Бога даёт нравственность и хранит порядок [10, т. 26, с. 165]. Отсутствие веры в Бога губительно для общества, об этом говорит чёрт в кошмаре Ивана: «По-моему и разрушать ничего не надо, а надо всего только разрушить в человечестве идею о Боге, вот с чего надо приняться за дело!» [10, т. 15, с. 83]. В фантастическом рассказе «Бобок» Достоевский показывает процесс разложения безбожного мира. Но где взять формулу устройства нравственного общества? Эту формулу нам даёт религия. Писатель говорит о том, что любая нация начинается с нравственности, переходящей в религию [10, т. 26, с. 165], а истинная религия для писателя было христианство именно в его православном изводе, где образ Христа сохранился неповреждённым. В Православии Достоевский видел основу единой, всеобщей любви, объединяющей и сохраняющей Россию, ту нравственную силу, которая способна «внести в общественную жизнь гармонию и мир» [13, с. 181]. Через «русского инок» Зосиму писатель проповедует православные ценности, образ Христов, чистоту Божьей правды и вместе с этим надежду на нравственное совершенствование и спасение человека.

Причастность к Православию ещё не гарантирует наличие высшей любви в человеке. Иногда православие подменяется «голой обрядностью, церковными чинам

и должностями, а также сведением всего к умелой и изощрённой цитатности» [2, с. 136]. В романе писатель показывает разных представителей православия: от чело-веколюбивого Алёши до «опасного» отца Ферапонта [24, с. 953] и «семинариста-карьериста» Ракитина [10, т. 14, с. 71] – в последних нет любви к другому.

Жертвенность и свободный характер абсолютной любви

Любовь у Достоевского всегда подразумевает готовность к жертве, именно через «уподобление Христу в жертвенной любви» происходит «обожение» человека [3, с. 151]. Любовь, «покорная Богу», «желающая ближнему того же, что и себе», предполагает «жертвенное и сострадательное отдавание себя» ради любимого объекта [8, с. 24]. От любви далёк чистый гуманизм, который есть сверхидея, придуманная человеком, где в центре стоит человек, а не Бог. «Основание жизни на автономном гуманизме, в котором человек самоограничивается и своим центром не имеет Бога, есть облагороженный эгоизм и поэтому в итоге приводит к разрушению как человеческой личности, так и общества в целом» [7, с. 216]. Иван Карамазов был движим эгоизмом: в основе его абстрактной любви ко всему человечеству был свой интерес: если Бога сделать виноватым в устройстве мира, можно снять с себя ответственность, оправдать зло и жить по принципу «всё позволено». «Источником» жертвенной любви «является Бог» [1, с. 6].

Значимое отличительное качество христианской любви – свобода. Христос не только может любить в свободе, он даёт эту свободу, и «жаждет от людей свободной любви» [10, т. 14, с. 233]. Христос противопоставлен в поэме Великому инквизитору, который пытается захватить власть, лишив человека свободы. Религия Христа есть «религия свободы» и любви, «свободной любви» между Богом и людьми [6, с. 34]. Не удивительно, что именно Христос, утверждающий подлинную свободу и наделяющий человека этой свободой, становится главным еретиком для инквизитора.

Добро как плод абсолютной любви

Отличительное свойство высшей любви – это наличие возрождающей силы, благодаря которой Достоевский даёт шанс воспринять многим своим персонажам, будь то молодой Зосима, таинственный незнакомец, Алёша после трагического для него дня в главе «Тлетворный дух». Эта же сила возродила Митю от сладострастия к большой любви и желанию пострадать за дитя. Словом, «воскресить духовно погибающего человека можно только любовью» [3, с. 147]. Эта любовь в итоге поможет и нам «восстать из мёртвых, и ожить, и увидеть опять друг друга, и всех» [10, т. 15, с. 197]. По словам преп. Иустина (Поповича), «любовь бессмертит человека, вводит ... то, что есть *совершенное*, что никогда не умрёт, что делает личность вечной» [16, с. 195, курсив Поповича. – В. С.].

Видимое проявление любви в человеке, плод любви – это добро, которое он несёт окружающим. Добро – это и есть деятельная любовь, то есть любовь, имеющая конкретные дела и видимые результаты. Человек, желая выразить ближнему деятельную любовь, не ограничивается советами и рассуждениями, он жертвует своим временем и силами. Многие исследователи в раскрытии понятий о любви и добре ставят их рядом, подчёркивая синонимичность: «высшее проявление любви – это деятельная любовь» [9, с. 314], «высшая ступень добра» – «добро как любовь» [20, с. 281], «у всех людей ... хранится связь с Богом [при этом «Бог есть любовь» (1Иоан. 4: 7) – В. С.], как с абсолютным добром» [20, с. 282]. Для самого Достоевского категория добра была основополагающей в его жизни и в отношениях с окружающими. Современники вспоминают о нём как о «человеке беспредельной доброты» [19, с. 13], его доброта была «из ряда выдающаяся» [19, с. 12], «счастье для него представляет возможность сделать какое-либо добро» [19, с. 14]. Будучи сам «бесконечно добр» [19, с. 13], писатель был склонен показывать проявление доброго начала у всех персонажей. «Достоевский не произносит

суда над грешником, потому что видит в человеке образ Божий и искру Божью как залог его возрождения и спасения» [25, с. 61], – размышляет Осипов. Достоевский показывает, что, несмотря на нечистоту первородного греха, с которой человек некогда был соотнесён, в нём живёт частица Бога.

Заключение

Как в жизни писателя, так и в его произведениях понятия любви и добра играли первостепенную роль, их источником является Высшая идея: совокупность веры в Бога и веры в бессмертие души. «Я объявляю, – пишет Достоевский, – что любовь к человечеству даже совсем немыслима и совсем невозможна без совместной веры в бессмертие души человеческой» [10, т. 24, с. 49, курсив Достоевского. – В. С.]. Следовательно, вера в бессмертие помогает правильному формированию ценностной парадигмы, даёт силу и побуждает человека к деятельной любви.

Любовь является наиглавнейшим признаком, по которому можно узнать истинную христианскую личность» [16, с. 209], отсутствие её пагубно как для отдельного человека, так и для общества. Догматические основы для своей веры писатель брал в Православии «как наиболее древней и чистой форме христианства» [2, с. 137]. Поэтому в своём творчестве Достоевский постоянно «двигался в сторону Православия» [2, с. 134] и в романе «Братья Карамазовы» прославил «глубину и богатейшую духовность Восточной Церкви, воплотив её в плоть и кровь своих персонажей» [27, с. 141]. Таким образом, «к реальному познанию Вечной Истины приходят путём обретения любви» [16, с. 186], и Достоевский показал этот путь в романе «Братья Карамазовы», благодаря своей «способности прозревать истинную сущность бытия за пеленой нашего мира» [22, с. 126].

Статья поступила в редакцию 10.03.2021.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авдеева А. Е. Образ «деятельной любви» в понимании Ф. М. Достоевского // Актуальные вопросы филологической науки XXI века: сборник статей VI Международной научной конференции молодых учёных. Екатеринбург: Издательство УМЦ УПИ, 2017. С. 6–10.
2. Алексеев А. А. Ф. М. Достоевский как православно ориентированный духовный реалист: реалист «в высшем смысле» // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. 2017. № 3 (35). С. 131–138.
3. Алексеев А. А., Алексеева Е. Ю. Творчество Ф. М. Достоевского как художественное воплощение Евангельской любви // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. 2018. № 2 (38). С. 146–152.
4. Антоний (Сурожский), митр. Таинство любви. Беседы о христианском браке. СПб.: Сатисъ, 1994. 60 с.
5. Баталова Т. П. Стихийная страсть, рождающая безверие, и христианская сострадательная любовь в романе Ф. М. Достоевского «Идиот» // Сборник материалов научно-богословской конференции кафедры филологии Московской духовной академии «Таинство слова и образа». 2019. С. 230–242.
6. Бердяев Н. А. Миросозерцание Достоевского. Прага: The YMCA PRESS Ltd., 1923. 238 с.
7. Георгий (Капсанис), архим. Бог стал человеком, чтобы человек стал Богом / пер. В. Петров. М.: ДАРЪ, 2008. 240 с.
8. Германович А. Т., Дорофеева Л. Г. Любовь-страсть и любовь-жертва в романе Ф. М. Достоевского «Идиот» // Дни науки – 2018: сборник статей: научное электронное издание. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36918630> (дата обращения: 12.02.2021).
9. Гессен С. И. Трагедия добра в «Братьях Карамазовых» Достоевского // Современные записки. 1928. Кн. 35. С. 308–338.
10. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.
11. Достоевский Ф. М. Записная тетрадь (1876–1877) // Литературное наследство. Т. 83. М.: Наука, 1971. С. 517–666.
12. Жарова А. А. «Деятельная любовь» в понимании Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого (на материале анализа Достоевским образа Левина) // Вестник Московского государственного гуманитарного университета имени М. А. Шолохова. Филологические науки. 2012. № 3. С. 5–10.

13. Звозников А. А. Достоевский и православие: предварительные заметки // Проблемы исторической поэтики. 1994. № 3. С. 179–191.
14. Зенин К. В. Идеал любви в творчестве Ф. М. Достоевского // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2010. № 13 (56). С. 209–219.
15. Исмагилов Р. Ф. Добро и зло в философии права Ф. М. Достоевского // Юридическая наука: история и современность. 2017. № 10. С. 173–178.
16. Иустин (Попович), преп. Философия и религия Ф. М. Достоевского. Мн.: Издательство Д. В. Харченко, 2007. 312 с.
17. Киселёва И. А. Этика М. Ю. Лермонтова и её религиозные основания // Вестник Поморского университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2010. № 3. С. 66–72.
18. Киселёва И. А. Ценностные основы национальной картины мира в русской литературе: монография / отв. ред., сост. И. А. Киселева. М.: ИИУ МГОУ, 2019. 312 с.
19. Лосский Н. О. Достоевский и его христианское миропонимание. Нью-Йорк: Издательство имени Чехова, 1953. 395 с.
20. Лосский Н. О. Бог и мировое зло. М.: Республика, 1994. 432 с.
21. Магарил-Ильяева Т. Г. Ф. М. Достоевский и Вл. Соловьёв: смысл любви // Литература и религиозно-философская мысль конца XIX – первой трети XX века. К 165-летию Вл. Соловьёва: сборник трудов. М., 2018. С. 287–295.
22. Магарил-Ильяева Т. Г. Богословие Достоевского в понимании Бердяева // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2020. № 3 (11). С. 117–139.
23. Мережковский Д. С. Акрополь: Избранные литературно-критические статьи. М.: Книжная палата, 1991. 351 с.
24. Наседкин Н. Н. Достоевский. Энциклопедия. М.: Самиздат, 2003. 1837 с.
25. Осипов А. И. Достоевский и христианство // Журнал московской патриархии. Художественная литература. 1997. № 1. С. 56–64.
26. Разумов А. С. Лучше ли мы жителей Женевы? [Электронный ресурс] // Журнал русской культуры Москва. Перечитывая классику. 2017. URL: http://www.moskvam.ru/applications/application4/application4_18.html (дата обращения: 11.02.2021)
27. Сальвестрони С. Библийские и святоотеческий источники романов Достоевского. СПб.: Академический проект, 2001. 192 с.

REFERENCES

1. Avdeeva A. E. [The image of “active love” in the understanding of F. Dostoevsky]. In: *Aktual'nye voprosy filologicheskoy nauki XXI veka* [Topical issues of philological science of the XXI century]. Ekaterinburg, UMC UPI Publ., 2017, pp. 6–10.
2. Alekseev A. A. [F. M. Dostoevsky as an Orthodox-oriented spiritual realist: a realist “in the highest sense”]. In: *Vestnik Shadrinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of Shadrinsk State Pedagogical University], 2017, no.3 (35), pp. 131–138.
3. Alekseev A. A., Alekseeva E. Yu. [F. Dostoevsky's work as an artistic embodiment of Gospel love]. In: *Vestnik Shadrinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of Shadrinsk State Pedagogical University], 2018, no. 2 (38), pp. 146–152.
4. Antonij (Surozhskij), mitr. *Tainstvo lyubvi. Besedy o hristianskom brake* [The sacrament of love. Conversations about Christian marriage]. St. Petersburg, Satis Publ., 1994. 60 p.
5. Batalova T. P. [Spontaneous passion, giving birth to unbelief, and Christian compassionate love in F.M. Dostoevsky's “The Idiot”]. In: *Tainstvo slova i obraza: sbornik materialov nauchno-bogoslovskoj konferencii kafedry filologii Moskovskoj duhovnoj akademii* [The Sacrament of the Word and the Image: Collection of materials of the scientific and theological conference of the Department of Philology of the Moscow Theological Academy], 2019, pp. 230–242.
6. Berdyaev N. A. *Mirosozercanie Dostoevskogo* [Dostoevsky's worldview]. Prague, The YMCA PRESS Ltd. Publ., 1923. 238 p.
7. Georgij (Kapsanis), arhim. *Bog stal chelovekom, chtoby chelovek stal Bogom* [God became man so that man could become God]. Moscow, DAR Publ., 2008. 240 p.
8. Germanovich A. T., Dorofeeva L. G. [Love-passion and love-sacrifice in the novel by F. M. Dostoevsky “The Idiot”]. In: *Dni nauki – 2018* [Days of Science – 2018: scientific electronic journal]. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36918630> (accessed: 12.02.2021)

9. Gessen S. I. [The Tragedy of Good in Dostoevsky's The Brothers Karamazov]. In: *Sovremennye zapiski* [Modern scrapbook], 1928, vol. 35, pp. 308–338.
10. Dostoevsky F. M. *Polnoe sobranie sochinenij* [Complete works]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990.
11. Dostoevsky F. M. [Notebook (1876–1877)]. In: *Literaturnoe nasledstvo. T. 83* [Literary legacy. Vol. 83] Moscow, Nauka Publ., 1971. pp. 517–666.
12. Zharova A. A. [“Active love” in the understanding of F. M. Dostoevsky and L. N. Tolstoy (based on the analysis of Dostoevsky's image of Levin)]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo humanitarnogo universiteta im. M. A. Sholohova. Filologicheskie nauki* [Bulletin of the Moscow State Humanitarian University. M.A. Sholokhov. Philological sciences], 2012, no. 3, pp. 5–10.
13. Zvoznikov A. A. [Dostoevsky and Orthodoxy: preliminary notes]. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [Problems of Historical Poetics]. 1994, no. 3. pp. 179–191.
14. Zenin K.V. [The ideal of love in the works of F. Dostoevsky]. In: *Vestnik RGGU. Seriya: Filosofiya. Sociologiya. Iskusstvovedenie* [Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: Philosophy. Sociology. Art history], 2010, no. 13 (56), pp. 209–219.
15. Ismagilov R. F. [Good and evil in the philosophy of law F. M. Dostoevsky]. In: *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost* [Legal Science: History and Present], 2017, no. 10, pp. 173–178.
16. Iustin (Popovich), prep. *Filosofiya i religiya F. Dostoevskogo* [Philosophy and religion of F. Dostoevsky]. Minsk, D. V. Harchenko Publ., 2007. 312 p.
17. Kiselyova I. A. [Etika of M. Yu. Lermontov and her religious foundations]. In: *Vestnik Pomorskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i socialnye nauki* [Bulletin of the Pomeranian University. Series: Humanities and Social Sciences], 2010, no. 3, pp. 66–72.
18. Kiselyova I. A. *Cennostnye osnovy nacional'noj kartiny mira v russkoj literature* [The value foundations of the national picture of the world in Russian literature]. Moscow, MRSU Ed. off. Publ., 2019. 312 p.
19. Losskij N. O. *Dostoevskij i ego hristianskoe miroponimanie* [Dostoevsky and his Christian worldview]. New York, Izdatel'stvo imeni Chekhova Publ., 1953. 395 p.
20. Losskij N. O. *Bog i mirovoe zlo* [God and the world's evil]. Moscow, Respublika Publ., 1994. 432 p.
21. Magaril-Il'yaeva T. G. [F. M. Dostoevsky and Vladimir Soloviev: the meaning of love]. In: *Literatura i religiozno-filosofskaya mysl' konca XIX – pervoj treti XX veka. K 165-letiyu Vl. Solov'eva* [Literature and religious-philosophical thought of the late 19th - first third of the 20th century. To the 165th anniversary of V. I. Solovyova]. Moscow, 2018, pp. 287–295.
22. Magaril-Il'yaeva T. G. [Dostoevsky's theology as understood by Berdyaev]. In: *Dostoevskij i mirovaya kul'tura. Filologicheskij zhurnal* [Dostoevsky and world culture. Philological journal]. 2020, no. 3 (11), pp. 117–139.
23. Merezhkovskij D. S. *Akropol': Izbrannye literaturno-kriticheskie stat'i* [Acropolis: Selected Literary Critics]. Moscow, Knizhnaya palata Publ., 1991. 351 p.
24. Nasedkin N. N. *Dostoevskij. Enciklopediya* [Dostoevsky. Encyclopedia]. Moscow, Samizdat Publ., 2003. 1837 p.
25. Osipov A. I. [Dostoevsky and Christianity]. In: *Zhurnal moskovskoj patriarii. Hudozhestvennaya literatura* [Journal of the Moscow Patriarchate. Fiction], 1997, no. 1, pp. 56–64.
26. Razumov A.S. [Are we better than the inhabitants of Geneva?]. In: *Zhurnal russkoj kul'tury Moskva. Perechityvaya klassiku* [Journal of Russian Culture Moscow. Rereading the classics], 2017. Available at: http://www.moskvam.ru/applications/application4/application4_18.html (accessed: 12.02.2021).
27. Sal'vestroni S. *Biblejskie i svyatootecheskij istochniki romanov Dostoevskogo* [Biblical and patristic sources of Dostoevsky's novels]. St. Petersburg, Akademicheskij proekt Publ., 2001. 192 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Степченкова Валентина Николаевна – аспирант кафедры русской классической литературы Московского государственного областного университета;
e-mail: st_valentina007@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Valentina N. Stepchenkova – Postgraduate student, Department of Russian Classical Literature, Moscow Region State University;
e-mail: st_valentina007@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Степченкова В. Н. Концепция Евангельской любви в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2021. № 3. С. 96–104.
DOI: 10.18384/2310-7278-2021-3-96-104

FOR CITATION

Stepchenkova V. N. The Concept of Gospel Love in the Novel by F. Dostoevsky "The Brothers Karamazov". In: *Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: Russian Philology*, 2021, no. 3, pp. 96–104.
DOI: 10.18384/2310-7278-2021-3-96-104

УДК 82

DOI: 10.18384/2310-7278-2021-3-105-114

«ЛЕГИОН ИМЯ МНЕ»: ЕЩЁ РАЗ К ВОПРОСУ О «МУРАВЕЙНИКАХ» ДОСТОЕВСКОГО

Сытина Ю. Н.*Московский государственный областной университет**141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Раскрыть метафорические смыслы «муравейника» в художественной и концептуальной картине мира Достоевского во взаимосвязи с культурно-историческим контекстом.

Процедура и методы. Проанализирован корпус текстов. Путём рассмотрения традиции метафорического словоупотребления «муравейников» в русской и западноевропейской литературе уточнена генеалогия «муравейников» Достоевского, посредством анализа художественных произведений, статей, записных книжек писателя сделаны выводы о смысловой наполненности «муравейников» в его творчестве.

Результаты. Проведённый анализ показал, что «муравейник» у Достоевского упоминается и как метафора множественности и ничтожности людей, и как образ-концепт логично, «научно» устроенного общества, овнешняющего и редуцирующего человеческую личность. Оба эти словоупотребления были и до Достоевского как в западноевропейской, так и в русской литературе, но именно у него «муравейник» приобретает концептуальное значение. Для Достоевского принципиально важно отличие коллективизма как основополагающего принципа социального «муравейника» от христианской соборности как первоосновы братского единения людей во Христе.

Теоретическая и / или практическая значимость. Обобщён новый материал по исследуемой теме. Проведённое исследование позволяет уточнить концептуальную значимость «муравейников» в творчестве Достоевского, показать художественное воплощение мировоззренческих споров писателя с прогрессивистски настроенными современниками, отрицающими христианское понимание личности. Результаты могут быть использованы при дальнейшем изучении творчества писателя, в курсе преподавания истории русской литературы XIX в., а также для расширения комментариев при переиздании сочинений Достоевского.

Ключевые слова: интерпретация, коллективизм, образы муравья и муравейника, соборность, традиция

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-90043.

MY NAME IS LEGION: ONCE AGAIN TO THE QUESTION OF DOSTOEVSKY'S ANTHILLS

Yu. Sytina*Moscow State Region University,**24 Very Voloshinoy ul., Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation*

Abstract

Aim. The article reveals the metaphorical meanings of the anthill in the artistic and conceptual picture of the world of Dostoevsky in conjunction with the cultural and historical context.

Methodology. The article examines the tradition of metaphorical word use of *anthills* in Russian and Western European literature, specifies the genealogy of Dostoevsky's *anthills*. Analysis of works of art, articles, notebooks of the writer allows us to draw conclusions about the meanings of *anthills* in his work.

Results. Dostoevsky mentions the *anthill* both as a metaphor for the plurality and insignificance of people, and as an image-concept of a logical, *scientifically* organized society. This approach reduces and diminishes the human personality. Both of these word usage existed before Dostoevsky in Western European and Russian literature, but it is from him that the anthill acquires conceptual meaning. Dostoevsky distinguishes in principle collectivism as the basic principle of the social *anthill* and Christian conciliarity as the basis of fraternal unity of people in Christ.

Research implications. This study clarifies the conceptual significance of *anthills* in Dostoevsky's work, shows the artistic embodiment of the writer's worldview disputes with contemporaries who advocated progress, materialism and denied the Christian understanding of personality. The results can be used in the further study of the writer's work, in the course of teaching the history of Russian literature of the 19th century, as well as for expanding comments when republishing Dostoevsky's works.

Keywords: images of an ant and an anthill, tradition, interpretation, collectivism, collegiality

Acknowledgments. The reported study was funded by RFBR, project number 18- 012-90043.

Введение

Муравьи и муравейники издавна занимали воображение мыслителей и поэтов. Людям вообще свойственно сравнивать друг друга или себя самих с насекомыми: трудолюбивый, как пчела, лентяй-трутень, паук-кровопийца, ничтожная вошь, мотылёк, летящий на огонь, беспечная стрекоза, и, наконец, трудолюбивый муравей и искусный муравейник. Но с последним, однако, всё оказывается непросто, и апологии муравьёв и муравейника противостоит полное их неприятие, что, впрочем, не новость для читателей Достоевского, раз за разом ополчавшегося на муравейники.

Наиболее подробно эту проблему осветил В. В. Дудкин в статье с характерным названием «“Муравейник” у Достоевского (От метафоры к концепту)» [12]. Учёный аргументированно пишет о том, что именно «у Достоевского происходит беспрецедентное расширение спектра разнородных, но уже только очень масштабных явлений европейской культуры, из которых он выстраивает синонимический ряд “муравейников»» [12, с. 152], «муравейник» у Достоевского можно назвать «концептом-образом» [12, с. 154]. Неизменно особого примечания удостоиваются «муравейники» Достоевского в собраниях сочинений

писателя [см.: 3, с. 371; 5, с. 387; 9, с. 369] или в отдельных комментариях к ним [25]. Яркая эмоциональная окраска и концептуальная значимость «муравейников» у Достоевского зачастую побуждает учёных так или иначе откликаться на их появление в тексте произведений, даже если предмет исследовательской рефлексии не связан этой темой [см.: 15, с. 255; 23, с. 163; 24, с. 120–121]. Принципиально важным при объяснении или интерпретации «муравейников» Достоевского неизменно оказывается общекультурный контекст, без которого невозможно понять, чем же так пришлось не по сердцу писателю эти маленькие насекомые.

Судьбы муравьёв и муравейников в мировой культуре и русской литературе до Достоевского

Сравнение человека с муравьём берёт свои истоки в древности, и изначально (если говорить о европейской культуре) – в книге «Притч Соломоновых», греческой мифологии, баснях Эзопа – воспринималось оно сугубо положительно [12, с. 148–149]. Но с XVII в. «новый образ человека оттеснил традиционное и неизменно позитивное качество муравья – трудолюбие – и актуализировал его “малость” в семантическом окружении и совпадении этой

“малости” с заурядностью, посредственностью, обезличенностью, “массовостью”. Произошло замещение «метафоры муравья (пусть обобщённого типа, но всё же единственного), метафорой муравьиной массы, муравейника» [12, с. 152].

Именно в таком виде вошла эта метафора в творчество Достоевского. Истоки её у русского писателя исследователи устанавливают в философской повести Вольтера «Микромегас» и в «Жане Сбогаре» Шарля Нодье [см.: 5, с. 387; 25, с. 300–301]. В качестве «символа ничтожества человека» муравейник предстаёт также в «Разбойниках» Шиллера [12, с. 148]. Б. Н. Тихомиров указывает, что этот образ был и в русской литературе: в «Борисе Годунове» Пушкина и в «Призраках» Тургенева [25, с. 300–301].

Как метафора многочисленности и ничтожности людей муравейник появляется у Достоевского в первой же публикации – переводе «Евгении Гранде» Бальзака. Причём у самого Бальзака нет сравнения общества с муравейником [12, с. 147] – оно оказывается переводческой вольностью Достоевского, в этом, как и в ряде других случаев, стремившегося предать французскому оригиналу большей экспрессивности. В «Записках из мёртвого дома» раскопанный муравейник станет метафорой острога, взбудораженного известием о побеге нескольких заключённых. В «Преступлении и наказании» Раскольников возжаждет власти «над всею дрожащею тварью и над всем муравейником» [4, с. 253]. Примеры подобного метафорического упоминания муравейника у Достоевского можно множить, в том числе за счёт его литературно-критических работ (см., например: [8, с. 158]).

Но в названных случаях муравейник упоминается просто как метафора. Концептуальную значимость он обретает в «Зимних заметках о летних впечатлениях», попадая в смысловое поле напряжённой полемики Достоевского (шире – журналов «Время» и «Эпоха», издаваемых братьями Достоевскими) с прогрессистскими и революционными направлениями в общественной и литературной мысли 1860-х

гг. – прежде всего, с «Современником», Н. Г. Чернышевским, М. Е. Салтыковым-Щедриным.

Можно назвать общепризнанным (см.: [3, с. 371]) тот факт, что, создавая грандиозный образ муравейника в «Зимних заметках...», Достоевский полемически откликается на рассуждения героев сочинения Г. Э. Лессинга «Эрнст и Фальк. Разговоры для масонов», обширные цитаты из которого приведены Н. Г. Чернышевским в работе «Лессинг, его время, его жизнь и деятельность» (1856–1857). В диалоге Эрнста и Фалька об идеальном устройстве государства муравейник осмысливается как недостижимый идеал свободного общества, где «нет никакого общего управления», «каждый умеет управлять самим собою» [26, с. 209] и добровольно трудится во имя общего блага. Этот идеал восхитил Чернышевского, впоследствии создавшего грандиозный утопический образ гармоничной жизни людей будущего (а в «настоящем» – мастерскую Веры Павловны), устроенной наподобие муравейника.

Чернышевский в сформулированной им теории «разумного эгоизма», призванной заместить собою «старую» христианскую мораль, во многом развивает философские и этические традиции эпохи Просвещения. В русской литературе порою адептом этой философии (во всяком случае, в её «назидательной» части) называют В. Ф. Одоевского (ср.: «просветитель», в главном сохранивший верность традициям русской дидактической сатиры, обличающей и поучающей» [17, с. 18]). В то же время именно Одоевского можно назвать предшественником Достоевского в полемике с просвещенческим «гуманистическим» взглядом на человека, причём также использовавшим образ муравья (последнее, насколько нам известно, пока не было отмечено исследователями, тогда как вообще к вопросу о важности Одоевского для Достоевского учёные обращались не раз [18; 20]). Одоевский пишет не о муравейнике, но об одном муравье, однако качества этого «героя» обличают в нём типичного представителя просве-

тительского «муравейника». Так, о басне Лафонтена про стрекозу и муравья Фауст в «Русских ночах» размышляет: «Обрати мораль этой басни в правило, последуй за его приложениями, и ты дойдёшь до того, что, по строгой логике, больного отнюдь не должно лечить: “он болен, следственно он виноват, следственно должен быть наказан!”» [19, с. 184]. Эта басня как «выражение господствующей теории» XVIII в. («чего, верно, и в голову не приходило добродушному Лафонтену»), согласно Фаусту, лишает человека права раскаяния – важнейшего права в христианской картине мира, столь значимого для многих героев как Достоевского, так и Одоевского.

С детской непосредственностью о жестокости муравья и о жалости к стрекозе выскажется мудрая неземной мудростью Софья в повести Одоевского «Косморама». С наивностью рассуждая о том, что «понимать книги очень трудно», героиня приводит в пример своего опекуна, который «очень любил басню “Стрекоза и Муравей” ... всегда приговаривал: ай да молодец муравей!». «А мне, – добавляет героиня, – всегда бывало жалко бедной стрекозы и досадно на жестокого муравья. Я уже многим говорила, нельзя ли попросить сочинителя, чтобы он переменил эту басню, но над мной все смеялись» [19, с. 353–354]. Узнав же, что Лафонтен «умер ещё до французской революции», Софья делает неожиданный для рассказчика вывод: «То, что вы называете французскою революциею, непременно должно было произойти от басни “Стрекоза и Муравей”» [19, с. 354].

Характерно, что в обоих случаях Одоевский отсылает читателя не к парафрастическому перетолкованию И. А. Крылова, но к французской версии Лафонтена. Возможно, Одоевский чувствовал, что в русской версии «мораль» выражена не столь однозначно, о чём аргументированно пишет И. А. Есаулов: «Как будто бы “мораль” так прозрачна, что недаром же басня входила во все советские хрестоматии, иллюстрируя известный принцип – “Кто не работает, тот не ест”.

Однако какой на самом деле её поэтический смысл? ... отказ Муравья в милости является одновременно вызовом христианскому милосердию и словно бы отречением от этой традиции, в финале звучит вовсе не авторское поучение, а голос героя, “муравьиная” правда, но эта “правда” – “правда” муравья-фарисея» [14, с. 19; см. также: 13, с. 50–59]. Любопытно в этой связи и наблюдение В. В. Дудкина, который, отмечая, что «на муравьиную трудовую педагогику спрос сохранился на протяжении веков вплоть до И. А. Крылова и десятилетий советской эпохи», в примечании приводит свидетельство Л. С. Выготского, согласно которому иногда «советским детям “казалась очень чёрствой и непривлекательной мораль муравья, и всё их сочувствие было на стороне стрекозы”» [12, с. 149].

Муравейники Достоевского: «легион имя мне» (Мк. 5: 8–9)

Выше уже обозначив случаи метафорического появления «муравейника» у Достоевского, мы не будем останавливаться на них подробнее, а сосредоточимся на том «образе-концепте», который создаёт писатель в художественных произведениях и в публицистике. Не ставя цели привести и прокомментировать исчерпывающий перечень такого упоминания муравейников в художественной прозе, публицистике, заметках и письмах Достоевского, мы сосредоточимся на наиболее репрезентативных, на наш взгляд, примерах, отдавая предпочтение тем, которые не были или пока были мало прокомментированы исследователями. Важной задачей будет показать, какую же альтернативу социальному муравейнику предпочитал Достоевский.

Но в начале обзора невозможно пройти мимо уже упомянутого и хорошо известного образа муравейника, созданного Достоевским в «Зимних заметках о летних впечатлениях». Описывая подавляющее впечатление от всемирной выставки в Лондоне, от множества снующего туда-сюда народа, множества, в котором теряется

личность, невольно чувствуя собственную малость и ничтожность в этом легионе, рассказчик пишет о носящейся в воздухе подавляющей мысли «вырвать с мясом из себя все желания и надежды, проклясть своё будущее, в которое не хватает веры, может быть, у самих предводителей прогресса, и поклониться Ваалу» [3, с. 69]. Вселенский масштаб происходящего задаётся его соотносённостью с библейской историей: «Это какая-то библейская картина, что-то о Вавилоне, какое-то пророчество из Апокалипсиса, в очию совершающееся. Вы чувствуете, что много надо вековечного духовного отпора и отрицания, чтоб не поддаться, не подчиниться впечатлению, не поклониться факту и не обоготворить Ваала, то есть не принять существующего за свой идеал...» [3, с. 70]. А вместе с тем властители умов провозглашают именно идеал муравейника, в котором «всеобщезападное личное начало», т. е. христианская сущность человека, обречена на смерть, её предрекает «необходимость хоть как-нибудь ужиться вместе, хоть как-нибудь составить общину и устроиться в одном муравейнике; хоть в муравейник обратиться, да только устроиться, не поедая друг друга – не то обращение в антропофаги!» [3, с. 69].

О «муравьином» идеале современно-го общества едко пишет и парадоксалист «Записок из подполья», иронично отмечая невозможность для людей его реализации: «Вот муравьи совершенно другого вкуса. У них есть одно удивительное здание в этом же роде, навеки нерушимое, – муравейник. С муравейника достопочтенные муравьи начали, муравейником, наверно, и кончат, что приносит большую честь их постоянству и положительности. Но человек существо легкомысленное и неблагоприятное и, может быть, подобно шахматному игроку, любит только один процесс достижения цели, а не самую цель. И кто знает (поручиться нельзя), может быть, что и вся-то цель на земле, к которой человечество стремится, только и заключается в одной этой непрерывности процесса достижения, иначе сказать – в самой жизни, а не

собственно в цели, которая, разумеется, должна быть не иное что, как дважды два четыре, то есть формула, а ведь дважды два четыре есть уже не жизнь, господа, а начало смерти» [3, с. 118–119]. В скобках можно заметить, что $2 \times 2 = 4$ у Достоевского становится своего рода эмблемой непреложности неких рациональных «истин» (см.: [16; 21; 22]), как и идея «муравейника», овнешняющих человека.

Как «начало смерти» «муравейник» лондонской всемирной выставки осмысливается и в «Зимних записках...», автор которых, восстаивая на подобное «*овнешняющее обесценивание*» (курсив автора. – Ю. С. [1, с. 74]) личности, также размышляет о том, сколь чуждо оно человеческой природе, замечая, что человеку тяжело отдать и «самую капельку его личной свободы для общего блага, самую, самую капельку»: «И ведь на воле бьют его, работы ему не дают, умирает он с голоду и воли у него нет никакой, так нет же, всё-таки кажется чудаку, что своя воля лучше. ... далеко ещё человеку до муравейника!» [3, с. 81].

Идеал «муравейника» становится для Достоевского синонимом идеала легиона, и в подобном мироощущении писатель не был одинок. «Последний романтик» А. А. Григорьев размышлял о том, что Н. В. Гоголь и В. Ф. Одоевский отметили важную сторону «всеобщей болезни» – «это власть творимой силы множества над всяким и каждым» [2, с. 117]. И далее критик дал следующее определение «силы множества»: «Что же такое эта тёмная, то есть неизвестная, никому не ведомая сила, которая подчиняет себе всё посредством швей и портных, уравнивает всё за картами, на господство которой восстают Гоголь и Одоевский? Сила эта – легион, “множество”, – как некогда сама она ответила Божественному Учителю» [2, с. 117].

Именно в легион превращаются люди в апокалиптической картине лондонской выставки у Достоевского, и именно против такого превращения, столь любезного «господам социалистам», восстаёт писатель, для которого коллективизм как основополагающий принцип социально-го «муравейника» в корне отличается от

соборности как первоосновы «братского окончательного согласия всех племён по Христову евангельскому закону» [11, с. 148; см. подр. 15, с. 254–255].

Об этом различии, в частности, Достоевский размышляет в «Дневнике писателя» в некрологе, посвящённом Жорж Занд (так у Достоевского). Она «умерла деистой», но «была, может быть, одною из самых полных исповедниц Христовых, сама не зная о том». И далее Достоевский делает акцент на христианской сущности социализма французской романистки, состоящей в том, что «свои убеждения, надежды и идеалы» она основывала «на нравственном чувстве человека, на духовной жажде человечества, на стремлении его к совершенству и к чистоте, а не на муравьиной необходимости». Для Достоевского отличие Жоржа Занда от новейших социалистов состоит именно в вере в человеческую личность: писательница «возвышала и раздвигала представление о ней всю жизнь свою – в каждом своём произведении и тем самым совпадала и мыслю, и чувством своим с одной из самых основных идей христианства, то есть с признанием человеческой личности и свободы её (а стало быть, и её ответственности)» [9, с. 37]. Но при таком воззрении на человека необходимо признать и важность самоограничения, духовной работы личности над собой. В одной из записных книжек Достоевский так размышляет на этот счёт: «Если любить друг друга, то ведь сейчас достигнешь. Чтoб любить друг друга, нужно бороться с собой, – говорит церковь. Атеисты кричат: измена природе. Бремена тяжкие, тогда как это лишь наслаждение» [10, с. 164]. Проводя глубокий анализ совершенно иного понимания человеческой природы Достоевским (как проповедником христианского взгляда на человека) и материалистами, Б. Н. Тарасов размышляет о том, что, согласно русскому писателю, вера в построение «социального муравейника», как и в «вера в науку, деньги, свои собственные силы, государство, нацию, гражданское общество, цивилизацию, прогресс» [23, с. 163] порождалась в грани-

цах «тёмной основы нашей природы» – в области, охваченной первородным грехом.

Развитие и расцвет атеизма и социализма Достоевский связывал с постулатами и политикой римской церкви, ещё до социалистов провозгласившей: «не рассуждать, слушаться, и будет муравейник» [10, с. 164]. Выразителем этого «гуманного» взгляда на человека в художественном мире Достоевского становится Великий инквизитор Ивана Карамазова, упрекающий Христа за то, что Он переоценил природу человека и своими завышенными запросами к нему обрёк его, по сути, на «обращение в антропофаги». Отнюдь не Христос, но Его искusstель в пустыне оказывается для инквизитора подлинным «гуманистом», действительно думающим о благе человека: «Приняв этот третий совет могучего духа, – упрекает представитель римской церкви Христа, – Ты восполнил бы всё, чего ищет человек на земле, то есть: пред кем преклониться, кому вручить совесть и каким образом соединиться наконец всем в бесспорный общий и согласный муравейник, ибо потребность всемирного соединения есть третьё и последнее мучение людей» [6, с. 234–235]. И далее Великий инквизитор развивает собственную программу сделать из девяти десятых людей подобие муравейника, и тем их наконец осчастливить – программу, уже знакомую читателям Достоевского, хотя и под другим – социалистическим – «соусом», по шигалевщине в «Бесах». Это «переформатирование» изначально призванных Богом к соборной любви людей в соответствии с «советом» «могучего духа», особенно в свете эпиграфа к «Бесам» об исцелении гадаринского бесноватого, из коего Христос изгоняет «легион» бесов, оказывается равносильным превращению самих людей в «легион»: созданный из них «муравейник» предстаёт уже не просто как бездушная машина, но как inferнальный, одержимый бесовскими силами механизм. В самом романе «Бесы» темы легиона и муравьёв смыкаются прямо, хотя и не непосредственно: эпиграф об изгнании «легиона» бесов из одержимого ими человека,

который в конце романа прямо будет соотнесён Верховенским-старшим с либералами и революционерами, сочетается с тем, что сходки «наших» происходят на Муравьиной улице.

Что же касается «поэмы» Ивана Карамазова, в связи с ней возникает ещё одна «муравьиная» параллель. Алёша задаётся вопросом: уж не масон ли Иван (вспомним, муравейники и масоны сближались и в цитированном выше сочинении Лессинга)? Это предположение в конце романа подтвердит и Дмитрий [7, с. 32]. Подобное сближение инквизиции и масонства происходит главным образом через общий для них идеал «муравейника». В записной книжке Достоевский напишет про масонство: «Право, мне мерещилось всегда, что у них какая-то тайна, адово разумение, тайна муравья. Но такая тайна равносильна обращению человека в муравья, коли дан разум» [10, с. 162]. И далее писатель вновь развивает важную для него мысль о необходимости свободы для человека, который «не захочет муравьиного гнезда», не потерпит «ограничения личности», даже и для хлеба [10, с. 162].

Заключение

Таким образом, муравейник у Достоевского упоминается и как метафора множественности и ничтожности людей, и как образ-концепт логично, «научно» устроенного общества. Оба эти употребления слова были и до Достоевского, как в западноевропейской, так и в русской литературе, но именно у него муравейник приобретает концептуальное значение. Рациональный подход к человеку, редуцирование его личности, в которой мерцает Лик Божий, до биологического типа «усиленно сознающей мыши» [3, с. 104], овнешнение, стремление научно обосновать необходимость сведения богатства человеческой жизни к логическому муравейнику, где всё будет ясно прописано, как $2 \times 2 = 4$, были для Достоевского неприемлемы.

В то же время писатель отнюдь не был индивидуалистом, как, например, Жан

Сбогар Ш. Нодье, также возражавший на социальные «муравейники» его времени. Неизбежно построенному на ограничении свободы личности и на насилии над ней коллективизму «муравейника» Достоевский противопоставлял соборное единение людей во Христе, основанное на добровольном и согласном союзе, где каждый готов положить душу за други своя, – чувстве, которое писатель считал высшим проявлением личности (см. подр.: [23, с. 159–160]). Недаром в художественном мире «Братьев Карамазовых» мрачной картине «счастливого» муравейника, нарисованной Иваном, противостоит мотив все нарастающего братства между людьми, апофеозом которого становится речь Алёши у камня перед двенадцатью мальчиками (см. подр.: [15, с. 263]).

Завершая обзор «муравьиной» темы у Достоевского, стоит отметить: было бы ошибочно думать, что писатель испытывал какую-то личную неприязнь к муравьям. Муравьи, когда их не навязывают в качестве образца человеку, выступают у Достоевского как часть Божьего мира и «великой тайны» его: «Всякая-то травка, всякая-то букашка, муравей, пчёлка золотая, все-то до изумления знают путь свой, не имея ума, тайну Божию свидетельствуют, непрерывно совершают её сами» [6, с. 267], – в восхищении перед неисповедимостью Божьего промысла о мире говорит старец Зосима. В комментариях эти размышления Зосимы соотносят с «повествованием о монахе Оптиной пустыни, отце Палладии» [7, с. 566]. Но любопытно, что в этом первоисточнике именно муравьёв-то и нет (ср.: «Пойдёт, например, иногда он в лес: всему удивляется, каждой птичке, мушке, травке, листику, цветочку» [7, с. 566]). Так и муравьи в художественной картине мира Достоевского занимают в конце концов достойное место, но то место, которое предопределено им Богом, а не «господами социалистами».

Статья поступила в редакцию 08.04.2021.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского // Бахтин М. М. Собр. соч.: в 7 т. Т. 6. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 6–300.
2. Григорьев А. А. Гоголь и его последняя книга // Русская эстетика и критика 40–50-х годов XIX века. М.: Искусство, 1982. С. 106–125.
3. Достоевский Ф. М. Полное собр. соч.: в 30 т. Т. 5. М.: Из-во АН СССР, 1973. 407 с.
4. Достоевский Ф. М. Полное собр. соч.: в 30 т. Т. 6. М.: Из-во АН СССР, 1973. 423 с.
5. Достоевский Ф. М. Полное собр. соч.: в 30 т. Т. 7. М.: Из-во АН СССР, 1973. 416 с.
6. Достоевский Ф. М. Полное собр. соч.: в 30 т. Т. 14. М.: Из-во АН СССР, 1975. 511 с.
7. Достоевский Ф. М. Полное собр. соч.: в 30 т. Т. 15. М.: Из-во АН СССР, 1976. 624 с.
8. Достоевский Ф. М. Полное собр. соч.: в 30 т. Т. 21. М.: Из-во АН СССР, 1980. 551 с.
9. Достоевский Ф. М. Полное собр. соч.: в 30 т. Т. 23. М.: Из-во АН СССР, 1981. 423 с.
10. Достоевский Ф. М. Полное собр. соч.: в 30 т. Т. 24. М.: Из-во АН СССР, 1982. 518 с.
11. Достоевский Ф. М. Полное собр. соч.: в 30 т. Т. 26. М.: Из-во АН СССР, 1984. 518 с.
12. Дудкин В. В. Муравейник у Достоевского (от метафоры к концепту) // *Sub specie tolerantiae*. Памяти В. А. Туниманова. СПб.: Наука, 2008. С. 147–154.
13. Есаулов И. А. Парафраз и становление новой русской литературы (постановка проблемы) // Проблемы исторической поэтики. 2019. Т. 17. № 2. С. 30–66.
14. Есаулов И. А. Словесность русского века между ratio Просвещения и православной традицией // Проблемы исторической поэтики. 2013. Вып. 11. С. 7–26.
15. Есаулов И. А. Пасхальность русской словесности. 2-е изд., доп. Магадань: Новое Время, 2020. 480 с.
16. Захаров В. Н. Сколько будет дважды два, или неочевидность очевидного в поэтике Достоевского // Вопросы философии. 2011. № 4. С. 109–114.
17. Маркович В. М. Петербургские повести Н. В. Гоголя. Л.: Художественная литература, 1989. 208 с.
18. Назиров Р. Г. Владимир Одоевский и Достоевский // Русская классическая литература: сравнительно-исторический подход. Исследования разных лет: сб. ст. Уфа: РИО БашГУ, 2005. С. 37–41.
19. Одоевский В. Ф. Русские ночи: Роман. Повести. Рассказы. Сказки. М.: Эксмо, 2007. 640 с.
20. Сытина Ю. Н. В поисках «положительно прекрасного» героя: князь Мышкин Ф. М. Достоевского и Сегелиель В. Ф. Одоевского // Проблемы исторической поэтики. 2021. Т. 19. № 1. С. 173–193.
21. Сытина Ю. Н. «Дважды два – математика. Попробуйте возразить»: возражения Достоевского и русской классики // Достоевский и мировая культура: альманах. Вып. 36. СПб.: Серебряный век, 2018. С. 47–55.
22. Сытина Ю. Н. О некоторых особенностях «арифметики» Достоевского // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2019. Т. 20. № 2. С. 287–299.
23. Тарасов Б. Н. *Tertium non datur*: к вопросу о месте и значении творчества Ф. М. Достоевского в мировом историко-культурном процессе // Русская классическая литература в мировом культурно-историческом контексте. М.: Индрик, 2017. С. 153–222.
24. Тарасова Н. А., Жилевич О. И. Проблема интертекстуальных связей в «Зимних заметках о летних впечатлениях» Ф. М. Достоевского // Научный диалог. 2012. № 8. С. 113–127.
25. Тихомиров Б. Н. «Лазарь! гряди вон». Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» в современном прочтении: книга-комментарий. СПб.: Серебряный век, 2005. 472 с.
26. Чернышевский Н. Г. Лессинг, его время, его жизнь и деятельность // Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений: в 15 т. М.: Гос. изд. художественной литературы, 1948. С. 5–221.

REFERENCES

1. Bakhtin M. M. [The Problems of Dostoevsky's Poetics]. In: Bakhtin M. M. *Sobranie sochineniy*. T. 6 [Bakhtin M. M. Collected Works. Vol. 6]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2002, pp. 6–300.
2. Grigoriev A. A. [Gogol and his last book]. In: *Russkaya estetika i kritika 40–50-h godov XIX veka* [Russian aesthetics and criticism of the 40–50s of the XIX century]. Moscow, Art Publ., 1982, pp. 106–125.
3. Dostoevsky F. M. *Polnoe sobr. soch.* T. 5 [Complete collection cit. Vol. 5] Moscow, Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR, 1973. 407 p.
4. Dostoevsky F. M. *Polnoe sobr. soch.* T. 6 [Complete collection cit. Vol. 6] Moscow, Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR, 1973. 423 p.
5. Dostoevsky F. M. *Polnoe sobr. soch.* T. 7 [Complete collection cit. Vol. 7] Moscow, Publishing house of

- the Academy of Sciences of the USSR, 1973. 416 p.
6. Dostoevsky F. M. *Polnoe sobr. soch. T. 14* [Complete collection cit. Vol. 14] Moscow, Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR, 1975. 511 p.
 7. Dostoevsky F. M. *Polnoe sobr. soch. T. 15*. [Complete collection cit. Vol. 15]. Moscow, Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR, 1976. 624 p.
 8. Dostoevsky F. M. *Polnoe sobr. soch. T. 21* [Complete collection cit. Vol. 21]. Moscow, Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR, 1980. 551 p.
 9. Dostoevsky F. M. *Polnoe sobr. soch. T. 23* [Complete collection cit. Vol. 23]. Moscow, Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR, 1981. 423 p.
 10. Dostoevsky F. M. *Polnoe sobr. soch. T. 24* [Complete collection cit. Vol. 24]. Moscow, Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR, 1982. 518 p.
 11. Dostoevsky F. M. *Polnoe sobr. soch. T. 26*. [Complete collection cit. Vol. 26]. Moscow, Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR, 1984. 518 p.
 12. Dudkin V. V. [Dostoevsky's anthill (from metaphor to concept)]. In: *Sub specie tolerantiae. Pamyati V. A. Tunimanova* [Sub specie tolerantiae. In memory of V.A. Tunimanov]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2008. pp. 147–154.
 13. Esaulov I. A. [Paraphrasis and the Establishment of the New Russian Literature (To the Problem Statement)]. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics], 2019, vol. 17, no. 2, pp. 30–66.
 14. Esaulov I. A. [The Russian Literature of the 18th Century: Between the Ratio of Enlightenment and the Orthodox Tradition]. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics], 2013, Iss. 11, pp. 7–26.
 15. Esaulov I. A. [Easter Colours in Russian Philology]. Magadan, New Time Publ., 2020. 480 p.
 16. Zakharov V. N. [What is Two Times Two? Or When the Obvious Is Anything but Obvious in Dostoevsky's Poetics]. In: *Voprosy filosofii* [Philosophy questions], 2011, no. 4, pp. 109–114.
 17. Markovich V. M. *Peterburgskie povesti N. V. Gogolya* [Petersburg stories by N. V. Gogol]. Leningrad, Fiction Publ., 1989, 208 p.
 18. Nazirov R. G. [Vladimir Odoevsky and Dostoevsky]. In: *Russkaya klassicheskaya literatura: sravnitel'no-istoricheskii podkhod. Issledovaniya raznykh let* [Russian Classical Literature: a Comparative Historical Approach. Studies of Different Years]. Ufa, Bashkir State University Publ., 2005, pp. 37–41.
 19. Odoevsky V. F. *Russkie nochi: Roman. Povesti. Rasskazy. Skazki* [Russian Nights: A Novel. Stories. Stories. Fairy tales]. Moscow, Eksmo Publ., 640 p.
 20. Sytina, Yu. N. [In Search of a “Positively Excellent” Hero: Prince Myshkin by F.M. Dostoevsky and Segeliel by V.F. Odoevsky]. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [Problems of historical poetics], vol. 19, no. 1, pp. 173–193.
 21. Sytina Yu. N. [“Two and Two Is Mathematics. Try to Argue”: The Objections of Dostoevsky and of the Russian Classics]. In: *Dostoevskiy i mirovaya kul'tura: Al'manakh* [Dostoevsky and World Culture: Almanac]. St. Petersburg, Serebryanny vek Publ., 2018, vol. 36, pp. 47–55.
 22. Sytina Yu. N. [On Some Features of Dostoevsky's “Arithmetic”]. In: *Vestnik Russkoy khristianskoy gumanitarnoy akademii* [Herald of the Russian Christian Institute for Humanities], 2019, vol. 20, no. 2, pp. 287–299.
 23. Tarasov B. N. [Tertium non datur: on the place and meaning of F.M. Dostoevsky in the world historical and cultural process]. In: *Russkaya klassicheskaya literatura v mirovom kul'turno-istoricheskom kontekste* [Russian classical literature in the world cultural and historical context]. Moscow, Indrik Publ., 2017, pp. 153–222.
 24. Tarasova N. A., Zhilevich O. I. [The problem of intertextual connections in “Winter Notes on Summer Impressions” by F. Dostoevsky]. In: *Nauchnyy dialog* [Scientific dialogue], 2012, no. 8, pp. 113–127.
 25. Tikhomirov B.N. «Lazarus! gryadi von». *Roman F. Dostoevskogo «Prestuplenie i nakazanie» v sovremen-nom prochtenii* [“Lazarus! Come out!” Roman F.M. Dostoevsky's “Crime and Punishment” in a modern reading]. St. Petersburg, Silver Age Publ., 2005, 472 p.
 26. Chernyshevsky N. G. [Lessing, his time, his life and work]. In: Chernyshevskij N.G. *Polnoe sobranie sochinenij* [Chernyshevsky N.G. Complete Works]. Moscow, State. ed. Fiction Publ., 1948, pp. 5–221.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сытина Юлия Николаевна – кандидат филологических наук, доцент Московского государственного областного университета;
e-mail: yulyasytina@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yuliya N. Sytina – Cand. Sci. (Philology), Ass. Prof., Moscow Region State University;
e-mail: yulyasytina@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Сытина Ю. Н. «Легион имя мне»: ещё раз к вопросу о «муравейниках» Достоевского // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2021. № 3. С. 105–114.

DOI: 10.18384/2310-7278-2021-3-105-114

FOR CITATION

Sytina Yu. N. “Legion is My Name”: Once Again to the Question of Dostoevsky’s “Anthills”. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2021, no. 3, pp. 105–114.

DOI: 10.18384/2310-7278-2021-3-105-114

This image shows a single sheet of white paper with horizontal ruling lines. The lines are evenly spaced and run across the width of the page. There are no margins, text, or other markings on the paper.

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета» основан в 1998 г.

Сегодня Московским государственным областным университетом выпускается десять научных журналов по разным отраслям науки. Журналы включены в Перечень ВАК (составленный Высшей аттестационной комиссией при Минобрнауки РФ Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук). Журналы включены в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатные версии журналов зарегистрированы в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.

Полнотекстовые версии журналов доступны в интернете на сайте Вестника Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru), а также на платформах Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru) и Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (<https://cyberleninka.ru>).

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ: РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ
2021. № 3

Над номером работали:

Литературный редактор Е. В. Доценко
Переводчик И. С. Шаповалов
Компьютерная вёрстка – В. А. Кулакова
Корректор И. К. Гладунов

Отдел по изданию научного журнала
«Вестник Московского государственного областного университета»
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98
тел. (495) 723-56-31; (495) 780-09-42 доб. 6101
e-mail: info@vestnik-mgou.ru
сайт: www.vestnik-mgou.ru

Формат 70x108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Minion Pro».
Тираж 500 экз. Усл. п.л. 7,5, уч.-изд. л. 9,5.
Подписано в печать: 30.06.2021. Дата выхода в свет: 23.07.2021. Заказ 2021/06-14.
Отпечатано в МГОУ
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А